

Лариса Петровна

Лига дожда

© Л. Петровичева, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Глава 1

Змея и волк

Лиза навсегда запомнила тот день, когда познакомилась с Эльдаром.

Уже неделю в Турьевске сыпал мелкий и скучный осенний дождь, бабье лето ушло окончательно, пыля по асфальту цветной цыганской юбкой из облетающей листвы, и настроение, как обычно и случается в октябре, было ни к черту. Сидеть на лекции не хотелось, и Лиза ушла из института – бродить по торговому центру на соседней улице, заглядывать в магазинчики и жевать тугую и холодную булку с сосиской.

На большее денег не было. Студентка, приехавшая в Турьевск из глухой деревни, жила, мягко говоря, очень и очень небогато.

Странный это был торговый центр. Лизе рассказывали, что раньше в этом здании располагалось общежитие, потом его слегка перестроили, и теперь в бывших комнатах размещались магазины и магазинчики. Торговый центр напоминал муравейник: по узким коридорчикам ходили покупатели, заглядывая то в одну, то в другую гостеприимно распахнутую дверь, на лестничных клетках, насквозь пропитанных тоской и дымом дешевых сигарет, постоянно курили продавцы, иногда в коридорах неслышно возникали охранники и так же неслышно исчезали. В косметическом отделе Лиза купила дешевенький крем для рук – осенью у нее всегда сохла кожа из-за перчаток – и устроилась в крошечной кафешке на втором этаже. Забравшись на высокий и ужасно неустойчивый стул возле окна, она заказала кофе и булочку и погрузилась в унылые размышления.

Думать было о чем: повышенная стипендия в этот раз кончилась неприлично быстро, Лиза успела влезть в какие-то копеечные долги, которые надо выплачивать, тема курсовой была абсолютно идиотской, да и в общем и целом жизнь не радовала. Для пущего комплекта можно было добавить небольшой скандал в деканате с преподавателем социологии, но он случился на прошлой неделе и почти успел стереться из памяти всех участников, хотя на всякий случай Лиза планировала пропустить пару по социологии на этой неделе. Ах, да! Еще осенние ботинки на тракторной подошве стали просить каши, и до зимы Лиза в них точно не дотянет. Одним словом, как хочешь, так и крутись, а крутиться некуда. Можно было написать брату в Питер – Кирилл учился там на врача, подрабатывая медбратом на «скорой», – но он и сам едва сводил концы с концами.

Кофе горчил, а чашка была откровенно грязной. За окном сгущался вечер. Люди на улице торопились по своим делам, свет фонарей размазывался по лужам, а впереди была дорога в общагу, скудный ужин из одной только картошки и попытка заниматься, игнорируя вопли двух соседок, которые не могли провести без ругани и четверти часа.

– Эй, студентка, – окликнула Лизу барменша. – Заказывать еще будешь?

Лиза посмотрела на неприятного вида остатки кофе в чашке и ответила:

– Нет.

– А тогда собирайся и шагай. Нечего тут.

Наезд был беспочвенным и наглым – как раз таким, на какой Лиза не умела реагировать. Можно было бы сказать, что кафешка все равно пустует, до закрытия еще два часа, и она, Лиза, тут никому не мешает и имеет полное право сидеть столько, сколько захочет. Но барменша смотрела настолько вызывающе, так нарывалась на скандал, а возможно, что и драку, и так грозно уперла руки в бока, что Лиза предпочла не связываться, подхватила тощий вязаный рюкзачок и пошла прочь.

О том, что вскрытый тюбик крема остался забытым на столе, Лиза вспомнила уже у выхода.

Когда она снова поднялась на второй этаж, то увидела, что на двери кафешки красуется картонка с надписью «Закрыто».

И это стало последней каплей. Лиза сползла по стене на пол и закрыла лицо ладонями. Слишком много всего. Слишком. Вечное одиночество, постоянно пьяные родители в деревне, куда она никогда не вернется, уйма мелких проблем в институте, уже привычное чувство голода, толстые книги, в которые, казалось, впитался запах пыли, скука университетских аудиторий, отсутствие не то что друзей – обычных людей, с которыми можно поговорить... В институте ее сторонились, хотя она никому и никогда не делала ничего плохого; сокурсники

словно чувствовали в Лизе нечто, не позволявшее с ней сблизиться, будто бы она по природе своей должна была оставаться одна.

Когда стук тоски в груди вызрел и готов был взорваться – и, возможно, изувечить Лизу или даже убить – по ее плечу небрежно постучали.

Лиза убрала руки от лица и увидела перед собой человека с тростью.

Человек был очень стильно и дорого одет и прямо-таки источал дух власти и больших денег. И с этим духом не слишком-то вязались растрепанные светлые волосы, пластырь на носу и какая-то дурашливая улыбка. Контраст внешнего и внутреннего Лизе очень не понравился. Ей отчего-то подумалось, что у человека с тростью не все в порядке с головой.

– Чего сидим? – осведомился он. – Задницу на полу застудишь.

– Задница-то моя, – мрачно сказала Лиза, поднимаясь. – Хочу стужу, хочу грею.

– Не надо бомжевать в моем торговом центре, – сурово сказал человек и указал тростью на лестницу. – Выход вон там.

Лиза почувствовала, как щеки заливают алой краской. Вот, значит, что... неужели она настолько непритязательно и убого выглядит, что ее с ходу принимают за нищенку? Нахлынули горький стыд и обида. Лиза провела ладонью по щеке и сказала:

– Я не бомжую. Я студентка.

Незнакомец пристально посмотрел ей в лицо и вдруг подхватил под руку и рывком поставил на ноги. Лиза шарахнулась в сторону, но сразу поняла, что с таким же успехом можно пытаться освободиться из капкана. Ей стало страшно. Покупатели, которые буквально мгновение назад гуляли по этажу, куда-то исчезли. Никто не поднимался по лестнице, никто не выходил из открытых дверей магазинов – торговый центр моментально опустел. И это было неправильно. Слишком неправильно. Лиза не могла объяснить до конца, в чем именно неправильность, но страх в ней рос с каждой секундой.

– Пойдем-ка, – сказал незнакомец и повлек ее к лестнице.

За дверью с табличкой «Администрация» был совсем другой мир. Если на полу основных помещений центра красовалась обколотая плитка и линолеум чуть ли не времен советской власти, краска на стенах безбожно облезала, а перила были уродливо согнуты, то здесь царила небрежная спокойная роскошь: светлые дорогие обои, хороший ковер и мебель, которую Лиза видела только на картинках в журналах. Секретарша, сидевшая за столом и с ужасно деловым видом стучавшая по клавиатуре, на миг оторвалась от дел, посмотрела на Лизу и вернулась к работе. Безмятежный гладкий лоб женщины даже морщинка не перечеркнула. Человек с тростью провел Лизу через приемную и, почти втолкнув в кабинет, бросил через плечо:

– Света, ужин нам огадай.

– Хорошо, Эльдар Сергеевич, – ответила секретарша.

Эльдар закрыл дверь кабинета и произнес:

– Присаживайся, побеседуем.

Лиза послушно опустилась на краешек кожаного дивана. Почему-то сейчас ей и в голову не пришло ослушаться или съязвить по поводу того, что своими дешевыми джинсами она запачкает дорогущую мебель, а чтобы рассчитаться, ей придется продать почку. Здесь и сейчас Лизе стало понятно, что именно неправильно: обеспеченные люди не поднимают студенток с грязного пола и не уводят к себе. У них иные правила игры.

Эльдар вынул из кармана портсигар и сказал:

– Когда-то император Петр вынул из-под солдатской телеги проститутку и сделал ее императрицей. Так что правила игры у обеспеченных людей иногда не имеют никакого значения.

Лиза уставилась на него во все глаза: этот странный человек словно прочитал ее мысли. Эльдар улыбнулся и спросил:

– Куришь?

- Нет, - испуганно откликнулась Лиза.

Хозяин кабинета убрал портсигар.

- Тогда и я не буду. Представляешь, недавно в аварию попал, - и в подтверждение своих слов постучал себе по носу.

- Сочувствую, - сказала Лиза. Что еще можно было сказать?

В кабинет вошла секретарша, неся на подносе ужин явно не из кафешки на втором этаже. Мясо с грибами под сырной корочкой там отродясь не готовили. Лиза почувствовала, как рот наполняется слюной, и подумала, что не может вспомнить, когда в последний раз ела мясо.

- Ты кушай, кушай, - сказал Эльдар и вынул из кармана сотовый телефон.

Сотовые Лиза тоже видела только в журналах и в кино. Эльдар набрал номер и, дождавшись ответа, произнес:

- Геворг? Ты ни за что не угадаешь, кого я нашел. - Он скользнул по Лизе веселым оценивающим взглядом и добавил: - И ведь рыжая, как по канону.

В общагу Лиза вернулась сытой. Она почти не помнила, как это бывает, когда желудок не ноет от голода.

Эльдар подвез ее на своем серебристом джипе, огромном и вызывающе нахальном. Вахтер, вышедший вышел на крыльцо общежития покурить, чуть было сигарету не проглотил. Забросив рюкзачок на плечо, Лиза прошла мимо, стараясь сделать вид, что все в порядке и ничего особенного не происходит. Таких, как она - унылых и никому не интересных девчонок из дальних выселок, - на подобных машинах возят ежедневно.

- Парня нашла, Голицынская? - осведомился вахтер.

Лизе показалось, что он пританцовывает от нетерпения побежать и рассказать каждому встречному-поперечному о том, что на угрюмую ботаншу-нищобродку клюнул богатенький буратино.

- Брат из Питера приехал, - буркнула Лиза.

Сейчас ей как никогда хотелось позвонить Кириллу. Набрать номер и сказать: «Привет... представляешь, я встретила человека, и он говорит, что я уникам».

В общаге было холодно, пахло сигаретным дымом и подгорелой гречневой кашей. На лестнице Лиза никого не встретила, даже заядлого курильщика Антона с матфака, и невольно этому обрадовалась. В тесной кухоньке двое первокурсников пытались сообразить, как готовить ужин. Лиза подумала, что надо бы попить чаю и лечь спать - сегодня у нее не было никакого настроения заниматься курсовой. Видавший виды чайник с цветком на исцарапанном боку - общий на ее с соседками комнату - всюду плевался на плите водой и паром, как сердитый маленький дракон. Лиза сняла с батареи тряпку и, подхватив чайник, чтобы не обжечься, отправилась в свою комнату.

Там ругались так громко, что с потолка чуть штукатурка не сыпалась - второкурсница... пытались выяснить, кто стащил прокладки. Лиза поставила чайник на стол и принялась разуваться. Высокие ботинки на толстой подошве и с тугой шнуровкой выглядели очень стильно, однако стиль с разгромным счетом проиграл турьевским мостовым и вечным лужам. Иногда Лизе казалось, что дождь в Турьевске не прекращается - он вечен, как вечны унылые деревья в институтском дворе, старые дома, отстроенные еще пленными немцами, склочные пенсионеры в транспорте и хроническое безденежье.

- От же ж дрянь ты черножопая!

- Я черножопая?! Ты на себя-то посмотри, тварь!

- Шалава! Еще раз в мою тумбочку полезешь, башку сверну!

Лиза подумала, что начинает привыкать к этой ругани. В общежитии Турьевского педагогического такие номера программы входили в стоимость обслуживания. Бросив в чашку щепотку заварки и налив кипятку, она забралась с ногами на кровать и достала из-под подушки «Крошку Цахеса» - не ради подготовки к завтрашнему семинару, просто для того, чтобы сделать вид, что скандал соседок ей безразличен. Если Ануш и Мася ловили Лизу на

минимальном интересе к себе, то сразу же прекращали грызню и выступали единым фронтом.

«Сколько у тебя денег? – спросил Эльдар, когда Лиза отодвинула пустую тарелку. – Сейчас, с собой».

«Шесть рублей», – ответила Лиза.

Эльдар усмехнулся.

«Если захочешь, то через неделю у тебя будут тысячи».

Лиза поняла намек и ощутила, как ее тоска и усталость сменяются брезгливостью.

Вернее, ей тогда казалось, что она поняла.

Эльдар вернулся в торговый центр поздно вечером. Охранник, сидевший в стеклянной будке на первом этаже, подобострастно улынулся и изобразил некий жест, похожий одновременно на низкий поклон и танец вприсядку. Поднявшись в кабинет – секретарша давно ушла домой, но свет, по обыкновению, оставила включенным на случай внезапного прихода босса, – Эльдар вынул из шкафчика бутылку хорошего коньяка и низенький пузатый бокал. Пить ему в общем и целом не советовали. Эльдар ухмыльнулся и, сев в кресло, свернул пробку.

Первая порция пошла хорошо; после второй пришло знакомое ощущение скуки и внутренней пустоты. Коньяк заполнял ее неплохо, но ненадолго. Эльдар налил третью, чуть прикрыв дно бокала, и отставил бутылку в сторону. В конце концов, сегодняшний день стоит того, чтобы за него выпить.

Забавный город Турьевск. В нем живут в основном работяги, умные люди на этих работах делают большие деньги, а на полу в торговых центрах сидят ведьмы.

Рыжая девчонка была самой настоящей природной ведьмой. Разумеется, она ничего о себе не знала и боялась узнать – как и все девочки ее возраста. Эльдар понимал, что ему невероятно, удивительно повезло. Копал огород по весне – наткнулся на самородок. Девчонку надо брать и учить. В хороших руках ее талант принесет просто невиданные плоды. А такой талант сейчас весьма и весьма кстати – дела Эльдара шли хуже, чем могли бы.

Он подумал и налил четвертую порцию коньяка. Раз в полгода можно, в конце-то концов.

А ведь эта Лиза ему не поверила. Решила, что он сумасшедший. В мыслях голодной студентки мелькнуло что-то вроде «с жиру бесится». Пожалуй, она права. Человеку, который к тридцати годам способен без особых затруднений купить половину славного города Турьевска, по чину положено беситься с жиру. Вдобавок, этот человек пережил лихие девяностые и заимел врагов намного меньше, чем мог бы занять при своем образе жизни, характере и манерах. А если этот человек еще и ведьмак первого посвящения, то дело принимало совсем другой оборот. Очень занимательный оборот.

Четвертая порция точно была лишней. Встав, Эльдар почувствовал, что у него кружится голова. Все-таки пить ему не стоит, врачи правы... Вздохнув, он подошел к старинному зеркалу на стене, которое совершенно не вязалось с современной обстановкой кабинета, и провел по нему ладонью, словно стирал пыль.

Пыли на зеркале не было. Свой кабинет Эльдар содержал в идеальной чистоте.

Зеркало помутнело, и вместо себя Эльдар увидел душевую в общежитии. Обколотая плитка, ржавые трубы, мерзкие разводы на потолке и вольготно себя чувствующая плесень – помещение имело самый непритязательный вид, а уборку тут, похоже, в первый и последний раз делали за день до открытия общаги, еще при советской власти. Лиза в небрежно застегнутом на одну пуговицу халате стояла у зеркала и энергично растирала полотенцем рыжие кудри. Некоторое время Эльдар критически рассматривал ее – так покупатель изучает товар на витрине, прикидывая, стоит ли выкладывать денежки, а затем сказал:

– Нет, ну отсюда точно надо переезжать.

Лиза взвизгнула и шарахнулась в сторону. Поскользнулась на мокром полу, шлепнулась и сделала именно то, чего и ожидал Эльдар, – перекрестилась, помянув явно не Божью Матерь. Нормальная реакция, когда смотришь в зеркало, а видишь не себя, а другого человека, который беззастенчиво тебя рассматривает.

– Приглашаю в гости, кстати, – продолжал Эльдар. – У меня небольшой домишко за городом.

Абрикосовый сад, камин, все такое...

Лиза не ответила. В ее широко распахнутых глазах плескался ужас, какого Эльдар раньше не видел. Наверняка девочка решила, что сходит с ума. А что еще тут, собственно, можно решить? Раз – и накрыла шизофрения, как Иванушку Бездомного. Долго ли умеючи.

– Впрочем, сразу в гости – это явно лишнее, – заметил он. – Начнем с небольшой прогулки по историческому центру. Заодно посмотришь, как я работаю. По первому разу впечатляет, потом сама научишься не хуже. – Эльдар сделал паузу, подумав, что примерно такой же халат когда-то носила его тетка из Кондопоги; впрочем, дешевые безвкусные вещи одинаковы во все эпохи. – Ну не молчи ты как рыба, девонька. Во сколько за тобой заехать?

Она не ответила. Просто смотрела на него, не отводя взгляда, и в глазах сквозь ужас пробивалось какое-то новое чувство. Эльдар вздохнул:

– Или ты предпочитаешь остаться?

Она согласилась просто потому, что терять ей было уже нечего. Хуже, чем ее нынешняя жизнь в нищете, Лиза не могла и представить. В конце концов, участь содержанки позволит хотя бы прилично питаться – так она думала, готовясь ко встрече с Эльдаром. Мысль о том, что с этим человеком ей придется спать, возможно, прямо сегодня, внушала девушке тяжелое брезгливое отвращение. Всю ночь Лиза ворочалась в кровати, пытаясь примириться с несомненными выгодами своего нового положения, пока Мася не запустила в нее подушкой со словами:

– Слышь, ты! Заманала уже вертеться!

Тогда Лиза встала и ушла в комнату отдыха, темную и пустую. Сев за стол, за которым обычно студенты готовились к занятиям, Лиза опустила голову на руки и едва не расплакалась. В конце концов, до этого она как-то умудрялась справляться с жизнью, не торгуя собой. Но теперь Лиза отчетливо понимала, что устала бороться. У нее не осталось сил.

На пары в этот день пришлось забить: Лиза осталась в общежитии и посвятила утро подбору одежды и макияжу. Спустя два часа сборов из зеркала на нее смотрела стройная высокая девушка с огненной шевелюрой, заплетенной в косу. Черная водолазка и обтягивающие джинсы выглядели вполне прилично, придавая Лизе определенный кокетливый шарм, которого у студентки-заучки, не выдающей ничего кроме учебников, не могло быть по определению. К одежде подошли бы туфли-лодочки, но лодочек у Лизы не было. Пришлось довольствоваться старыми ботинками и надеяться, что они не развалятся в самый неподходящий момент.

Закончив приготовления, Лиза села на кровать и подумала, что ведет себя как дура. Эльдар сказал, что она по природе своей ведьма и при грамотном подходе сможет очень хорошо зарабатывать – если не махнет рукой на свой талант. Ага, держи карман шире. Ведьм не бывает, и об этом Лиза знала абсолютно точно. Даже то, что в их деревне на отшибе жила бабка, промышлявшая чем-то вроде простенького колдовства, не могло поколебать Лизиного материализма. Эльдар, конечно, псих. Самый настоящий. Если прочие люди клеят девушек иначе, то он выбрал вот такой способ – ну а что, имеет право. Эта чушь ничем не хуже другой.

Про то, что зеркало в душе вчера показало ей кабинет Эльдара, и владелец кабинета назначил встречу на сегодня, Лиза предпочитала не думать. Перегрелась, померещилось – так она решила и менять решения не собиралась.

Когда с улицы раздался призывный сигнал автомобиля, Лиза некоторое время сидела неподвижно. Внутренний дискомфорт, с которым она боролась всю ночь и утро, снова сжал сердце.

Подойдя к окну, Лиза увидела знакомый серебристый джип. Эльдар стоял рядом, небрежно дымил сигаретой. Компания студенток, куривших поодаль, самым натуральным образом строила ему глазки. Лиза почувствовала в горле комок. Вон сколько дур так и рвутся на ее место, а она все ломается и думает о какой-то мифической порядочности...

Сейчас она, надев курточку и подхватив рюкзак, выйдет из комнаты, и жизнь переменится окончательно.

– А это не твой брат, Голицынская, – поспешил уличить ее вахтер, когда Лиза спустилась по лестнице к выходу. Ехидно так, словно Лиза что-то задолжала ему, он простил долг, но при случае не забывал напомнить и о долге, и о прощении. – Кирюха-то весной приезжал, я его

помню.

Лиза на минутку остановилась возле стеклянной будки вахты. Смерила вахтера – лысоватого тощего мужичка ростом едва ли ей по плечо – самым презрительным взглядом, на который была способна.

– Кому Кирюха, – сказала она сквозь зубы, – а тебе, гнусу, Кирилл Анатольевич, и только так. Понял, гниль?

И вышла на улицу, пытаясь игнорировать вопли в спину, которыми разразился вахтер. Были там и обещания нажаловаться в деканат и выселить, и просто мат по адресу молодых понаехавших шалашовок, и много чего еще. Лиза шла с нарочито прямой спиной и ощущала, как горят щеки.

– Привет, – сказал Эльдар и швырнул сигарету в лужу. Курильщицы натурально раскрыли рты: они и вообразить не могли, что новый русский на роскошной машине ожидает именно Лизу. – Что такая смурная?

Лиза растянула губы в улыбке.

– Привет. Неважно.

– Садись, – Эльдар распахнул перед ней дверцу машины и, когда Лиза устроилась в мягком кожаном кресле, произнес: – И смотри.

Жест его правой руки был легким и очень красивым, почти танцевальным. Из-за раскрытой двери общежития внезапно раздался звон разбитого стекла, моментально сменившийся воем вахтера. «Будка разбилась, – подумала Лиза, – и его посекло осколками. Крепко так посекло...»

Мысль была удивительно отстраненной и спокойной. Лиза сама удивилась этому спокойствию. Эльдар сел на водительское место, включил радио и сказал:

– А пусть рот не разевает, когда не надо.

Машина выехала за ворота и плавно двинулась по улице в сторону Ленинского проспекта. Лиза молчала, с преувеличенным вниманием рассматривая свои руки. Эльдар тоже не заговаривал с ней, мурлыча что-то себе под нос. Пластырь он снял, обнажив заживающую ссадину, расчесать волосы так и не додумался и сегодня выглядел еще бóльшим сумасшедшим, чем вчера. «Я еду с каким-то странным мужиком неведомо куда, – подумала Лиза, – и надеюсь, что вернусь живой. Мне в самом деле нечего терять».

Она снова начала ругать себя за неосмотрительность и глупость, но быстро прекратила безнадежное занятие.

– Это вы обрушили стекло? – спросила она, когда молчание стало невыносимым, а машина проехала по проспекту и свернула в сторону улицы Щорса. То еще местечко – Лиза не отправилась бы сюда даже в сопровождении конной милиции. Жили тут маргиналы, наркоманы и прочий опустившийся сброд. Машину Эльдара прохожие самого затрапезного вида несколько раз провожали такими взглядами, что Лиза вздрагивала.

– Я, а кто ж еще. Давай на «ты», что ли.

«Интересно, почему я не удивляюсь», – подумала Лиза.

– Зачем? Он, наверное, поранился. Сильно поранился.

Эльдар машинально провел пальцем по ссадине на носу и свернул в направлении более спокойного Нижнего Подъячева. Вдоль дороги вместо бараков потянулись желто-бурые хрущевки, и Лиза невольно вздохнула с облегчением.

– Так ему и надо, – бросил Эльдар, выживая из кармана портсигар и отправляя в рот тонкую темную сигарету. – Тех, кто не умеет быть вежливым, надо наказывать. Правильно?

– Не знаю, – пожала плечами Лиза. – Он ведь не со зла. Просто...

Шоколадный дым мазнул по ноздрям.

– Просто он быдло, – сказал Эльдар. – И вот тебе простая правда Эльдара Поплавского: быдло

должно знать свое место. И понимать, что за сказанное рано или поздно приходится держать ответ.

- Стекло-то зачем разбивать? – спросила Лиза. – Он ведь не свяжет причину и следствие.

- Неважно, – ответил Эльдар и подмигнул. – Главное, что их связал я. А ему пару швов наложат. Обычно это заставляет поумнеть.

Джип остановился возле самой заурядной хрущевки. Впрочем, выйдя из машины, Лиза поняла, что тут живут довольно приличные люди: возле подъездов и на асфальте нет мусора, в палисадниках разбиты клумбы, а двери, балконы и оконные рамы в отличном состоянии.

- Здесь инженерам квартиры давали от завода, – сказал Эльдар, запирая машину. – Идем.

Тому, что он снова прочел ее мысли, Лиза уже не удивилась.

Их ждали в квартире на втором этаже. Открывшая дверь женщина, увидев пришедших, сперва шарахнулась в сторону, а потом упала на колени и схватила Эльдара за руки, заливаясь слезами и бормоча что-то жалобное. Эльдар склонился над ней и неожиданно мягко, почти ласково произнес:

- Наталья Степановна, не надо. Я этого не люблю. Пойдемте лучше к девочке.

Он помог женщине подняться и несколько мгновений смотрел ей в глаза, поглаживая по плечам.

- Успокойтесь. Считайте, что все уже хорошо.

Этот тихий спокойный голос и движение рук настолько не вязались с поведением того типа, с которым Лиза вчера познакомилась в торговом центре, что теперь ей стало страшно. Да что там страшно – по-настоящему жутко. Женщина негромко заплакала и снова поймала руку Эльдара, пытаясь ее поцеловать.

- Спаситель вы наш... – пролепетала она. – Если бы только вышло...

- Идемте, – серьезно сказал Эльдар и подтолкнул хозяйку квартиры в сторону комнаты. – Это Лиза, моя помощница. Как Таня сегодня?

- Плохо, – вздохнула женщина, стирая слезы. – Совсем плохо.

Войдя за Натальей и Эльдаром в комнату, Лиза поняла, откуда взялся тот запах, который заставил ее насторожиться еще в подъезде – запах лекарств, невыносимой боли и умирающей плоти, которая еще пытается цепляться за жизнь, но уже понимает тщетность своих попыток. На кровати, утопая в подушках, лежала юная девушка, почти ребенок, и одного взгляда хватало, чтобы понять: она умирает. Серый цвет кожи, лысая голова, глазищи на пол-лица – Лиза почувствовала, что ее сердце сжалось от страха и жалости. Эльдар сел на пол рядом с кроватью, не жалея дорогих брюк, и взял девушку за руку.

- Привет, Тань, – сказал он с той же неожиданной мягкостью. – Как ты?

Таня попыталась улыбнуться, но не смогла.

- Плохо, – услышала Лиза свистящий шепот. – Болит... все.

- Максим скоро привезет... – начала было женщина, но Эльдар нетерпеливо взметнул руку, прерывая ее.

- Неважно, решим. Таня, милая, ты сейчас глаза закрой и подумай о хорошем.

- Мы однажды на юг ездили, – промолвила Таня.

Эльдар кивнул.

- Думай про юг. Горы, пальмы до неба...

То, что произошло дальше, Лиза не могла объяснить. Этого просто не могло быть, но это было.

На кончиках пальцев Эльдара появились легкие синие огоньки – трепещущие, нежные, они вырывались из его рук и медленно втекали в рот Тани. Девушка содрогнулась всем своим хрупким маленьким телом и обмякла на подушках. Лиза смотрела, не в силах отвести взгляд:

дыхание Тани становилось все спокойнее, а на известково-серых щеках осторожно проступал румянец.

Наталья за спиной Лизы ахнула и тотчас же зажала рот ладонями, словно ее испуганное восклицание как-то могло разрушить чудо.

- Thaami hetho foram, - отчетливо произнес Эльдар. Огоньков становилось все больше, теперь они были не разрозненными светлячками, а роем, который наполнял Таню. Лиза услышала тихое низкое гудение, которое бывает возле опор электропередач: рой жужжал, как и положено всякому рою. - Themini nau thor foram.

Девушка дышала ровно и глубоко. Эльдар выпустил ее руку, и вскоре последний синий огонек исчез во рту Тани. Теперь - Лиза видела и не верила в то, что видит - это была самая обычная спящая девчушка-старшеклассница, и, если бы не безволосая голова, то о ее болезни никто бы не догадался. Несколько минут Эльдар молча и неподвижно сидел на полу, потом слепо пошарил по карманам и негнушимися пальцами вынул часы.

- Три минуты, - сказал он. - Наталья Степановна, все. Волосы завтра начнут отрастать, а так все уже в порядке.

Женщина снова свалилась Эльдару в ноги, и на этот раз он не стал ее останавливать.

Максим, отец девочки, появился вскоре после того, как действие было завершено и Лиза помогла Эльдару подняться и пересест в одно из кресел, а Наталья Степановна принесла чашку чая. Чашку пришлось взять Лизе и поить Эльдара с ложечки: на полчаса его пальцы потеряли чувствительность. В чемоданчике, который принес Максим, были деньги - увидев их и прикинув примерную сумму, Лиза едва не присвистнула по-босаяцки. Потом Эльдар окончательно пришел в себя, раскланялся с обитателями квартиры, которые так и норовили снова упасть ему в ноги, и сказал:

- Пойдем, Лизавета, душа моя. Время - деньги.

День Лизы продолжился в загородном доме Эльдара.

Раскрытый чемоданчик лежал на стеклянном столике в центре огромной, богато обставленной гостиной. Лиза, подобрав ноги, устроилась в одном из кресел, а Эльдар время от времени принимался ходить туда-сюда - ему явно не сиделось на одном месте.

- Итак, ты - природная ведьма. Скорее всего, склонность к тому, что называют колдовством - это генетический сбой, - Эльдар остановился, плеснул в бокал коньяка и сделал глоток. - Мы с тобой, с точки зрения большинства, уроды. Монстры. Я - ведьмак первого посвящения, то есть пострашнее и покруче, чем ты. Ты - тоже урод, но пока еще почти ничем не отличаешься от массы. Сидишь на полу в торговом центре и ревешь потому, что потеряла копеечный крем.

Лиза подумала, что уже ничему не удивляется. Ведьмы, монстры... после увиденного сегодня она и в Деда Мороза была готова опять поверить.

Хотя уродом быть не хотелось. Это все-таки было слишком. Откровенность Эльдара казалась Лизе неприятной.

- Что такое посвящение? - спросила Лиза, игнорируя подкол по поводу крема. Внутренний голос подсказывал, что таких подколов будет еще немало.

Эльдар швырнул в рот фисташку из вазочки и ответил:

- Обряд, который освобождает твои силы. Сейчас ты скорее пупок себе порвешь, но стекло на вахтера не обрушишь. Кулаком - да, возможно, если не струсишь. Мысленным ударом - нет. Хотя это так - тьфу и растереть. Перед девками румяными выделяваться.

Отчего-то Лизе показалось, что Эльдару почти нет дела до румяных девок - слишком много времени отнимают иные задачи, в том числе и борьба с самим собой. Похоже, он снова прочитал ее мысли, потому что подмигнул и отсалютовал бокалом. Что-то мешало Лизе вздохнуть с облегчением по этому поводу. Должно быть, понимание того, чем все-таки кончится этот вечер.

- А потом обрушу? После посвящения?

Эльдар, который, пританцовывая, двигался по гостиной, вдруг остановился и совершенно серьезно посмотрел на Лизу.

- С легкостью, - ответил он. - А еще ты сможешь влюбить в себя любого мужчину, от соседа Васи до президента, сделать так, что у декана вырастет собачья шерсть на лице, скрутить сгибальника из тряпки, чтобы убить человека на другом краю света, и вернуть здоровье ребенку на последней стадии рака.

Он говорил правду, но Лиза не знала, что ей делать с такой правдой. Она не понимала, о чем конкретно думает и что чувствует, мысли метались, словно испуганные белки.

- Ты сможешь забыть о нищете, - Эльдар выложил то, что было несомненно сильным козырем.

Лиза поежилась. Она прекрасно понимала, что вариантов дальнейшей жизни у нее было не слишком много. Вернуться в деревню, работать в школе учителем сразу по всем предметам и окончательно состариться к тридцати годам, либо выйти замуж за однокурсника, родить сперва одного, потом второго ребенка, складывать копейку к копейке, чтобы купить себе лишние колготки и мечтать об отдыхе хоть где-то, кроме дачи в сотне километров от города, - вот и все варианты.

- Мы уроды, да. Но мы очень богатые уроды. Сегодня я заработал двухкомнатную квартиру... чего не отдашь за жизнь единственного ребенка, правда?

- Мог бы и бесплатно девочку спасти, - мрачно сказала Лиза.

Эльдар безразлично пожал плечами.

- Мог бы. Но сегодня я спасу ее, завтра тоже поработаю за спасибо, а через месяц вернусь в Кондопогу, работать в музее природы экскурсоводом. Или в дурку - санитаром. Не смотри, что я дрищ. Я сильный, буйных скрутить смогу. Одним словом, снова полезу в то дерьмо, откуда выбрался, но буду помогать всем, до кого дотянусь. - Поставив бокал на стол, Эльдар потянулся в карман за сигаретами, но на полпути передумал. - Понимаешь, Лиз, все имеет свою цену. Ты либо платишь деньги, либо берешь просто так... но потом все равно придется заплатить. И уж поверь мне - лучше отдать эти веселые разноцветные бумажки, чем, например, удачу за десять лет. Или возможность встретить любовь всей жизни. Да мало ли... Деньги, во всяком случае, можно контролировать. Это намного проще.

Он спрятал руки в карманы и отвернулся к окну. Под окном был сад - уже растерявший листья, мокрый, насупленный, но Лиза точно знала, что весной, когда цветут абрикосы, там очень красиво.

- Ты из Кондопоги? - спросила она.

Эльдар помолчал, потом ответил:

- Да.

Лиза подумала, что он не хочет говорить об этом, однако через пару минут Эльдар произнес:

- Представь себе, городишко почти на краю света. Вечная скука. Обыватели, которые суют свой нос в чужие дела именно из-за этой скуки. И я. Ребенок из очень приличной по местным меркам семьи, у которого случаются припадки. И во время этих припадков он может покалечиться или покалечить кого-то из близких. Не говоря уж о сломанной мебели, - Эльдар улыбнулся, но улыбка вышла кривой и болезненной. - Как ты думаешь, что сделают с таким ребенком?

Лиза смотрела на него и не могла отвести взгляда. И ответить не могла - горечь стиснула горло сильными пальцами.

- Наверное, лечить станут, - сумела выдавить она в конце концов.

Эльдар кивнул.

- Родители сдали меня в больницу. Давай я не буду тебе рассказывать о том, как именно меня лечили. Приятного мало, как ты понимаешь. Факт остается фактом: я оттуда вышел еще большим психом, чем поступил. К тому же озлобленным на весь белый свет. На родителей в первую очередь, потом уже на все остальное. Как сейчас помню: девяносто второй год, страна на ушах стоит, вся муть со дна поднялась, куда идти и что делать - вообще неясно. И все миллионеры, потому что миллионом можно подтереться, он ничего не стоит. И я тогда решил, что никогда больше не буду голодать и нуждаться. Убью, украду, сделаю все, что можно и чего нельзя - но не буду. Почти Скарлетт О'Хара, но у меня ситуация была все-таки похлеще.

От девяносто второго года у Лизы почти не осталось воспоминаний – память подсовывала зиму, метель, дорогу домой из школы и точившего душу червячка, который уверял, что лучше уже не будет и весна никогда не наступит. Она понимала, что Эльдар прав: все люди лезут наверх. Выше и выше, как можно выше, и не дай бог свалиться обратно.

– Так что подумай сама, чего ты хочешь, – сказал Эльдар. – Вернуться в свою Дуевку-кукуевку, коровам хвосты крутить или подняться туда, где весь мир будет стоять в очереди, чтоб лобызнуть тебя в задницу. Я свой выбор сделал. Выберешь правильно – помогу.

– Мы уроды, – вымолвила Лиза, чувствуя, что губы дрожат. – Уроды.

Эльдар улыбнулся – открыто, откровенно и безумно.

– Верно, – ответил он. – Уроды. Но этот мир – наш.

В «Плазу», огромный торговый центр, сияющий стеклом, пластиком и разноцветной подсветкой витрин, Лиза никогда не заходила. Что делать понаехавшей девчонке там, где носовой платок стоит больше, чем ее повышенная стипендия – на бедность просить? Эльдар толкнул ее в спину, и Лиза практически влетела в здание: влетела и на минуту застыла, ослепленная красками, звуками, запахами. Здесь была совсем другая жизнь, и эта жизнь, которая и в мечтах не могла стать Лизиной, вдруг подхватила ее и унесла.

Эльдар за руку притащил ее в один из бутиков, где продавщицы, подобострастно улыбаясь и кланяясь, одели Лизу с головы до пят, начиная с белья и заканчивая обувью. Это происходит не со мной, думала Лиза, с восторгом ощущая прикосновение дорогих тканей к коже. Тонкая шерсть, невесомый шелк, мягчайший кашемир словно ласкали ее: Лиза чувствовала, что готова замурлыкать, как сытая кошка. Это был сон, и она не хотела просыпаться. В реальности ее ждала общага с отлетающими обоями на стене и сквозняками, бомж-пакетики с лапшой и две недели до стипендии – торопиться было некуда. А во сне Эльдар наряжал ее, словно куклу, и Лиза думала: пусть. В конце концов, она ничем не хуже тех холеных красавиц, которые словно сошли с обложки модного журнала и выбирают лучшее, не имея ничего за душой, кроме богатого покровителя.

Платить, конечно, придется, Эльдар прав. Но она и так платит каждый день.

Потом они покинули «Плазу», и Эльдар сказал, что есть еще одно интересное и нужное место, в котором непременно нужно побывать.

А после у него начался приступ.

Лиза поняла – что что-то пошло не так, – когда Эльдар резко вывернул руль, и джип покинул проспект и припарковался в одном из дворов. Лизе мельком подумалось, что только в Турьевске бывает так: десяток метров от центральной улицы – и вот вам какие-то сараи, заборы, покосившиеся домишки-развалюхи... Вырвав из замка ключ зажигания, Эльдар бросил его себе под ноги и медленно провел ладонями по мгновенно осунувшемуся лицу.

– Что с тобой? – испуганно спросила Лиза.

– Плохо, – проговорил Эльдар, выплевывая слова сквозь зубы. – Совсем.

Он побледнел и дрожал, по щекам скатывались крупные капли пота, и Лиза поняла, что дело скверно. Она схватила его за руку, не зная, что надо делать – страх в ней рос, становился все больше и шире; затем Эльдар прошипел:

– Выходим, – и практически вывалился из машины. Лиза бросилась за ним, шаря по карманам курточки: где-то там заваялся кругляш валидола, на прошлой неделе у нее болело сердце, и староста поделилась лекарством. Не бог весть что в этой ситуации, но хоть какая-то помощь. А если Эльдар умрет, что ей делать?..

Потом Эльдара не стало. Лиза споткнулась на ходу и застыла, не веря своим глазам и зажав рот ладонями, чтобы не заорать от ужаса на весь город: человек исчез, и вместо него у машины стоял зверь.

Она не могла сказать, сколько у него глаз и лап. Огромная махина, покрытая темно-бурой клокастой шерстью, ворочалась и взрыкивала – так черная грозовая туча колышется у горизонта, обещая невиданную бурю. Из мрачной громады то показывалась лапа с добрым десятком суставов и когтями, которые могли дать фору охотничьим кинжалам, то взмаргивал и закрывался желтый глаз с вертикальным зрачком, то открывалась пасть, обнажая кривые зубы в несколько рядов. Лиза взвизгнула, отшатнулась и упала в лужу – зверь издал низкий

рык и обернулся к ней.

Теперь Лиза видела, что зверь был кем-то вроде медведя – конечно, если у медведя бывает длинный хвост с загнутым, нервно подергивающимся жалом на конце, и лишняя пара лап. Зверь был очень старым и видавшим разные виды: шерсть на левом предплечье была выжжена, словно туда ткнули факелом, по груди вился толстый шрам, оставленный, должно быть, каким-нибудь охотником на чудовищ, и на боку, там, где розовело пятно кожи, копошилось что-то зеленое и живое – словно паразиты пировали на живой плоти.

Зверь зарычал, и Лиза завизжала. Она представить не могла, что способна так визжать – высоко и тонко, как раненое животное. В шерсти сверкнула жидким золотом пара глаз, и зверь плавно, быстро и грациозно бросился к Лизе.

Удара она не почувствовала. Успела удивиться тому, что куда-то летит, а потом врезалась в стену сарая и сползла в сырую грудку листьев. Спина взорвалась болью; Лиза заскулила от ужаса и на четвереньках поползла в сторону. Зверь осанисто повел головой и плечами; Лиза успела подумать что-то вроде «Меня убивает чудовище в центре города среди бела дня», а после пришел еще один удар – и теперь за ним последовала темнота с влажным запахом звериной шерсти.

Лизу куда-то тащили сквозь эту темноту, а затем все кончилось, и не стало ни звуков, ни запахов, ничего.

Она пришла в себя от шлепков по щекам и негромкого:

– Вставай, девочка. Вставай, ну.

Шлепок. Еще один.

– Рота, подъем.

Еще шлепок. Лиза почувствовала, как жжет спину, и открыла глаза.

– Умница.

Она сидела на переднем пассажирском кресле Эльдарова джипа. В салоне теперь пахло чем-то вроде яблок – запах смешивался с самым банальным дымом дешевых сигарет. Сзади на диване кто-то ворочался и шипел от боли; посмотрев туда, Лиза увидела Эльдара. Бледный до синевы, в разорванной водолазке, с расцарапанным лицом, он словно тоже побывал в когтях зверя. Глаза Эльдара были закрыты: он то ли спал, то ли был без сознания, то ли просто не хотел никого видеть.

– Как самочувствие?

Лиза обернулась к мужчине на водительском сиденье и ойкнула от неожиданности: ей подумалось, что Эльдар умудрился раздвоиться, и сейчас одна его половина корчится сзади, а вторая сидит рядом с Лизой. В конце концов, кому известны возможности этих ведьмаков? Однако, всмотревшись, Лиза поняла, что это все-таки другой человек. Он выглядел более уравновешенным и спокойным, светлые волосы, в отличие от буйной Эльдаровой шевелюры, были подстрижены и подчеркнута аккуратно причесаны – одним словом, Эльдар был бы таким, если бы его болезнь вдруг исчезла.

«Совершенно нормальный человек», – подумала Лиза и сказала:

– Самочувствие... вроде ничего. Нормально, да.

– Я Эрик, – улыбнулся мужчина и мотнул головой в сторону Эльдара. – Брат вот этого типа. А вы Лиза, так?

– Так, – кивнула Лиза.

– Спина болит?

Прислушавшись к себе, Лиза ответила:

– Чуть-чуть есть. Извините, Эрик... а где зверь?

Эрик вопросительно изогнул левую бровь – теперь в его взгляде было нескрываемое уважение, словно Лиза внезапно очень выросла в его глазах.

- А вы видели зверя? - уточнил он. - меховая такая громадина, смесь медведя со скорпионом. Правильно?

Лиза закивала. При воспоминании о живой гнили, копошившейся в шерсти чудовища, ее начало мутить. Эрик одобрительно цокнул языком.

- Вы и правда феномен, брат не преувеличил, - он закрыл дверь джипа со стороны водителя, и вскоре машина уже выезжала на проспект. Эльдар на заднем сиденье открыл глаза, пробормотал что-то невнятно-жалобное и снова погрузился в сон. - А зверь вот. Дрыхнет себе. Он ведь оборотень, вы знали?

За окнами сгущался вечер. Люди шли с работы, машины потихоньку собирались в пробки возле светофоров, витрины магазинов вспыхивали разноцветными огнями. Лиза чувствовала, что ее джинсы насквозь мокрые - то ли потому, что она упала в лужу, то ли потому, что не удержалась с перепугу. А Эльдар, ко всем его безумным прелестям, еще и оборотень. Честное слово, для одного дня этого было слишком много.

- Он говорил, что у него случаются приступы, - промолвила Лиза.

Эрик кивнул.

- Верно. В основном люди видят только приличного человека, который бьется в некое подобие эпилептического припадка. Может покалечиться, поранить других, но в целом ничего сверхъестественного. И очень немногие - например, вы - могут увидеть зверя. Честно, Лиза, я не знаю, что это за зверь и с чем его едят, - Эрик усмехнулся невольной шутке, но тотчас же стал серьезным и закончил очень грустно: - Скорее всего, это часть его души.

Джип миновал проспект и свернул в направлении дома Эльдара. Лиза подумала, что сейчас с ней распрощаются, и она поковыляет обратно в общагу. В мокрых портках, грязная и растрепанная. А общага наверняка уже гудит от сплетен по поводу того, что Лизку-ботаншу катает новый русский - увидев ее, сплетники довольно улыбнутся и расскажут что-то вроде того, как над серой молью надругались и вышвырнули на обочине, и так ей и надо, и жаль, что мало получила, надо бы побольше и побольнее. Особенно будет радоваться порезанный вахтер, видя в этом торжество высшей справедливости.

Лизе хотелось заплакать, но она прекрасно понимала, что при Эрике - спокойном, выдержанном джентльмене, который не теряет присутствие духа ни при каких обстоятельствах, - этого делать не следует. Леди должна оставаться леди - даже лохматой и в грязи.

- Я не то чтобы не теряю присутствия духа, - откликнулся Эрик. Похоже, чтение мыслей окружающих было у Поплавских фамильной чертой. - Просто привык к этому с детства. Он еще в детском саду так закидывался. А вы... - он посмотрел на Лизу, и теперь она заметила, что у него разноцветные глаза - один карий, второй зеленый. - Вы и правда уникам, Лиза. Но сейчас вам лучше всего пойти в душ.

В мокром пятне на джинсах была виновата лужа, и только она. Можно было вздохнуть с облегчением.

Стянув одежду и сбросив грязный ком на пол, Лиза оттолкнула его ногой и вошла в душ. Тугие струи горячей воды ударили в кафель, струйки пара закрутились и поплыли по душевой - Лиза стояла неподвижно, чувствуя, как с нее стекают дела и заботы минувшего дня. Подумать только, еще вчера днем она ничего не знала ни о ведьмаках, ни об оборотнях, и мир крутился вокруг обычных дел и забот. В ее реальности не было людей, способных исцелять раковых больных одним прикосновением руки, а затем превращаться в чудовище. Прошел всего один день, и все переменялось. Реальность вывернулась наизнанку и уже никогда не станет прежней.

Французский гель для душа пах зеленым чаем. Лиза усердно работала мочалкой, словно желала содрать с себя старую кожу, старые мысли, старую жизнь. Сделай правильный выбор, и тебе помогут с ним жить - можно подумывать, здесь есть, над чем ломать голову.

Она сделала выбор, когда утром села в джип Эльдара. Казалось, с тех пор прошла вечность.

«Наверное, я даже вещи из общаги не заберу, - думала Лиза, вспоминая презрительное выражение лица Эльдара, когда тот говорил про коров и хвосты. - Ануш и Маша с радостью их прикарманят». Выключив воду, Лиза энергично растерлась полотенцем, быстро переоделась в дорогие тряпочки, купленные Эльдаром в «Плазе», и подумала, что оставаться в доме

Поплавских на ночь не станет – это было уже неприлично. Городской транспорт, понятное дело, давно не ходит – ну да ладно, она придумает, как добраться до общаги. В сумке где-то завалились остатки стипендии, которых должно хватить на такси.

Эльдар сидел в кресле в гостиной, задумчиво водил пальцем по стопкам купюр, и в его бокале, к счастью, был не коньяк, а апельсиновый сок. С такими припадками надо быть ярым трезвенником, подумала Лиза и поинтересовалась:

– Как самочувствие?

Он пожал плечами и откликнулся:

– Не знаю, Лиз. Устал.

Лиза ощутила мгновенную острую жалость. И на что ему эти деньги, и все запредельные возможности, и бесконечный мир, который рвется встать в очередь, чтобы поцеловать в задницу, если они не могут уничтожить зверя, а сам Эльдар одинок и несчастен... Мужчина отставил бокал и, поднявшись с кресла, вдруг оказался рядом с Лизой – быстро, она почти не уловила движения. Раз – и рядом, вплотную, смотрит в глаза пристально и оценивающе, словно что-то решает для себя.

По спине пробежала горячая волна. Лиза сделала шаг назад, еще один – Эльдар двинулся следом, словно в танце.

– Я поеду домой, – сказала Лиза. – Завтра к первой паре.

– Да ну? – деланно удивился Эльдар. Поднял руку, прочертил пальцем линию по скуле Лизы. – Твой дом в Дуевке-кукуевке. И завтра в четыре утра на дойку.

Прикосновение заставило пробудиться целый батальон мурашек, который бодро забегал по пояснице. Отступить было некуда – Лиза уперлась в стену.

– Я туда никогда не вернусь, – вымолвила она едва слышно. – Никогда.

Эльдар довольно улыбнулся, словно не ожидал другого ответа. Его руки скользнули под тонкий свитер Лизы – она отпрянула в сторону, но освободиться не получилось. От Эльдара пахло чем-то сухим и горьким – неужели звериной шкурой? Лиза подумала, что он сейчас может сломать ее, как порыв ветра соломинку.

В конце концов, что она теряет? Не почку же отдает... Что греха таить – еще утром Лиза прекрасно знала, чем все закончится. Колдовство и оборотни были просто оправой для довольно банального полотна.

– Мне надо домой, – проговорила она и не услышала своего голоса. Жесткие горячие пальцы Эльдара неспешно, словно перебирая клавиши рояля, двинулись вверх по ее спине, к застёжке бюстгальтера. Лиза чувствовала, как сердце замирает. Не от волнения, нет – от страха.

– Такси вызову, – глухо откликнулся Эльдар. – Да не трясись ты, не съем.

Лиза закрыла глаза, словно опущенные веки смогли бы отделить ее от происходящего. Запах зверя стал гуще и тяжелее, накатывал волнами и едва не сбивал с ног. Эльдар неторопливо стянул с Лизы свитер и, прижав девушку к себе, несколько минут стоял неподвижно, будто не мог решить, что хочет сделать дальше. Лиза тоже не двигалась, и чужие руки на спине, казалось, прожигали ее до костей. Так они и стояли, пока в гостиной не раздался голос Эрика:

– Эльдар.

Эльдар вздрогнул, словно пробудился ото сна. Лиза открыла глаза: Эрик стоял в дверях, смотрел на брата, и его взгляда Лиза не поняла.

– Эльдар, брат, – мягко произнес Эрик. – Тебе бы поспать пару часов.

Эльдар улыбнулся и кивнул – так послушный ребенок отправляется вечером в постель, когда родители решают, что ему пора отдыхать. Он выпустил Лизу и направился к выходу. Эрик похлопал его по плечу, и Эльдар покинул гостиную. Подхватив свитер, Лиза стала одеваться – руки дрожали, и она с трудом попадала в рукава. Эрик смотрел на нее, и Лиза подумала, что он, должно быть, никогда не улыбается по-настоящему.

Такси Эльдар ей все-таки вызвал.

Будильник зазвонил ровно в семь.

Обывателям только кажется, что люди с верхушки жизни могут позволить себе валяться в постели до обеда. Позволить-то могут, только через пару месяцев кушать будет нечего. Торговый центр открывался в десять – в половине девятого Эльдар, всегда чисто выбритый и аккуратно одетый, входил в свой кабинет, на ходу выпивал чашку кофе, сваренную секретаршей по семейному рецепту, и принимался за работу.

У секретарши в роду была прабабка-ведьма, но девочка не унаследовала почти никаких способностей. Кроме варки удивительного кофе – вот тут да, она была невероятно талантлива. Потому Эльдар и держал ее при себе: окончательно проснуться в будни без кофе было делом невозможным. Затем, быстро проверив почту, до полудня он занимался проблемами и работами своего бизнеса, встречаясь с арендаторами и банкирами, работая с документами и решая мелкие насущные вопросы.

Так было и сегодня. Эльдар почти не менял заведенного порядка вещей.

В полдень зазвонил сотовый. Этот номер знали только избранные; однажды председатель правления центрального банка выложил свою зарплату за два месяца просто для того, чтобы узнать набор цифр для связи с господином Поплавским. Сейчас звонил мэр. Высокий, крупный, громогласный, тяжеловесно солидный в движениях, во время разговоров и встреч с Эльдаром он превращался в испуганного маленького мальчика, который отважился попросить игрушку у сурового отца. Эльдар выслушал просьбу, высказанную дрожащим запинаящимся голосом, и произнес извиняющимся тоном:

– Антон Иванович, не могу. Плохо себя чувствую. Помогу вам – совсем слягу. А у вас предвыборная компания на носу, это намного важнее.

Мэр залепетал что-то о предложении удвоить сумму Эльдарова гонорара. Эльдар задумчиво поиграл золотой ручкой с кокетливым камешком на зажиме и ответил:

– Вы меня, Антон Иванович, просто без ножа режете. При всем уважении – не могу. Позвоните Хикмету, он неплохой специалист, зарекомендовал себя... Я вам даже его домашний телефон скажу.

Мэру Хикмет был не нужен: требовалась помощь именно Эльдара Поплавского, и мэр сказал об этом напрямую. Эльдар вздохнул и увеличил гонорар в три раза – и то делая вид, что уступает исключительно из уважения к серьезному человеку. Мэр возликовал и сообщил, что уже переводит деньги, и многоуважаемый Эльдар Сергеевич может приниматься за работу в любое удобное для него время.

Закончив разговор и отложив телефон, Эльдар сунул руку в карман, извлек тончайший носовой платок с монограммой и смачно в него высморкался. Сгибельник, самодельная кукла, несущая быструю и неотвратимую смерть, требовала для своего создания именно физиологических жидкостей колдуна. Эльдар не любил сгибельники и занимался ими только тогда, когда дела шли неважно – а сейчас они, по большому счету, не слишком ладились, хотя Эльдар делал все, чтобы его имидж успешного человека оставался непоколебимым.

На веревочку для сгибельника пошел шнурок от ботинка. Эльдар старательно перевязал куклу, положил на стол и, проведя над ней ладонью, прошептал длинную невнятную фразу на древнем языке магов. Сгибельник дернулся и поднялся на мягкие неустойчивые ножки. Эльдар брезгливо скривился и сказал уже по-русски:

– Иди, иди. Цена выплачена.

Сгибельник бодро спрыгнул со стола и поковылял в приемную. Эльдар машинально взял со стола листок бумаги для записей и задумчиво принялся рвать его на тонкие полоски. Вскоре из приемной донесся визг секретарши – ага, сгибельник добрался до двери. Сейчас он выйдет в коридор и станет невидимым. Люди вообще редко видят то, что творится у них под носом. Домовые, скрученики, хвостоплясы, свинорылы запросто ходили по улицам, дворам и домам, занимались своими делами – никто их не замечал...

– Ну и хорошо, – сказал Эльдар. – Уссались бы с перепугу.

Он вышел в приемную и некоторое время наслаждался занимательной картиной: секретарша сидела на столе на корточках и уже не визжала – икала, периодически издавая испуганный писк. Эльдар вздохнул, собственноручно снял девушку со стола и пару минут гладил по плечам – успокаивал, как ребенка, на которого взрослые нагнали страху.

- Сги... Сги... Сгибельник, - вымолвила девушка, словно пытаясь оправдаться за собственный ужас.

- Я их тоже не люблю, Светочка, - сказал Эльдар, вынул из волос секретарши испанский золотой дублон и вложил в ее дрожащую ладонь. - Ненавижу сгибельников, но такова работа.

Секретарша икнула в последний раз и сжала руку в кулак, боясь потерять подарок. В кабинете запищал сотовый, и Эльдар покинул приемную.

- Эля? - бархатный голос Хикмета звучал настолько медово и ласково, что Эльдару показалось, будто его опустили в теплый сироп. - Здравствуй, мой милый.

- Привет, Хикмет, - ответил Эльдар холодно. - Чего хотел? А то работы много.

Хикмет, смуглый, начинающий полнеть и лысеть ровесник Эльдара, был вроде бы из турок, но по-русски говорил без малейшего акцента, обычаи знал и водку пил так, что мама не горюй. Откуда появился этот пройдошливый знающий маг второго посвящения, Эльдар так и не выяснил, хотя пытался несколько раз, заходя с разных концов. Прошное Хикмета до приезда в Турьевск было окутано тайной, словно самого Хикмета раньше не существовало в природе, и он появился лишь на границе города.

- Говорят, ты вчера снова закинулся? - с глумливой заботой поинтересовался Хикмет. Эльдар ощутил, как каменеет лицо, а уголки рта оттягивает книзу. Все всё знают, поэтому и с делами проблемы.

- Говорят, что кур доят, - процедил он. - Что нужно-то, Хикмет? Деньги капают.

Хикмет сразу избавился от сладкого издевательского тона и заорал, щедро перемежая речь матом на русском и турецком:

- Deli, ты охренел? Утратил сцепление с реальностью?! Ты какого черта заказы у всего города загребашь, şerefsiz? Все сидят, как лохи, один Поплавский жирует! Золото из ушей капает! Самый умный, да? Или самый шустрый? Мэр у тебя с рук жрет, деловые в ноги падают, а нам с Аннушкой на бедность просить прикажешь?

Психопата и недостойного. Эльдар пропустил мимо ушей. Если бы за каждое подобное именование он получал хотя бы полтинник, то мог бы уже давным-давно оставить практику и спать на юге под пальмами.

- Меня зовут, и я прихожу, - сказал он холодно. - Учись не только трахать свою Аннушку, но и дело делать. Жирую, ага. Секретутку златом осыпаю. А все потому, что имею уважение, знания и опыт. Потому ко мне и идут умные обеспеченные люди, а к вам нет. Так что sikma kafalı, лучше делом займись.

- Я займусь, - мрачно пообещал Хикмет. - Я так займусь, что тебе небо с овчинку покажется. Забыл Ивантеевку? Так я напому.

Эльдар машинально потер левое предплечье. Кожа человека там была чистой, а вот у зверя на этом месте красовался незаживающий ожог. В Ивантеевке на крупном заказе у Эльдара неожиданно случился припадок, и Хикмет, находившийся неподалеку, без затей ткнул его огненным шаром, собираясь не остановить - убить. Эльдар помнил, как его охватило пламенем, помнил свою боль, страх и непонимание: почему? За что?

Потом он понял. Потом - когда примчался Эрик и обрушил с неба ледяной дождь, погасивший огонь. Боль ушла, припадок закончился, и вернулась возможность сообразить, что бешеных собак не гладят по шерстке - их отстреливают.

Шары турок кидал просто на зависть. Эльдар подумал, что надо бы дополнительно укрепить ауру.

- Хикмет, şele karat, - устало посоветовал Эльдар. - Предъявляй претензии не мне, а заказчикам. Я только работу работаю. Хочешь - Аннушке твоей заказ скину хоть сейчас. Только ведь она облагается, как пить дать. И ты облагаешься. Не по вашим зубам орехи, ребят, вы смиритесь.

Хикмет вздохнул и произнес с прежними сладкими интонациями:

- Элечка, а ведьму-то ты тоже сам посвящать хочешь? Не надо заказов, отдай девчонку. Делиться надо. Что ты, как не родной?

- Во-первых, - сухо сказал Эльдар, - я тебе не Элечка, а Эльдар Сергеевич. Во-вторых, кто первый встал - того и тапки. Я ведьму нашел, мне ее и посвящать, - он сделал паузу, во время которой Хикмет чуть паром не изошел от злости и добавил: - Я бы отдал ее Аннушке. Честно - отдал бы. Женщина женщину лучше поймет. Только она девчонку так посвятит, что ее в наперстке домой принесут. Так что я сам, Хикмет. А ты походи, посмотри... может, тоже что полезное найдешь. Например, бутылки. За полтинник сдашь, копейка к копейке... так капиталы и составляются, ты не знал?

Новый взрыв нецензурщины на русском и турецком он слушать не стал. Нажал кнопку отбоя и выключил телефон.

«В конце концов, - думал Эльдар, глядя на раскинувшийся за окном город, - я всего лишь ведьмак первого посвящения. Таких на Руси - как дерьма за овином. И говорить в подобном тоне с Хикметом, знающим магом, который выше меня по рангу, я не имею права. Но Хикмет при всех чинах и регалиях - бездарь. А меня до второго посвящения не допустят никогда, хотя я могу гораздо больше, чем он. Таково положение дел, и с ним приходится мириться».

Он вспомнил, как корчился в снегу, пытаясь сбить пламя и понимая, что теперь, сейчас, в эту минуту - умирает. Его убивают. Вспомнил, как Эрик мчался среди деревьев, перепрыгивая через кочки и овраги, и, вырвавшись на полянку, где проходил обряд, вскинул руки в небо и выплюнул в зимний вечер слова заклинания, чтобы в очередной раз спасти непутевого брата. Синий шар вспыхнул в его ладонях и лопнул, заливая поляну дождем.

Хикмет тогда натурально остолбенел от изумления. С одним Поплавским он еще бы совладал, но вот с двумя...

Хикмет сильно вырос бы сильно вырос в глазах магического сообщества, посвяти он ведьму. Это непросто, необходимы силы и знания, и хвататься за посвящение просто так, из гонора, стал бы только дурак. Раскрой чужие силы - сам станешь сильнее, получишь уважение, новые заказы, больше денег. Доктор наук ценится больше студента, известное дело. Вот только отдавать Лизу Эльдар не собирался, хотя прекрасно понимал, что сегодняшний разговор с Хикметом - только цветочки, и турок готов перейти от слов к делу.

- Посмотрим, - негромко произнес Эльдар. - Хотите войну - будет война.

После вчерашнего дня Лиза в принципе была готова ко всему - кроме того, что на перекрестке перед ней остановится неприметный фургончик, а она сама через минуту окажется внутри с мешком на голове.

Пару лет назад такие вещи были в Турьевске никому не в диковинку, но времена оголтелого беспредела постепенно уходили в прошлое, и похищения людей прямо с улицы потихоньку становились исключением, а не правилом. Скорчившись на полу, Лиза решила вести себя тихо, а потом прикинуть ситуацию и попробовать удрать - если, конечно, удрать получится, в чем она очень сильно сомневалась. Что-то ей подсказывало, что ее похитили вовсе не простаки, которые способны проворонить добычу.

Около четверти часа фургон колесил по улицам, а потом его крепко подбросило несколько раз, и Лиза поняла, что они миновали железнодорожный переезд - а это означает, что ее везут за город, в сторону заброшенного завода металлоконструкций. Скверное место, действительно скверное. В газетах частенько упоминали о том, что на территории завода находили останки тех, кто побывал в бандитских разборках - так что вряд ли Лизу везут туда для приятной прогулки.

Но она-то кому умудрилась перейти дорожку? В бордели таких, как Лиза, не похищают, а на органы народ отбирают строго по наводке. Лиза предпочла не теряться в догадках, а экономить силы - неизвестно, как будут развиваться события дальше. Со страхом тоже надо было совладать - вряд ли можно далеко убежать, если ноги дрожат с перепугу.

Потом фургон остановился, и Лиза услышала, как отъехала в сторону дверь. Девушку вытащили наружу, поставили на ноги и бесцеремонно толкнули в спину.

- Шагай, - услышала она спокойный женский голос. - Вперед, прямо.

Воздух был пропитан невесомой водяной взвесью долгого осеннего дождя и пах чем-то химическим. Лиза послушно пошла вперед. Периодически ее подталкивали в спину, меняя направление, потом чья-то рука взяла девушку под локоть и потянула дальше.

- Осторожно, - сказал тот же голос. - Лестница.

Миновав лестницу, потом вторую, пройдя по коридору, свернув несколько раз, повинувшись указаниям женского голоса, Лиза, в конце концов, получила приказ остановиться. Мешок сдернули, и она увидела, что стоит в центре огромного пустого помещения. Что находилось здесь раньше, бог весть, но сейчас тут было пусто и чисто, на облупленных стенах не было ничего, кроме длинных влажных потеков, а в самом центре на стуле сидела женщина. Полная, безвкусно покрашенная блондинка в красном трикотажном платье, которое обтягивало все складки ее рыхлого тела, превращая в подобие знаменитой свиньи из «Ну, погоди!». Несмотря на непритязательный облик, женщина чем-то пугала: Лиза не могла объяснить, что именно заставляет ее дрожать от страха.

Вроде баба и баба. Корова жирная. И неровно подстриженное каре давным-давно пора привести в порядок.

- Привет, - сказала женщина. - Я Аннушка.

- Привет, - откликнулась Лиза.

Аннушка улыбнулась и вынула из кармашка сигареты и зажигалку. Закурила, выпустила струйку дыма в потолок.

- Ты извини за мешок, Лиза, - промолвила она мягко. - Но иначе ты бы со мной не поехала, а время дорого.

- Нету времени, Ань, - сказали откуда-то сзади.

Лиза обернулась и увидела чернявого лысеющего мужчину в кожаной куртке поверх делового костюма. Чернявый тоже курил, и Лиза подумала, что он нервничает и изо всех сил пытается это скрыть.

- Оборотень не дурак.

- Я знаю, - с той же обманчивой покорной мягкостью сказала Аннушка, но Лиза точно знала: несмотря на всю внешнюю кротость и смирение, главная здесь именно эта толстая тетка с одутловатым лицом и плохо покрашенными пергидрольными волосами. - Он уже едет, но мы успеем. Лиза, что именно тебе говорил Эльдар о твоей природе?

Лиза подумала, что отпираться и валять дурака нет смысла, раз уж они знают про Эльдара.

- Он сказал, что я ведьма, - честно ответила она.

Аннушка довольно кивнула.

- Хорошо. Вчера у него был припадок, так?

- Да.

- Сильный?

Лиза пожала плечами.

- Не знаю. Я же не разбираюсь в этом.

Аннушка бросила окурочек на пол и встала со стула. Почему-то было ясно, что при необходимости эта толстая некрасивая женщина может очень быстро двигаться и наносить удары невиданной силы. Впрочем, сейчас она не собиралась бить; подойдя к Лизе, Аннушка взяла ее за руки и очень проникновенно спросила:

- А зверь? Ты видела зверя?

Лиза утвердительно качнула головой. Аннушка довольно кивнула и холодно приказала чернявому:

- Хикмет, иди. Встречай гостя. Он сейчас слабый, много не навоеует.

Чернявый Хикмет кивнул и быстрым шагом покинул зал. Аннушка выпустила руки Лизы и осведомилась:

- Ты уже приняла решение насчет посвящения? Хочешь действительно стать ведьмой?

Лиза решила говорить правду - было ясно, что живой отсюда она выйдет только в случае

согласия. И это было сейчас главным: прочие проблемы она решит потом, когда окажется дома, живая и здоровая.

- Да, - ответила Лиза. - Да, я готова пройти посвящение.

Аннушка довольно улыбнулась, словно не ожидала услышать другой ответ. Подхватив девушку под локоть, она повлекла ее к окну - там, на полу, тонкими меловыми линиями был нанесен рисунок, прихотливое переплетение линий, казалось, не имевшее никакого смысла. Однако чем больше Лиза смотрела на него, тем сильнее становился страх в ее душе, словно рисунок обладал тем значением, которое способно перевернуть ее жизнь и изменить навсегда.

- Встань вот сюда, - Аннушка развернула Лизу спиной к окну и лицом к дверям. Лиза ощутила тонкую струйку сквозняка, тянущуюся из разбитого стекла.

Откуда-то снизу раздался грохот, словно от падения человеческого тела, и кто-то взревел. Этот рев не принадлежал ни человеку, ни животному - так могли бы реветь всадники Апокалипсиса, мчась по земле. У Лизы от страха свело живот. Аннушка содрогнулась всем телом и обернулась, выкинув в сторону двери руку с болезненно скрюченными пальцами.

- Thahir foram! - рявкнула она. - Niimo saghedi amil!

По начерченным линиям пробежали тонкие струйки огня, лизнули ботинки Лизы. Она вскрикнула, попытавшись отпрыгнуть в сторону, но пламя тотчас же взвилось тугой гудящей стеной. Впрочем, Лиза сразу же обнаружила, что оно не обжигает, а просто не дает ей сойти с рисунка.

И почти сразу пришла боль. Лизу словно оплело тяжелыми цепями - ей в какой-то момент показалось, что она их даже видит. Облезлые звенья и мазки ржавчины были простой декорацией: Лиза откуда-то знала, что эти цепи живые. Они и в самом деле были живыми - Лиза видела, что цепи пульсируют и двигаются, словно причудливые змеи, сжимая ее в душных объятиях.

- Amin foram! - закричала Аннушка. - Amin keerthe nikhali!

Огненная стена взметнулась до потолка и изменила цвет с золотого на синий. Цепи дрогнули и затянулись еще туже. Лиза вскрикнула от боли и стала дергаться, пытаясь освободиться, но стало только хуже: цепи обхватили ее так, что на какое-то время перед глазами появилась серая облачная пелена. Но вскоре туман рассеялся, и сквозь огонь Лиза увидела, что Аннушка стоит на коленях, зажимая дымящееся предплечье левой руки.

В это время стена рухнула.

Лиза думала, что такое бывает только в кино - человек летит по воздуху, пробивает собой стену и красиво падает на пол, выразительно раскинув руки. Теперь она это видела своими глазами: Хикмет влетел в зал, прокатился по полу и застыл, не шевелясь. От его кожаной куртки и дорогого костюма остались только лохмотья.

Она и удивиться не могла. Было слишком больно.

- Theero athere foram... - обреченно прошептала Аннушка, словно понимая, что никакие слова ей уже не помогут. - Theero athere foram... Theero...

Лиза заорал - боль, пронзившая ее, была настолько сильной и жгучей, что она упала на колени, в огонь. Огонь теперь был самым обыкновенным огнем, он жег, и Лиза горела. «Я умираю», - только и успела подумать она. Потом на мысли не осталось сил: Лиза корчилась на полу, охваченная пламенем, и умирающее тело молило лишь о том, чтобы скорее кончилась боль и пришла смерть.

А после ничего не стало.

Лиза не видела, как в зал вальяжной неспешной походкой вошел Эльдар и легким щелчком сбил пламя. Пройдя мимо лежащего Хикмета, он приблизился к Лизе и несколько долгих минут всматривался в ее побелевшее, запрокинутое к потолку лицо, понимая, что дело сделано, и он просто опоздал. Аннушка тихо скулила, даже не пытаясь убежать от казавшейся ей неминуемой расправы. Эльдар обернулся и брезгливо посмотрел на нее. Знающий маг второго посвящения, одна из самых сильных в регионе, сейчас была обычной перепуганной бабой.

- Дура, - негромко сказал Эльдар и удивился тому, насколько спокойно прозвучал его голос. -

Я же говорил: облажаешься.

Хикмет шевельнулся на полу и что-то пробормотал. Под его животом растекалась темная кровавая лужа. Эльдар даже не посмотрел в его сторону.

- Дура, - повторил он. - Учи теперь.

Глава 2

– Это произвол, – серьезно сказал Геворг Гамрян, декан матфака педагогического университета и по совместительству самый серьезный и авторитетный маг в этой части страны. – На твоём месте я бы обратился в трибунал.

– Все законно, Геворг, – ответил Эльдар. – Девушку спросили, она дала ответ. То, что перед этим ее похитили, то, что она уже ассистировала магу во время обряда и должна была стать его ученицей – уже не суть важно. Они не преступили закон по факту. Все. Ничего я не буду делать.

Хикмет и Аннушка просто взяли и умыли наглого выскочку. Схватили великого и ужасного Поплавского за шкуру и макнули мордой в самую грязную лужу, какую только смогли найти. Ах, ученицу тебе? Не по чину берешь!

У Хикмета по результатам оказались сломаны три ребра и челюсть и отбиты почки, левая рука Аннушки уже никогда не будет действовать так, как раньше, но это в целом было довольно слабое утешение.

Разумеется, ни в какой трибунал Эльдар обращаться не стал. Не захотел, чтобы его умыли еще раз, да на глазах у всего честного люда. На две недели он уехал из промозглого осеннего Турьевска на солнечные Канары, где лежал на шезлонге лицом вниз и ни разу не вошел в море. Вернувшись, Эльдар с головой погрузился в работу. Он затеял реконструкцию торгового центра и благодаря удачному стечению обстоятельств купил неплохой клуб, в котором имели обыкновение отдыхать сливки турьевского общества. Финансовые дела медленно, но верно пошли в гору. Он не узнавал специально – иногда до Эльдара доходили даже не слухи, а отголоски слухов о том, что Аннушка потихоньку учит Лизу любовной магии, молодая ведьма берет небольшие заказы, но ни у нее, ни у наставницы даже близко нет ни солидных клиентов, ни приличных заработков. Эльдар думал о том, каких высот могла бы уже достичь Лиза под его руководством, и испытывал что-то вроде тихой печали. Очень тихой, почти незаметной.

Приступов у него больше не было.

Они с Лизой случайно встретились ранней весной, когда Эльдар от нечего делать пошел вечером в клуб. Не в собственный – ради развлечения он всегда выбирался в другие места. На фейс-контроле его узнали, раскланялись и тотчас же устроили за одним из лучших столиков. Вместе с чашкой кофе официант принес маленькую афишку: сегодня в клубе выступал «Сплин». Эльдар слабо разбирался в современной музыке, но название группы ему понравилось – его жизнь в последние полгода была сплошным сплином, хандрой и разочарованием.

Тут-то он и увидел девушку, показавшуюся ему смутно знакомой. Девушка сидела за соседним столиком, потягивала разноцветный коктейль, и внезапно Эльдара словно обожгло: Лиза. Это же Лиза. Уже не унылая, вечно хмурая студентка – недорого, но со вкусом одетая барышня с небольшими средствами, знающая себе цену. Теперь Лиза держалась с невероятным внутренним достоинством. Эльдар рассматривал ее краем глаза поверх афиши. Да, Аннушка хоть и бездарная дура, каких мало, но все же сумела слепить из пацанки настоящую леди.

То, что леди зарыла свой талант на дне морском – другой вопрос.

Забыв свой коктейль, Лиза смотрела на Эльдара, не отрываясь. Он сделал знак официанту, попросил еще кофе. Да уж, есть ли смысл ходить в клуб, чтобы пить там кофе... Поймав-таки его взгляд, Лиза улыбнулась, виновато и жалобно. Эльдар вздохнул и поманил ее пальцем.

– Еще чашку кофе, – сказал он мигом подскочившему гарсону, когда Лиза пересела за его столик. Челядь в клубе была вышколенной; Эльдар мельком подумал, что обслуга у него начинает лениться. – И салат. И мясо. Ты ведь как всегда голодная, да?

Лиза не ответила.

«Хорошо, что она умеет чувствовать свою вину, хотя и не виновата, в общем-то», – подумал Эльдар и продолжал:

– Твои пять лет, пять месяцев, пять дней давно прошли, а жизнь не изменилась. Ты надеялась, что будешь что-то значить, а по факту как была, так и осталась пустым местом. Только теперь ты можешь привораживать мальчиков и девочек. Слабенько так. Тоненько.

Лиза вновь жалобно улыбнулась. Эльдар прекрасно знал, почему она сейчас молчит: сплетает

для него легкую, почти невесомую приворотную сеть. Он мысленно ухмыльнулся: надо же быть настолько наивной и думать, что он ничего не заметит, размякнет и позволит себя использовать.

«Поддаться, что ли», – равнодушно подумал Эльдар.

– А могла бы города местами переставлять. Реки вспять оборачивать. Но по-прежнему живешь в общаге, и заработанного хватает только на лишние колготки. Ну и кофейку с подружками попить в «Балатоне» или где там сейчас студенты тусят...

Законченная сеть вспорхнула с ладоней Лизы и мягко прикоснулась к Эльдару. На несколько минут он позволил себе насладиться красками и огнями, которые внезапно стали ярче, ласковым и добрым миром, сосредоточившимся в девушке напротив, и предчувствием той самой большой и вечной любви, которую так сладко описывают поэты. Потом аккуратно снял сеточку усилием воли и скучным голосом произнес:

– Приворотные сети, милая моя, надо делать на растущую луну. А сейчас она убывает. Впрочем, дело такое... чем богаты, тем и лепим. Руки правильно ставить не умеешь, а туда же. К тому же, для людей с расстройствами психики подобные сети вообще ткуются иным манером. И я тебе советую никогда не привораживать шизоидов и психопатов. Ни за какие деньги. От этого проблем потом не оберешься.

Лиза моментально залилась стыдливым румянцем, словно Эльдар застучал ее за чем-то непотребным. Несколько минут они молчали. Официант принес заказ, но к еде они не притронулись.

– Как вообще дела? – спросила Лиза, в конце концов.

Эльдар пожал плечами.

– Джип продал. Клуб купил. Как сама?

В глазах Лизы стояли слезы. Готовились покатиться по щекам крупными горошинами.

– Эльдар, я ведь не знала...

– Что ты не знала? – с нарочитым безразличием спросил Эльдар, неожиданно резким движением ковырнув вилкой стейк и чувствуя, как в нем поднимается та горечь поражения, которую он все это время старательно запихивал в глубины души. Растоптали, унизили, не вынесли чужого успеха, и все это было как-то мелко и гадко...

– Что Аннушка станет моей наставницей.

Эльдар скривился.

– И что теперь?

Слез она все-таки не удержала. А плакала Лиза, как голливудская актриса: не размазывая косметику, не превращаясь в зареванную краснорожую девку. Эльдар подумал, что она хорошо играет свою роль. Очень хорошо. Будь он простым и заурядным – непременно бы купился и на эти слезы, и на эту трогательную мольбу в глазах.

– Стала и стала, – сказал Эльдар. Кофе кончился как-то уж слишком быстро, а ожидаемой бодрости не принес. – Учись. Книжки читай, Аннушку трясина, чтобы больше рассказывала. Можешь по дружбе и Хикмета потряхнуть – он, конечно, тот еще фрукт и овощ, но ряд интересных вещей знает. А я тебя кофею напою, по старой памяти, ну и довольны.

– Прости, – Лиза все-таки шмыгнула носом, на мгновение выбиваясь из образа. – Прости. Мне надо было прийти к тебе раньше.

Эльдар прекрасно понимал, почему она не пришла. Боялась до икоты. Все маги немножко чокнутые, но если уж учиться, то у того, кто еще не потерял сцепление с реальностью, как изволят выражаться Хикмет. И Лиза старательно училась – ровно до тех пор, пока не поняла, что учительница не даст ей и десятой доли тех возможностей, о которых говорил Оборотень – если он, конечно, не врал, а Эльдар Поплавский не имеет такой привычки. Эту учительницу саму неплохо было бы посадить за парту – повторить азы. А раз так, то собирайте вещи и идите на поклон к Оборотню. Сделайте вид, что встретились с ним совершенно случайно, затем сплетите приворотную сеточку, постройте ему глазки – он и сменит гнев на милость, у Аннушки заберет и научит всему, что знает сам.

Он это и выложил Лизе. Потом несколько минут любовался ее вытянувшимся лицом. А затем ему снова стало скучно. Впрочем, надо отдать Лизе должное: держалась она с достоинством. Деревенская девчонка, которую Эльдар нашел на полу в своем торговом центре, сейчас бы кинулась в ноги с ревом. Новая Лиза, которую выковало посвящение, взяла сумочку и встала.

- Что ж, ты прав, - сказала Лиза, изо всех сил стараясь удержать маску обиженного достоинства. - В любом случае, прости. Тогда с тобой поступили гнусно. Всего доброго, Эльдар, прощай.

- Сядь, - жестко приказал Эльдар, и Лиза рухнула обратно в кресло, будто у нее подкосились ноги. Теперь ей действительно было страшно: впервые за сегодняшний вечер, чье течение она более-менее просчитала, и Эльдар добавил уже мягче: - Концерт еще не начался.

- Не люблю «Сплин», - промолвила Лиза.

Эльдар усмехнулся.

- Ну и зря. А я люблю. Аннушка знает, что ты здесь?

Кажется, Лиза вздохнула с облегчением. Разговор начал переходить в практичную плоскость.

- Нет. Хикмет тоже не в курсе.

- Хорошо, - Эльдар вынул сигариллу, закурил и некоторое время задумчиво рассматривал Лизу сквозь струйки дыма, наблюдая, как меняется ее лицо. - Мои условия таковы. Я беру тебя в обучение. Если Аннушка обратится в трибунал, то я смогу тебя отстоять. Заказы ищи сама. Сорок процентов с каждого - отдаешь мне. Номер счета скажу.

Условия были откровенно грабительскими, и Эльдар это прекрасно понимал. Трибунал, конечно, за это дело не возьмется, Лиза уже имеет право самостоятельного выбора наставника, но в первый год после посвящения такие прыжки в сторону не очень одобряются. Прикрывать девушку придется уже не от тех, кто реализует волю трибунала, а от Аннушки и Хикмета - а они не отпустят добычу просто так, улыбнувшись и помахав рукой на прощание.

- Научу всему, что потребуется. Будешь не сопляков друг к дружке привязывать за шоколадку, а с серьезными людьми работать, - при упоминании о сопляках и шоколадках Лиза вскинулась, но потом все-таки предпочла промолчать, и Эльдар понял, что его холостой выстрел попал в цель. - Станешь работать в обход меня, чтоб деньги сэкономить - я узнаю. Станешь работать с кем-то еще - я узнаю. Станешь сливать информацию на сторону - я и об этом узнаю, - он бросил окурок в пустую чашку и закончил, как припечатал: - И поверь, ты тогда об этом очень сильно пожалеешь. Я не Аннушка и не Хикмет, со мной шутить не надо. Зверя ты видела. А я сам еще хуже.

Она бы убежала - так, что с фонарями бы не нашли - но не могла.

- Боишься? - доброжелательно спросил Эльдар. У сцены уже отладили оборудование, и зрители подходили поближе: концерт начнется с минуты на минуту. Что ж, «Сплин» так «Сплин».

- Боюсь, - призналась Лиза.

- Это правильно, - улыбнулся Эльдар. - Я сам себя боюсь.

- Он не сумасшедший. Он просто косит под дурака, прикрываясь своей... - Гамрян кашлянул, словно пытался скрыть небольшую заминку при подборе правильного слова, - магической особенностью. У нас ведь и без того весьма специфическая психика. Да, он был в психиатрической клинике, но в те времена и в том месте иначе и быть не могло. Карательная психиатрия, сами понимаете...

Аннушка оказалась не столь щепетильной, как Эльдар, и, обнаружив, что ученица лихо подписала контракт с другим наставником, оставив ее ни с чем, кинулась звать на помощь трибунал. Если осенью нахального Оборотня просто «опустили», то теперь Аннушка и Хикмет хотели его уничтожить. Без шуток - обработать так, чтобы мало не показалось, чтобы вернулся в свою Кондопогу на краю географии и там домовых метелкой гонял.

Гамрян прекрасно понимал, что Азиль и Максим, двое магов, присланных из столицы, могут и повестись на слезы и эмоции Аннушки. Он встретил московских гостей лично, у вагона, и увез в лучшую гостиницу города. Если тогда опоздал Эльдар, то теперь не успели Аннушка и Хикмет, застрявшие в организованной Гамряном пробке на проспекте. Небольшая фора по

времени – в общем-то все, что было у Гамряна в данном случае.

– Поплавский снова подал заявку на второе посвящение, – негромко заметил Азиль, плешивый старичок с благообразной внешностью профессора математики. Подлинную жесткость его натуры выдавали резкие движения правой руки, когда он тушил в пепельнице очередной окурок – словно вгонял копьё в грудь врага. И сама рука была хороша: изуродованная, скрюченная, с потемневшей кожей на запястье. Во время Великой Отечественной Азиль, которого тогда звали иначе, сошелся в честном поединке с немецким магом. На память о бое осталась изломанная кисть и склонность к периодическому забыванию некоторых слов. Его соперник так и остался удобрять белорусские болота. – Не понимаю, на что он рассчитывает. Рядом с ним всегда слишком много шума. Геворг, вы ведь не можете гарантировать, что во время посвящения он не перекинется и не порвет на клочья всю группу.

– Не могу, – признал Гамрян. – Но несчастные случаи бывали и с совершенно здоровыми людьми. Посвящение – дело непредсказуемое. Впрочем, сейчас важнее заявка госпожи Аннушки.

Максим, молодой, но исключительно талантливый волшебник, успевший к своим двадцати двум годам полностью закончить обучение в Праге и пройти второе посвящение у Томаша, светила европейской магии, потянулся к блюду с фруктами.

– Госпожа Аннушка, простите, полная дура, – цинично произнес он с таким выражением лица, будто имел с Аннушкой давние счеты, – если рассчитывала, что сможет прокатить на вороных человека с подобной репутацией, как у Оборотня. И дважды дура, если надеялась, что он забудет и простит. Эта юная ведьмочка сама может выбирать наставника. Азиль, Геворг, я прав?

Азиль и Гамрян согласно кивнули. Максим выбрал персик поспелее и помягче.

– Тогда в чем проблема? В том, что переход к другому мастеру на первом году после посвящения чреват осложнениями со здоровьем? Это ее здоровье, ей решать. Трибунал не видит проблемы в переходе от одного наставника к другому, – сказал Максим, и по его интонациям было ясно, кто именно, несмотря на возраст и колоссальный опыт, главный в тандеме московских гостей. Гамрян подумал, что не может прочесть психотип этого молодого человека и невольно обрадовался тому, что Максим не находится под его началом. Должно быть, тот еще тип, похлеще Эльдара. – Азиль, вы согласны?

Азиль кивнул и раздавил в пепельнице очередной окурок – словно растоптал поверженного врага.

– При этом сам факт перехода принес госпоже Аннушке как материальный, так и моральный ущерб, – продолжал Максим, – и трибунал не может оставить это без внимания. Поэтому мы присуждаем господину Поплавскому выплату компенсации в размере... – Максим задумался и прикрыл глаза, прикидывая цену, – ну пусть будет полтора миллиона рублей. Учитывая заработки Оборотня, это вполне приемлемая сумма.

Гамрян вспомнил, сколько сам официально зарабатывает на должности декана и вздохнул. Эльдар, конечно, всегда считал, что деньги – брызги, но тут вряд ли будет думать, что отделался легким испугом.

– Расходы трибунала также пойдут за его счет, – добавил Азиль. – Ты, Геворг, наверняка со мной не согласишься. Но пока этот шустрый мальчик будет занят работой, у него не найдется времени на мысли о посвящении.

Гамрян пожал плечами.

– Грабеж среди бела дня, конечно, – произнес он. – Но воля трибунала священна, и я ее принимаю.

Говоря это, он представлял, как на другом конце города, в пустом сейчас торговом центре, дико затосковал по потерянным капиталам Оборотень Эльдар.

Раскланявшись с московскими гостями и неофициально проконсультировав их о том, где в Турьевске можно неплохо отдохнуть душой и телом, Гамрян покинул гостиницу. Устроившись за рулем автомобиля – декан мог позволить себе абсолютно любой автомобиль из существующих на земле, но отдавал предпочтение классике и ездил на недорогом «форде» – он вынул из кармана маленькое складное зеркало и, раскрыв его, спросил:

- Ты все слышал?

Эльдар, стоявший перед зеркалом в своем рабочем кабинете, задумчиво поскреб заросшую рыжей щетиной щеку и сокрушенно промолвил:

- Да слышал, конечно. Завтра буду в переходе на гармошке играть. Разорили, в подштанниках по миру пустили.

- Передо мной-то не юродствуй, - сурово осадил его Гамрян.

С лица Эльдара мигом сошло нарочито истерическое, шутовское выражение, и Оборотень совершенно серьезно и спокойно промолвил:

- Да, Геворг, я слышал. Что ж, могло быть и хуже. Спасибо, что вмешался, я признателен.

- Париж стоит мессы? - уточнил Гамрян.

Он, откровенно говоря, не понимал, почему вокруг этой истории с молодой ведьмой возникло столько шума с самого начала. Девчонка и девчонка; они пару раз виделись, и хоть убей, Гамрян не различил в ней тех невероятных талантов, о которых рассказывал Эльдар.

- О да, - задумчиво произнес Эльдар. - Еще как стоит.

- Моя секретарша получает четыре тысячи, - угрюмо сообщил Эльдар. - И, как ты понимаешь, это очень хорошая зарплата.

При повышенной стипендии в триста рублей Лиза не могла с ним не согласиться. Они неторопливо брели по тропинке, петлявшей среди сосен - если в городе весна давно вступила в свои права, то здесь, в лесополосе на западной окраине Турьевска, зима еще не стеснялась напоминать о себе то рыхлыми почерневшими сугробами, то иззубренным льдом на темном теле ручья, то лягушкой, замерзшей в придорожной луже. Впрочем, весна вовсю отвоевывала территорию: влажный теплый воздух пах оттаявшей землей и молодой травой, на пригорках, где пригревало солнце, раскрывали желтые глаза цветы, и отовсюду слышалось журчание ручьев и пение птиц.

Не жалея дорогой обуви - Лиза подумала, что ее наставник дал маху, отправившись в лес в тонком темном пальто и легких ботинках, - Эльдар сошел с тропы и на несколько минут застыл у одной из сосен, закрыв глаза и к чему-то прислушиваясь. Лиза уже знала, что таким образом маг ловит легкие и переменчивые токи стихий, чтобы выбрать правильное место для проведения обряда. Постояв так, Эльдар обернулся к Лизе и произнес:

- Все готово, иди сюда.

Лиза, наряженная по случаю похода в лес в настоящий ватник и резиновые сапоги, шагнула к нему, мельком подумав, что по весне у сумасшедших случаются обострения. И что она будет делать, если Эльдар перекинется в зверя сегодня и здесь? Найдут ее тело любители шашлыков, ничего себе пожелание приятного аппетита...

С Аннушкой все было гораздо проще.

- Ты можешь отправляться к ней хоть сейчас и избавить меня от расходов, - Эльдар подарил ей самую очаровательную улыбку и взял за руки. - Начнем вместе или я один?

- Вместе, - выдохнула Лиза - словно в прорубь нырнула.

- Итак, - скучным голосом лектора начал Эльдар. - Сейчас вы, Лизавета Анатольевна, мой фамилиар. Не верьте в злых духов, которые принимают вид кошек, это все сказки для дурачков. Фамилиар - это помощник мага и ассистент. Без него маг может использовать для личных целей лишь те чары, что не изменяют самого мага... впрочем, это тоже сказки, но уже для умных. А что знают самые умные?

- Что фамилиар позволяет корректировать ход ритуала. Все, - сказала Лиза. - Скальпель магу подает.

Эльдар посмотрел на нее с уважением.

- Аннушка научила?

- В книжках прочитала.

Усмехнувшись, Эльдар потер кончик носа и произнес:

– Если в книжках, то ладно. Тогда держись.

И Лизу ударило.

Она не сразу поняла, что случилось. Вроде бы только что стояла под деревом и Эльдар держал ее за руку, и внезапно абсолютно все изменилось. Не было ни леса, ни весны – Лиза стояла посреди цветущего луга, солнце в жарком выбеленном небе окатывало ее теплыми волнами, и в ушах звенело от веселых голосов пчел. Лиза обернулась, пытаясь увидеть какой-нибудь ориентир и понять, куда попала – но здесь, насколько видел глаз, не было ничего, кроме луга.

А по лугу шли дети.

Совсем маленькие и уже подрастающие, они неторопливо брели среди высоких цветов и трав, то наклоняясь, чтобы понюхать цветок, то принимаясь играть с пчелами, то бегая друг за другом. Странные это были дети, и Лиза не понимала, в чем именно заключается странность. Она продолжала смотреть: дети были одеты по-разному, дорого и дешево, но одежда почти у всех была рваной и почерневшей. Но они – мальчики и девочки, кто-то совсем еще крошечный, а кто-то уже школьник, – выглядели совершенно довольными жизнью детьми, которые радуются лету и солнцу и занимаются своими играми.

– Догоняй, Димка! – радостно кричала девочка в цветастом платье. В руках она держала обгоревшего медвежонка. – Догоняй!

Димка, рыжеволосый растрепанный паренек, сорвался с места и бросился к девочке. Та восторженно заверещала и пустилась наутек.

Что-то было не так, и Лиза в конце концов поняла, что именно.

Запах цветов теперь полностью забивала вонь сгоревшего на сковороде мяса.

Обернувшись в поисках источника смрада, Лиза увидела взрослых. Они стояли чуть поодаль и с ласковыми улыбками наблюдали за детьми: две девушки в форменных синих платьях, крепкий сидящий мужчина, немолодая женщина со старомодной стрижкой. «Ural Airlines», – прочла Лиза вышитую надпись на груди одной из девушек.

Стюардессы. Капитан.

Воздух рядом со стюардессами вдруг закрутился тонким разноцветным вихрем и сгустился в еще одну женщину – молоденькую, растрепанную и удивленную. На руках она держала сверток с грудничком.

Лиза почувствовала, что ее трясет.

Запах сгоревшего мяса усилился. За спинами взрослых медленно проступали очертания искореженной груды металла, которая раньше была самолетом. U...AL A...LI...ES – Лиза увидела остатки надписи на смятом боку, какие-то металлические и пластиковые потроха лайнера, чьи-то вещи, выброшенные из развороченных чемоданов, тонкую человеческую руку, безжизненно свисающую из железного смятого свертка – самолет словно попал в лапу великана: тот подбросил его на ладони и скомкал, будто конфетный фантик. Умирая, лайнер выбросил вверх левое крыло – протянул руку в небо, моля о помощи – но никто не откликнулся.

И Лиза закричала. Упала на колени, закрыла лицо руками и закричала.

Она пришла в себя от крепкой пощечины и подумала, что это мертвый капитан разбившегося лайнера отвесил ей оплеуху – потому что, в конце концов, рядом с погибшими надо вести себя прилично, пусть даже погибшие ведут себя вполне по-живому. Но это Эльдар. Лиза снова была в весеннем лесу, стояла на коленях на бурой прошлогодней траве под сосной, а чуть поодаль весело журчал ручеек, и маленькая птичка смотрела на Лизу с дерева любопытными черными бусинками глаз.

Эльдар смотрел с заинтересованным изумлением.

– Они погибли, – прошептала Лиза. – Рейс U15-25, Екатеринбург – Берлин, «Уральские Авиалинии». Никто не выжил, Эльдар... Никто.

Потом перед глазами мягко сомкнулась серая пыльная завеса, и Лиза упала на землю, не

успев понять, что падает.

– А мы ничего, – сказал хвостопляс, поправляя поясok из алых ниток. Говор у него был мягкий, тягучий, с фрикативным «г». – А мы проходим из Ярославля в Рязань.

– Вали давай, – посоветовал Эльдар, и хвостопляс, до того крутившийся на прикроватном столике, спрыгнул на пол и юркнул под кровать. Там был маленький лаз в подпространство: Эльдар все собирался его законопатить понадежнее, но за делами забывалось.

За окнами серело хмурое и скучное турьевское утро. Сухие скрюченные пальцы абрикосов уныло скреблись по стеклу, без всякой надежды на то, что им откроют. Эльдара тошнило – утро пахло похмельем, дешевым вином в коробках и застоявшейся сигаретной вонью. Опустив руку, Эльдар нашарил у кровати коробку, встряхнул – пустая.

Вчера, вернувшись домой после обряда, Эльдар и Лиза просто напились – без затей, самого дешевого пойла, которое купили в круглосуточном ларьке неподалеку. Эрик избавился от всего спиртного в доме, чтобы не вводить брата в соблазн, но разве в России перестали продавать сивуху на каждом углу?

Лежавшая рядом Лиза всхлинула во сне, но не проснулась. Эльдар откинул одеяло и убедился, что полностью одет, даже ботинки не снял. В левом не было шнурка.

Наступило самое время, чтобы вздохнуть с облегчением. Сон, приснившийся ему, оказался всего лишь сном – и Эльдар смел надеяться, что он все-таки не имеет отношения к реальности.

...Эльдар лежал на операционном столе и чувствовал, как по лицу струится пот. Убийственно равнодушная медсестра сперва закрепила ремнями его руки, потом неумело поставила капельницы – хотя, вполне возможно, что ее неумение было плохо скрываемым желанием причинить боль – а затем быстрыми спокойными движениями бритвы прошлась по груди и животу. Где-то справа тикали часы.

– Пророчества очень интересная вещь, – услышал Эльдар равнодушный мужской голос, и его словно бросили в прорубь: голос принадлежал Илье Мамонтову – и это было плохо. Очень плохо, хуже не бывает. – Их трактуют по-разному, но в итоге мы сходимся в одном.

Послышались шаги, и в поле зрения появился Мамонтов собственной персоной – высокий, обрюзгший, производивший впечатление невероятной, невиданной мощи. Сила, заключенная в некрасивом сгорбленном теле, желала лишь одного: вырваться и уничтожить.

– Предсказанное будущее нельзя менять.

Короли, президенты, министры, банкиры обладали всего лишь иллюзией власти, пусть и очень крепко скроенной, почти непоколебимой иллюзией. Настоящий владыка мира сейчас стоял перед Эльдаром и рассматривал его со спокойным равнодушием ученого, исследующего очередную белую мышь. Эльдар не знал, сколько лет этому человеку, и человек ли Мамонтов вообще. Говорят, что однажды группа имперских магов попробовала провести очень древний и очень опасный обряд, чтобы остановить разгорающееся пламя мировой войны...

Металлическая рыбка скальпеля вынырнула из кюветы и неторопливо поплыла между пальцев Мамонтова. Лезвие блестело и дрожало в нетерпении, стремясь вырваться и пробежать по распятому Эльдару – от горла до паха, чтобы исполнить сарабанду на его внутренностях.

– За что наезд? – спросил Эльдар, попробовав сойти за делового и стараясь изо всех сил, чтобы голос не дрожал. В девяностые он насмотрелся всякого, и операционный стол, на котором, вполне вероятно, готовятся извлекать органы, был не самой страшной вещью. – Я не сопляк какой, серьезные вещи делаю. Кого хочешь за меня спроси.

Скальпель выпрыгнул из руки Мамонтова и сплясал у Эльдара на плече. Оставленный автограф взбух алыми каплями.

Имперские маги хорошо знали свое дело. Проблема была только в том, что Вселенная не любит, когда ее берут за горло. В обряде была допущена ошибка, распоровшая брюхо Мироздания – и оттуда выполз Мамонтов. Говорят, что всё оставшееся от несчастных магов, смогли упаковать всего в один мешок. Говорят, что Мамонтов потрошил их собственноручно. Много чего говорят о том, кто вышел из иной, неправильной реальности и стал властелином планеты.

– Не делай вид, Эльдар, что ты меня не узнаешь. И не притворяйся идиотом, поумнее прочих

будешь.

Эльдар закрыл глаза. Скальпель теперь танцевал возле его горла, едва-едва касаясь кожи.

- Я тебя узнал. Здравствуй, Илья.

- И тебе не хворать, - ухмыльнулся Мамонтов. - Давно хотел на тебя посмотреть, давно...

Эльдар подумал, что для этого не обязательно встречаться на операционном столе. Хотя Мамонтов, вполне возможно, хотел посмотреть на Эльдара изнутри.

- Да не бойся, не бойся так, - почти миролюбиво произнес Мамонтов. - Я сегодня добрый. *Thaami luhor faramene?*

- *Amin foram*, - откликнулся Эльдар. Когда на древнем языке магов задают вопрос, будешь ли ты честным, то отвечать отрицательно нельзя.

- Отвратительный язык. Язык сломаешь, - сказал Мамонтов, усмехнувшись неожиданному каламбуру. - Возможность лишиться левой почки придаст тебе дополнительную честность. Итак. Номер рейса?

- Рейс U15-25, Екатеринбург - Берлин, «Уральские Авиалинии», - откликнулся Эльдар, повторив слово в слово сказанное Лизой.

Мамонтов одобрительно похлопал его по щеке: рука владыки мира была горячей, сухой и тяжелой, словно камень, нагретый на солнце.

- Пророчества нельзя воспринимать всерьез. И менять тоже, - произнес Мамонтов. - А ты купишь билет на этот рейс и сядешь в самолет.

Некоторое время Эльдар молчал, усваивая сказанное.

- Лиза не видела меня среди мертвых, - наконец произнес он.

Мамонтов довольно кивнул.

- Потому что ты не умрешь. Ты вернешься домой.

...Привычный утренний сумрак комнаты казался мягким теплым одеялом. Режущий свет ламп в операционной остался там, где и был - во сне.

«Он тебе не брат, мальчик. Вы - две версии одного и того же человека».

Собравшись с силами, Эльдар поднялся с кровати. Комнату сперва качнуло, и он ощутил подбирающийся к горлу комок тошноты, но потом окружающий мир снова обрел равновесие и устойчивость.

«Разве ты не задумывался о том, что у магов почти не бывает детей? А у Сергея Поплавского их целых двое? А еще однажды отец обмолвился матери о том, что рискнул заглянуть туда, куда заглядывать не стоило - и вскоре у тебя случился первый приступ».

Голос Мамонтова, звучавший в голове, был издевательски заботливым. Подойдя к трюмо, Эльдар включил маленькую изящную лампу и долго всматривался в свое отражение. Лиза на кровати снова всхлипнула, но не проснулась.

«Ты сбой программы, Эльдар. Заблудившийся файл, угодивший с одного компьютера на другой. А авария станет дискетой, на которую тебя запишут, чтобы вернуть обратно».

У отражения были разноцветные глаза, карий и голубой. Пока Эльдар смотрел, голубой глаз потемнел и тоже стал карим. Эльдар подумал, что Эрик всю жизнь старался не смотреть в зеркало больше необходимого. Возможно, боялся, что его глаза тоже поменяют цвет.

«Параллель, откуда мы оба родом, почти не отличается от этого мира. Разница только в том, что там ты будешь абсолютно нормальным».

Зверь, стоявший за спиной, ворочался в утреннем сумраке и расправлял плечи.

Проснувшись, Лиза не сразу поняла, где находится и почему у нее во рту настолько мерзко, словно там переночевала конница Буденного и сто чертей. Оглядевшись, она увидела просторную спальню, обнаружила, что лежит под одеялом на широкой кровати, на широкой

кровати со сбитым и скомканным бельем – Лиза поежилась и подумала, что ей нельзя пить, особенно в компании Эльдара. Впрочем, откинув одеяло, Лиза убедилась, что полностью одета и вздохнула с облегчением. Всем прелестям минувшего дня еще не доставало пьяного секса.

Поднявшись с кровати, Лиза нашарила на полу аккуратные гостевые тапочки и медленно вышла из комнаты, думая о том, что ей нужны самые банальные вещи: душ и кофе. Эльдар, сонный и угрюмый, обнаружился в светлой столовой. Компанию ему составляла чашка кофе, на которую он смотрел так, словно никак не мог сообразить, что делать с напитком.

– Доброе утро, – сказала Лиза. – У тебя анальгина не найдется?

Эльдар посмотрел на нее усталыми воспаленными глазами, и Лиза подумала, что наверняка он тоже зарекается пить в ее компании.

– Там, в шкафчике, – он неопределенно махнул рукой в сторону встроенной мебели, и Лиза, наугад открыв одну дверцу, подумала, что шкафы в этом доме наверняка хранят массу темных тайн. Например, под пачкой бумажных полотенец вполне может обнаружиться отрубленная рука.

Спазм тошноты поднялся из желудка и сдавил горло. Лиза вспомнила вчерашнее видение и привалилась к шкафу, чтобы не упасть. Эльдар вопросительно поднял бровь.

– Что с тобой? – поинтересовался он, и Лиза к своему удивлению услышала волнение в его голосе.

– Да так, – сдавленно проговорила она. – Вспомнила вчерашнее.

Эльдар понимающе кивнул.

– Сходи в душ, – предложил он. – Я пока завтрак соображу.

Через полчаса, сидя рядом с Эльдаром за столом и задумчиво ковыряясь в омлете, Лиза подумала, что вся эта сцена словно взята из какого-нибудь дурацкого сериала: после бурной ночи любви девушка, укутанная в банный халат не по размеру, завтракает вместе с молодым миллионером, и жизнь готовит ей только хорошее. До таких сериалов была очень охоча ее мать – в часы, свободные от спиртного и драк с папашей.

– Значит, твоя квалификация – провидчество, – задумчиво сказал Эльдар. Судя по глубокой складке, которая пролегла на его переносице, у Эльдара были свои мучительные и неприятные размышления. – Ты видишь будущее. То, что может случиться при определенных обстоятельствах.

Лиза подняла на него испуганный взгляд и спросила:

– То есть, самолет разобьется?

Эльдар кивнул и отодвинул пустую тарелку.

– Да. И этому нельзя помешать.

Запах омлета снова вызвал тошноту. Хотя, возможно, виной этому было воспоминание о разбившемся лайнере и детях, которые бежали по цветущему лугу в стране мертвых и не понимали, что умерли. Лиза прижала к губам салфетку и некоторое время глубоко дышала через нос, пытаясь справиться с тошнотой. Эльдар задумчиво катал по столу хлебный шарик и не смотрел в ее сторону.

– Я не хочу быть провидицей, – промолвила Лиза. – Нет. Это слишком тяжело.

Эльдар грустно усмехнулся.

– Такова твоя природа, дорогая. С этим уже ничего не поделаешь.

– Зачем я тогда вообще пошла в твой торговый центр? – Лиза отложила салфетку и задумчиво уставилась в окно. Весна выдалась темной, сырой и грязной – почти как осень. – Ну вот кто меня тогда с пар прогнал?..

Эльдар хмыкнул.

– Твоя природа, Лиз. Это нельзя подавить. Как ни думай, ни ворочай, ты ведьма. Рано или

поздно ты бы ей все равно стала. Провидцы, кстати, хорошие деньги получают, так что не переживай вперед времени.

Лиза хотела ответить на это максимально язвительно и хлестко, но тут по дому разлилась бойкая трель звонка в дверь. Эльдар со вздохом поднялся и поплелся открывать.

Его не было десять минут – когда он, побледневший, угрюмый, с сжатыми в ниточку губами вернулся в столовую, Лиза не сдержала испуганного «Ах!» – настолько разительным был контраст. В руке Эльдар держал разорванный конверт и лист бумаги с печатями и добрым десятком размашистых подписей.

– Что случилось? – промолвила Лиза, испугавшись, что произошло нечто такое, перед которым ее вчерашнее видение – совершенный пустяк. – Эльдар, что с тобой?

Он сел, задумчиво бросил конверт на стол перед собой и несколько минут молча крутил его по столешнице, а затем неожиданно схватил, скомкал и запустил в стену. Конверт вспыхнул и рассыпался по столовой горстью огненных искр – вскоре письмо составило ему компанию.

Лиза едва не вскрикнула, но в последний момент сдержала крик, закусив губу.

– Ты любишь Прагу? – отстраненно, словно обращаясь не к ней, а куда-то в пустоту внезапно спросил Эльдар. – Прага. Хороший город.

Эльдар Прагу не любил.

Поклонником великолепного чешского пива он никогда не был, а местное вино не считал за вино вообще. Удивительная архитектура, башни и мостовые оставляли его равнодушным. А пивную «У Пиждюха» в Жижкове, довольно оригинальном бывшем цыганском районе недалеко от центра Праги, где ему назначили встречу, он возненавидел сразу же, как только вошел внутрь.

– Настоящий пролетарский пивняк, – сказал Эльдар хмуро. – Как с картинки. Наслаждайся аутентичностью.

По нынешнему времени народу тут было немного, в основном, туристы, приехавшие в Прагу выпивать, так что свободные места нашлись сразу, и Лиза с Эльдаром устроились в небольшом отдалении за столиком у стены. Недорогое светлое пиво, дым коромыслом и пара местных пьяниц у стойки окончательно завершили картину утра, и Лиза довольно сказала:

– Красота.

Эльдар пожал плечами и хмыкнул.

– Кушай на здоровье, не обляпайся.

Лиза впервые оказалась за границей, и Прага своей удивительной красотой и очарованием просто смела и покорила ее. Девушке все нравилось, все было интересно, и хмурая физиономия постоянно недовольного Эльдара удивляла ее не меньше статуй на Карловом мосту. Она не знала, что Прага давила на него всем своим каменным душным телом. Конь Жижки на холме, нависавший над улицами и переулками, бряцал металлическими сочленениями суставов и в нетерпении бил копытом, пытаясь покинуть постамент.

– Ты пей, развлекайся, только бога ради, в беседу не лезь, – проворчал Эльдар. – Голову оторву.

Стоило Эльдару произнести это в высшей степени вдохновляющее пожелание, как в пивницу вошел жизнерадостный толстячок средних лет, тащивший за собой сумку чуть ли не с себя ростом. Люди в зале сразу же засуетились: первыми подались на выход местные пьяницы, у туристов нашлись срочные дела, и, бросив на стол купюры, они чуть ли не бегом покинули заведение. Бармен поставил на стол Эльдара и Лизы три кружки темного пива и ушел на кухню.

Толстячок оставил свою сумку посреди зала и сел рядом с Эльдаром.

– Доброе утро, – сказал он по-русски. – Как добрались?

– Доброе утро, Томаш, – уважительно промолвил Эльдар. Лизе показалось, что буйный оборотень несколько побаивается этого человека с совершенно мирной внешностью продавца цветов или книг. – Добрались замечательно, Прага как всегда прекрасна.

- Да брось ты, - толстячок Томаш усмехнулся и миролюбиво похлопал Эльдара по руке. Тот напрягся, и Лизе на мгновение увиделся зверь, сжавшийся в комок, со вздыбленной шерстью на загривке. - Вот барышне мой город нравится, а ты его не любишь. Оставляй ее тут, мне в науку. В накладе не останешься.

Пристальный взгляд светло-серых глаз скользнул по Лизе, и ей показалось, словно на какое-то мгновение ее бросили в костер. Ничего доброго и обманчиво миролюбивого не было в этом человеке - он был таким же непроницаемым, равнодушным и холодным, как темный всадник на холме.

- Благодарю за предложение, - сказала Лиза, стараясь, чтобы голос звучал как можно мягче, не срываясь в испуганный сип. - Но я уже выбрала наставника, и менять его не буду. Это некрасиво.

Эльдар посмотрел на нее с искренней благодарностью. Томаш откинулся на стуле и довольно произнес:

- Вот и умница. Эльдар, хорошая девочка у тебя, подает надежды. Очень далеко пойдет, это уже сейчас ясно. Но ты ведь приехал сюда не ученицей хвастаться?

Эльдар кивнул и некоторое время молчал, глядя на свои руки и собираясь с мыслями.

- Мне нужна помощь, Томаш, - промолвил он так, словно это признание потребовало у него слишком много душевных сил.

- Что ж, я добра не забываю, - с достоинством сказал Томаш, отпивая из своей кружки. Напряжение, искрившееся в воздухе, потихоньку стало спадать: беседа поворачивала в мирное русло. - Избирательное выпадение памяти никому не делает чести. Чем смогу, помогу.

- Продави в Москве мое второе посвящение, - произнес Эльдар. Лиза вдруг поняла, что на самом деле здесь не утро и не весна, стекающая в лето, а поздняя осенняя ночь, среди каменных пальцев улиц завывает ветер, разбрасывая горстями сухие листья, и памятник на холме готов сорваться с места и втоптать в булыжник случайного прохожего.

- Плохо тебе? - с неожиданной и очень искренней заботой спросил Томаш, и Эльдар кивнул.

- Плохо, - выдавил он еле слышно. - Давит.

Лиза поняла, что увидела мир глазами Эльдара, на какое-то мгновение перехватив его чувства. Осенняя стылая ночь с льдистым крошевом звезд отступила - в безлюдную пивницу снова вошло весеннее утро, пронизанное солнечным светом. А Эльдар был кувшином, в который лили и лили воду - собственные силы распирала его, но не находили выхода. Второе посвящение могло бы помочь, но вчера в нем официально отказали - именно этот отказ Эльдар и бросил в стену скомканным огненным шаром.

- Я московским не указ, - с сожалением вздохнул Томаш. - Можно было бы у нас попробовать, но сам знаешь, как к этому отнесутся.

Эльдар ухмыльнулся, и карие глаза вдруг вспыхнули на свету зеленым, звериным. На всякий случай Лиза взяла в руки кружку, чтобы ударить Эльдара, если он вдруг перекинется в чудовище прямо здесь. Пусть потом ей небо с овчинку покажется - это все равно лучше, чем быть разорванной монстром.

- Я принесу тебе голову Мамонтова, - откликнулся Эльдар. - Вместе с короной.

Томаш пристально посмотрел на него и вдруг расхохотался от души. Бармен, выглянувший в зал, тотчас же испуганно юркнул назад в укрытие. Отсмеявшись, Томаш залпом осушил кружку, вытер губы и серьезно произнес:

- Все бы тебе шутки шутить, мой дорогой.

Эльдар развернулся на стуле и вытянул ноги в проход. На левом ботинке по-прежнему не было шнурка; Лиза давно это заметила, но до сих пор не спросила, куда он подевался, списав эту деталь на определенную эксцентричность наставника. Но Томаш, увидев ботинок без шнурка, натурально поменялся в лице.

- Ты знаешь, сколько народу уже пробовало... - начал он и осекся. Махнул рукой. - Один такой как раз в Праге жил. Тут, в Жижкове, напротив костела. Мамонтов тогда святого Вацлава с постамента согнал, и бедолагу потом с булыжников оттирали. Надолго науки хватило.

Лизу передернуло. Однако Эльдара злосчастная судьба пражского мага не испугала и, судя по всему, нисколько не впечатлила.

- Видишь ли, Томаш... Мы с Мамонтовым немного родственники, - он сделал паузу, словно не мог подобрать слова. - Короче, я тот, кто может выдрать Кощееву иглу из яйца и утки.

Томаш недоверчиво покачал головой.

- Там ведь еще и заяц был... - задумчиво произнес он и воскликнул: - Слушай, Эльдар! Ты мне искренне симпатичен, я буду жалеть, если ты умрешь. А ты умрешь, это точно, и смерть твоя будет страшной. Я не хочу тебя оттирать с жишковской мостовой.

- Не придется, - сказал Эльдар, и хищный блеск в его глазах стал таять. - Вот увидишь.

В Праге они провели неделю.

Когда Эльдар впоследствии изредка вспоминал эти легкие весенние дни, до краешка наполненные теплом, светом и любовью, то испытывал что-то среднее между благодарностью и неприязнью. Он был признателен Томашу за то, что маг наложил несколько заклятий и позволил Эльдару получить определенное удовольствие от жизни, а неприязнь была связана с тем, что Эльдар терпеть не мог, когда в его душе ковырялись, пусть и из лучших побуждений.

Томаш считал, что делает последний подарок идущему на эшафот, а благотворительности Эльдар тоже не любил.

Но сетка заклинания сорвалась с ладоней чешского мага, и Эльдар почувствовал...

Он смутно помнил, что было после того, как они с Лизой покинули пивницу. Вроде бы потом они доехали на стареньком дребезжащем трамвайчике до центра города, вроде бы гуляли по Вацлавской площади - Прага заключила их в объятия, и теперь в них не было боли, только тепло и радость. Лиза смеялась от счастья, и Эльдар смотрел и понимал, что улыбка идет из самой ее души, наконец-то согревшейся после долгой и темной турьевской зимы. А потом они стояли на Карловом мосту, и Эльдар вдруг обнял Лизу - и она не отстранилась от объятия и ответила на его поцелуй.

Томаш был уверен, что балует Эльдара перед неминуемой смертью от руки Мамонтова. Каким бы ни был человек, которого скоро будут отскребать с булыжников, но он достоин толики счастья напоследок. Отчасти это было так. Оборотень Эльдар, почти не знавший ни любви, ни душевного тепла, в ту пражскую неделю любил, был любим и был искренне счастлив своей любовью.

Заклинание иссякло через неделю, дав им сполна насладиться чистым и свободным чувством, которое не успело приобрести неминуемых оттенков раздражения. После поездки, проснувшись утром в своем доме, Эльдар подумал, что мимолетный весенний роман с Лизой ему просто приснился.

Лиза, которая в ту минуту стояла на кухне в общаге и пила кофе, ненавидела весь мир и хотела умереть.

- Ну и что? - спросила Вера. - Это, по-твоему, повод?

Веру заселили в комнату Лизы после того, как Ануш завалила сессию и перевелась на заочное. Вера была анорексичной, почти двухметровой блондинкой с убойным чувством юмора и здравым смыслом, доведенным практически до абсурда. Лиза не ожидала, что они подружатся, но они подружились. Видимо, Лизе не хватало той спокойной, основательной приземленности, которая позволяет держаться на ногах после того, как начинается землетрясение.

- Я его боюсь, как не знаю, что, - призналась Лиза.

После лекций они с Верой сидели в недавно открывшейся пиццерии и препарировали огромное колесо «Маргариты». У Веры через два часа была тренировка в школе танцев, где она обучалась румбе у настоящего кубинца, у Лизы вечером намечался небольшой заказ, и в целом они никуда не торопились.

- Ну и что? - пожала плечами Вера, прожевав очередной кусок пиццы. - Можно подумать, у него там хвост вместо того самого.

- Лучше бы хвост... - вздохнула Лиза.

Метод «Ну и что?» был любимым Вериним способом решения проблем. Проблеме задавался вопрос «Ну и что?» ровно до тех пор, пока не следовал ответ: «А ничо!». Как правило, ответ сопровождался резкими жестами.

– Меня бы кто в Прагу свозил, – сказала Вера. – По заграницам катаешься, копеечки не потратила, будь благодарной мужику, в конце концов. Что ему еще-то с тебя взять?

Лиза понимала, что Вера абсолютно права – при ее уровне информированности. О том, что с каждого Лизинога заказа Эльдар получает кругленькую сумму, соседка, разумеется, не знала. Вера была в курсе припадков «Лизкиного ухажера», считая его кем-то вроде эпилептика, но полагала, что из этого не стоит делать проблему.

О том, что зверь как-то раз чуть не порвал Лизу на клочки она и не подозревала.

И о том, что Томаш просто подложил Лизу под Эльдара – разумеется, из лучших побуждений поставив общий приворот, – Вера не знала тоже.

– С души воротит, – призналась Лиза. – Он послезавтра приедет, а я не знаю, как ему в глаза смотреть.

Вера взяла с блюда еще один кусок.

– Мне бы твои проблемы. Слушай! – воскликнула она. – А отдай его мне! Я не против в Прагу съездить. И хвостов не боюсь, я на них бывала чаще, чем ты на свежем воздухе.

Лиза печально усмехнулась. Если бы все ее проблемы решались так просто – возьми и передай другому, а этот другой не только не возражает, но еще и доволен приобретением.

– Он не согласится, – сказала Лиза.

– А тогда и радуйся, – припечатала Вера. – Не всем так везет.

На двери звякнул колокольчик, и в пиццерию вошел очередной посетитель. Увидев его, Лиза вздрогнула и хотела спрятаться под стол, но потом убедилась в своей ошибке: это был Эрик, не Эльдар. Бросив на стул легкий кожаный портфель, он сел спиной к Лизе и принялся листать меню. Несколько минут Лиза смотрела на него, думая о том, что давно не видела Эрика и, к удивлению своему, ужасно по нему соскучилась. Вера толкнула ее ногой под столом.

– Чего лыбишься?

– Знакомого увидела. Слушай, я на минутку...

Вера проследила за ее взглядом и уважительно покачала головой. Эрик производил впечатление серьезного человека – даже так, со спины.

– Солидные у тебя знакомые, чо. Ладно, скажи давай, вечером увидимся.

Лиза встала, быстро поправила блузку на груди и, стараясь выглядеть максимально непринужденно, подошла к соседнему столику. В голове мелькнуло, что она наверняка смотрится нелепо, но дальше раздумывать было некогда, и Лиза, удивляясь самой себе, сказала:

– Эрик, привет!

Эрик улыбнулся и отложил меню. Кажется, он тоже был рад ее видеть – Лизе хотелось верить, что это действительно так, и в его потеплевшем взгляде есть нечто большее, чем просто обычная вежливость.

– А, Лиза! Как съездили?

– Прекрасно. – Девушка подумала, что не знает, куда девать руки и понятия не имеет, почему чувствует такое тепло в груди. – Я очень рада тебя встретить.

Матфак Турьевского педагогического навевал на Эльдара несказанную тоску. Высшего образования он так и не получил – после психиатрической лечебницы да в девятые Эльдару было не до диплома, получил аттестат за девять классов, ну и слава богу. Впрочем, его буйная натура вряд ли смогла бы усидеть за партами в лекториях и по уши в интегралах, так что Эльдар не слишком расстраивался по поводу отсутствия образования, только

институты почему-то недолюбливал... Но делать было нечего – Гамрян не приглашал коллег по магическому дару к себе домой, а Эльдар сейчас нуждался в его помощи.

Выслушав рассказ о путешествии в Прагу, Гамрян что-то прикинул, велел секретарше перенести заседание совета факультета на завтра и повел посетителя в свой кабинет. Эльдар послушно шел за деканом и думал, что идет на прием к зубному.

Надо бы сходить, кстати.

Заперев дверь и на ключ, и на соответствующее заклинание, Гамрян встал в центре кабинета и произнес:

– Ну что, разоблачайся... агент.

Снимая рубашку и брюки, Эльдар думал, что похож на призывника в военкомате и всеми силами должен откосить от армии. Гамрян тем временем вынул из ящика стола красный маркер и нарисовал на своей левой ладони несколько иероглифов.

– Становись лицом к окну.

– Больно будет? – криво ухмыльнувшись, осведомился Эльдар. Гамрян выразительно посмотрел на него, словно опять хотел посоветовать вести себя прилично и не юродствовать. Эльдар кивнул и закрыл глаза.

Прикосновение ладони с иероглифами к затылку отдалось колючей болью по всему телу. Эльдару раньше не приходилось очищаться от чужих заклятий такой силы; он сжал челюсти и приготовился терпеть. Однако боль довольно скоро смягчилась – рука Гамряна стала словно бы отдельным живым существом, которое тяжелыми лапками топало по голове. Приятного мало, но вытерпеть можно. Эльдар по-прежнему был благодарен Томашу, но сейчас больше всего хотел очиститься от воспоминаний и иметь свежий разум. Ему думалось, что и Лиза хочет того же.

Она его не любила и не смогла бы полюбить. Да и незачем. От этого никому не будет хорошо.

Через четверть часа Гамрян опустил руку (от усилия ладонь словно налилась свинцом, но Эльдар об этом, разумеется, не знал) и произнес:

– Все чисто, никаких следов.

Эльдар ощутил моментальный укол тоскливой горечи и искренне ответил:

– Спасибо, Геворг, я признателен.

– Ты бы лучше с трибуналом окончательно рассчитался, – посоветовал Гамрян, усаживаясь за стол и доставая из внутреннего кармана пиджака заветную серебряную флягу. Во фляге что-то чрезвычайно заманчиво булькало, но Эльдар прекрасно понимал, что отведать ее содержимого ему никогда не придется. – Азиль уже два раза намекал. Не жди, когда он будет говорить в открытую.

Эльдар подумал, что когда его тщательно продуманный план будет реализован, то Азилю останется только закрыть рот и помалкивать в тряпочку.

– Хорошо, Геворг, – с подчеркнутым смирением произнес он, застегивая рубашку. – Я постараюсь.

Гамрян соорудил очень выразительную гримасу, словно собирался сказать, что показушная кротость не обманула его ни на миг, но в это время на столе ожил телефон. Сняв трубку и услышав звонящего, Гамрян вопросительно изогнул правую бровь, а затем протянул трубку Эльдару.

– Тебя. Хикмет.

– Элечка? – Хикмет говорил с медовой лаской, но она с трудом скрывала его торжество. – Грохнули твою ученицу, Элечка.

Эльдар почувствовал, как под ногами качнулся пол. Хикмет наверняка ощутил его реакцию, потому что ухмыльнулся и добил:

– И братца грохнули. Допрыгался.

Эрика и Лизу обнаружили в березнячке за городом. Любители весенних шашлыков, вышедшие на прелестную светлую полянку, пронизанную лучами полуденного солнца, наткнулись на два тела, висевшие на деревьях. Их повесили головами вниз – смерть была мучительной, но достаточно быстрой.

Любители шашлыков побили все рекорды по бегу.

Стражей порядка отсекали на подходах к месту преступления – когда убивают магов, человеческая милиция вряд ли может оказаться полезной. В то время как Гамрян привел онемевшего от горя Эльдара на поляну, здесь уже толпился народ. Хикмет и Аннушка успели первыми: сейчас они стояли в благоразумном отдалении и, что-то деловито обсуждая, с любопытством смотрели на повешенных – тела Эрика и Лизы так пока и не сняли. Гамрян заметил знакомых знахарей из прокуратуры и знающего мага, работавшего патологоанатомом. При виде Эльдара говорившие умолкли; Оборотень сделал несколько шагов по траве и приблизился к брату. Глаза Эрика были закрыты, и Эльдар невольно этому обрадовался. Струйка крови, стекавшая из носа мертвеца, уже подсохла. Эльдар смотрел на темно-красную дорожку на лице Эрика и чувствовал: что-то идет не так. Неправильно. Впрочем, теперь это вряд ли имело какой-то смысл – Эльдар всматривался в лицо брата, строгое и спокойное, и видел самого себя, зверя, повешенного в лесу и умершего навсегда.

Он отошел от Эрика и, протянув руку, дотронулся до Лизы. Мертва. Остекленевшие мутные глаза глядели куда-то сквозь Эльдара; он вспомнил, как Лиза смотрела на него на Карловом мосту какую-то неделю назад, и в груди что-то сжалось – словно сердце схватила рука в ржавой латной перчатке. Он перевел взгляд: юбку Лизы, пышным шелковым колоколом окружавшую тело, трепал весенний ветерок, бежевые колготки были аккуратно заштопаны у бедра. На колготки ей денег, как всегда, не хватало... Сознание выхватывало какие-то кусочки происходящего, осколки мозаики: размазанную помаду, свежую ссадину на безжизненно болтавшейся тонкой руке, кружево на юбке – и осколки отчего-то упорно не желали складываться в единое целое.

За спиной кто-то начал говорить, но осекся. Лицо Лизы было в крови – так всегда и бывает, когда человека вешают за ноги, и кровь приливает к голове. Эльдар прикоснулся к засохшим потекам и произнес:

– Akereme foram.

Ему казалось, что прошло невероятно много времени. Тысяча лет, никак не меньше. Эльдар не убрал руку – и, наконец, почувствовал на пальцах влагу. Засохшая кровь взбухла крупными каплями и медленно заструилась по лицу девушки.

– Здесь четыре знающих мага, – скучным голосом произнес Эльдар, не оглядываясь на собравшихся. – Четыре. Какого черта они не видят истину?

Хикмет и Аннушка составили групповую пантомиму «Мы возмущены». «Пусть только рот откроют, – подумал Эльдар с непривычной для себя яростью, – с землей сровняю». Старичок-патологоанатом и Гамрян подошли к висящим, рассмотрели в их лица, и Эльдар увидел, что маги начинают понимать, что происходит на самом деле.

Грязная муть во взгляде Лизы утекла, сменяясь осмысленностью и жизнью, и Эльдар опустил руку. А Лиза всмотрелась в него и закричала так страшно, что Эльдар отшатнулся. Девушка билась в петле, кровь, струившаяся из ее носа и рта, летела в стороны, и это было настолько жутко, что Эльдар, выдавший всякое, чувствовал, что не может пошевелиться.

– Уберите его! Убийца!

Гамрян взмахнул рукой, и веревка оборвалась. Лиза шлепнулась в траву и попыталась удрать – прямо так, на карачках, но Эльдар подхватил ее и встряхнул несколько раз. Девушка рванулась в сторону, и ей почти удалось освободиться. Почти.

Потом Эльдара оттащили в сторону – похоже, у него началось нечто вроде истерики; а после Лизой и ожившим Эриком занялись Аннушка и Гамрян. Эльдар, которого придерживали Хикмет и знахари, следил за манипуляциями знающих магов и ощущал, что его знобит. Зверь ворочался за спиной, пытаясь встать во весь рост, Хикмет чувствовал это и наверняка готовил очередной шар невиданной доселе силы – раз уж бить, то наверняка.

– Она сказала, что я убийца, – произнес Эльдар.

Хикмет ухмыльнулся, но счел нужным побыстрее стереть ухмылку.

- Бредит, Элечка, - ласково произнес он, и Эльдар подумал, что хочет втоптать турка в траву. - Мало ли что померещилось? Ты как понял, что они живы? Приморожены, да?

- Я не понял, - прошептал Эльдар. - Я просто хотел, чтобы они были живы.

- Это тебе предупреждение, - совершенно серьезно сказал Хикмет. Смертоносный шар в его пальцах переливался всеми оттенками синего. На какое-то мгновение Эльдар подумал, что это турок и Аннушка повесили его брата и Лизу в лесу, и успел испытать помрачающий разум наплыв ярости, но потом понял, что для такого у них никогда не хватит сил. - Сделаешь что-то не так, и их повесят уже по-настоящему.

Хикмет даже не подозревал, насколько был прав. Лиза, которая заливалась слезами и билась в руках Гамряна, как пойманная рыбина, вдруг успокоилась и обмякла. Аннушка гладила ее по голове, приговаривая что-то невнятно-ласковое.

- Кому-то ты очень сильно перешел дорожку, - с прежней серьезностью продолжал турок.

- Я знаю, - ответил Эльдар. - Знаю.

Вечерняя прохлада неторопливо шагала по коридорам общежития, и слишком жаркий для середины мая день недовольно отступал, прятался в синеве теней, забивался под лестницы и растворялся с сигаретным дымом. Лиза сидела на подоконнике и смотрела в окно. Во дворе, на лавочке под кленом расположились первокурсники с гитарами и пивом. Мелькнула мысль присоединиться к ним и ненадолго забыть все, что случилось сегодня, но Лиза знала, что никуда не пойдет. Просто будет сидеть здесь, смотреть, как день сменяется вечером, а тот уступает вахту ночи, а завтра наступит утро, и ей, возможно, станет легче.

- Лиз, - окликнули ее.

Она обернулась: на лестнице стоял Эрик. Пока Лиза смотрела, его силуэт дрогнул и растекся каплями по ступеням.

Лиза моргнула.

- Подойти можно? - спросил Эльдар.

Все-таки это был он... Разочарование легко кольнуло под ребро и ушло.

- Подходи, - ответила Лиза и шмыгнула носом.

Лодыжка до сих пор болела, и там, где ее обхватывала веревка, на коже остался темно-красный распухший рубец. Эльдар неторопливо поднялся по лестнице и присел рядом. Лиза откуда-то знала, что будет потом: он спустится вниз и уйдет на улицу, во тьму, а перед ней останется все тот же туманный и грустный вид за окном - дымные окраины, весенний простор и прохлада вечера, а Эльдар не будет преградой ни ее взгляду, ни ее жизни.

- Тебе надо уехать, - сказал он. - Ткни пальцем в глобус, куплю билет. Уезжай, Лиза.

Циничная и здравомыслящая Вера бы сказала нечто вроде «поматросил и бросил» и непременно задалась бы вопросом о количестве подъемных на новом месте жительства. Лиза молчала и чувствовала только грусть, ничего больше.

- Ну, допустим, уеду я, - сказала она. - Что это изменит?

Эльдар вздохнул. Провел ладонью по подоконнику, задумчиво посмотрел на пальцы.

- Ты будешь жить. Эрик будет жить.

К первокурсникам присоединились какие-то незнакомые Лизе девки самого развязного и затрапезного вида. Лиза откуда-то знала, что будет дальше. Эльдар уйдет, а она спустится к пьяной компании, наклюкается в дрова и с кем-нибудь проведет ночь.

Вера сказала бы, что следует выбрать приличный город вроде Вены или Цюриха. Лиза молчала.

- Потом я убью Мамонтова, и ты вернешься, - произнес Эльдар. - Это ведь не навсегда. Но пока... - он посмотрел в окно на первокурсников, усмехнулся чему-то своему. - Пока вы с Эриком делаете меня уязвимым.

Лиза подумала, что слова застревают у него в горле, и Эльдару приходится делать невероятное усилие, чтобы вытолкнуть их оттуда. Она словно увидела все, что он готов был сказать – это были зеленые шипастые шары, от которых немел язык.

– Ты и брат – единственные люди, которых я люблю, – сказал Эльдар, и шары утратили цвет и силу, растаяли в воздухе. – Я не хочу, чтобы вас повесили по-настоящему. Или сделали что-то еще... У Мамонтова оригинальная фантазия, знаешь ли. Так что уезжай. Билет куплю, денег дам, – он помолчал, задумчиво водя пальцем по подоконнику. – Знаешь, это страшно, когда не можешь защитить тех, кто тебе дорог. Но я хочу сделать все возможное.

Лиза не поняла, что улыбнулась – даже как-то удивилась, когда губы дрогнули.

– Я не люблю тебя, Эльдар, – сказала она. – Прости. Я тебя боюсь.

Видимо, Эльдар ожидал чего-то вроде таких слов, потому что даже не изменился в лице. Лиза смотрела и видела, как радужка его левого глаза наливается голубизной, а потом цвет снова скатывается к каре-зеленому, звериному – и это было единственным, что выдавало его волнение. Первокурсники подхватили гитару и своих девок и отправились в общежитие – вскоре снизу донеслись их развязные веселые голоса, и пьяное эхо заплясало на лестнице.

«Хорошо, что мы на третьем этаже, – подумала Лиза. – А они живут на втором».

– Мне не нужна твоя любовь, – со спокойной отстраненностью промолвил Эльдар. – Мне нужно, чтобы ты жила. Чтобы Эрик жил. Поэтому уезжай.

На втором этаже хлопнули двери, и в общежитии ненадолго воцарилась тишина. Как сказала бы Вера, ну и что? Уезжать так уезжать. Доучиваться при тех раскладах, что выпали на долю Лизы, вряд ли есть смысл.

– Вена, – сказала Лиза. – Всегда хотела побывать в Австрии.

Эльдар что-то прикинул и кивнул.

– В это время года там чудо как хорошо, – сказал он и пошел вниз.

Работа всегда помогает отвлечься. Депрессия – работай. Голова болит – трудись. Аппендицит – вырежи и продолжай впахивать. И на глупости не будет времени, и денег поднимешь, а с деньгами все вопросы и проблемы превращаются в крупные или мелкие расходы, не более того. Эта простенькая мантра всегда помогала Эльдару переключиться с тоскливого уныния на определенный душевный подъем.

Выпив принесенную заботливой Светочкой чашку кофе, Эльдар обложился бухгалтерскими ведомостями, отчетами продаж и бумагами поставщиков и занялся насущными делами. Привычный труд помогал отвлечься и не думать о том, что именно сейчас самолет, уносящий Лизу в Вену, оторвался от взлетной полосы, а поезд, в одном из купе которого устроился Эрик, отходит от вокзала.

Эрик не хотел уезжать. Эльдар думал, что придется тащить брата на вокзал за руку.

Не пришлось. Эрик всегда отличался здравомыслием.

Ровно в десять утра секретарша заглянула в кабинет и доложила:

– Эльдар Сергеевич, к вам тут какой-то Погремыкин. Очень сильно просится.

«Какого-то Погремыкина» Эльдар встретил с распростертыми объятиями. Этот маленький человек с огненно-рыжей шевелюрой и громоподобным голосом, невесть как помещавшимся в щуплом тельце, занимался тем, что изготавливал ткани ручной работы для нужд ролевиков и исторических реконструкторов. Сейчас же Погремыкин принес Эльдару небольшую коробочку, из которой извлек простенький льняной платочек. Ни монограмм, ни рисунка, ни вышивки – просто невзрачный кусочек ткани, но Эльдар, увидев его, просиял. Это была первая хорошая новость за долгое время.

– Волос хватило? – спросил он, осторожно ощупывая казавшийся невесомым платок.

Погремыкин важно кивнул и осведомился:

– Что ставить собираетесь?

- Ночь на Лысой горе, - совершенно серьезно ответил Эльдар. - Я буду Басаврюк. Сами понимаете, нужна полная идентичность.

Погремыкин спросил о времени проведения ролевки, посокрушался тому, что не сможет присутствовать лично и, получив щедрое вознаграждение за работу, поспешил раскланяться. Каким-то шестым чувством он понял, что господину Поплавскому больше не следует надоедать своим присутствием, да и вообще стоит забыть и о заказе, и о заказчике. А Эльдар снова сел в свое кресло и, глядя в окно, туда, где по проспекту текли машины и спешили люди, стал неторопливо разминать платок в пальцах.

Погремыкин не подвел. Все выданные ему волоски были аккуратно переплетены с нитями. Когда Эльдар дотрагивался до них, то волоски вспыхивали алыми огоньками и медленно гасли. Смертоносная сила, заключенная в них, была безжалостной и бесконечной.

«Я не хочу оттирать тебя с жижковской мостовой», - услышал он голос Томаша. словно бы наяву маг выступил из весеннего воздуха, соткавшись из гудения проводов и пыли, пляшущей в солнечных лучах, укоризненно покачал головой и растаял. Эльдар усмехнулся. Мамонтов, при всей его непостижимой власти, не способен отменять законов природы, на которых и базируется магия - что этого мира, что Параллели.

Можно запереться в комнате и наглухо занавесить окна, вообразив, что ночь вечна. Но этим ты не уберешь солнца из Вселенной. Мамонтову следовало бы понимать такие простые вещи - но он не считал нужным этого делать. Тем лучше для Эльдара.

Секретарша осторожно постучала в дверь. Эльдар аккуратно, словно величайшую ценность, сложил платок, убрал в карман и обернулся.

- Что, Света?

На лице секретарши было широкими мазками выписано самое красноречивое недоумение.

- Эльдар Сергеевич, к вам Лиза Голицынская.

Эльдар встал. По его подсчетам Лизе сейчас следовало быть на полпути к Вене. Он и сам не ожидал, что кабинет вдруг качнется, словно на волнах, а в приоткрытое окно ворвется соленый морской ветер, и штора вскипит, как парус пиратского корабля.

- Пусть проходит, - сказал Эльдар и не услышал слов.

Лиза медленно вошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Она двигалась очень осторожно, словно шла по тростинке над пропастью. Эльдар вышел из-за стола и сделал шаг навстречу.

- Я ведь говорил тебе - уезжай, - произнес он, и тогда Лизу прорвало, и она чуть ли не одним прыжком пересекла кабинет и бросилась ему на шею. Эльдар обнял ее и подумал, что перестает понимать происходящее. Вообще.

- Я не могу тебя оставить, - услышал он. - Не могу.

Когда Эльдар отвез Лизу в общежитие и велел не высовываться оттуда до тех пор, пока он не разберется со своими проблемами, далеко-далеко, в другом пласте реальности, Лали шла через ночной лес и знала, что когда-нибудь он закончится. Мысль была очень простой и пахла болотными травами и тиной. Сладкий воздух был наполнен ароматами сырой земли и мха на стволах деревьев, а в небе раскинуло свои корни и ветви зеленое созвездие Иисуса-на-болотах. Лали не смотрела вверх: созвездие внушало ей безотчетный ужас, словно лохматые звезды могли вдруг сорваться со своих мест и рухнуть вниз.

Где-то в другом мире ее звали по-другому, но Лали не хотела об этом думать. Мысли не нравились ей, они были колючими и неудобными, и голова начинала болеть, стоило Лали задуматься о чем-то, кроме приятных будоражащих запахов гниения.

Кхаадли с трепещущими зелеными крылышками потянулся за ней, но передумал.

- Тебе нравится здесь, Лали? - пророкотал знакомый голос.

Она вздрогнула и отпрянула в сторону, но чужая рука не дала ей убежать. Лали смотрела, не в силах отвести взгляд: перед ней стоял владыка леса и болот, и его тяжелая мантия, испещренная белыми цветами смертохлебника, спадала с горбатых плеч и тянулась на обочину. Возле ног государя крутились два сквернолова с оскаленными пастями, и Лали испуганно заскулила. От скверноловок, огромных псов с половинчатой мордой, нельзя было

убегать, нельзя было показывать им спину, но стоять на месте было выше ее сил.

- Нра...вится, - прохрипела Лали, приплясывая на месте. Из пастей скверноловов капала слюна. На серебряных доспехах владыки затейливо переплетались обнаженные человеческие фигурки, предававшиеся неназываемым страстям.

- Приведи сюда зверя, - ласково сказал владыка. - Приведи Эльдара сюда, в Параллель.

Имя тоже было колючим, имя заставляло думать, и Лали снова заскулила, тоскливо и жалобно.

- Во славу Исусанаболотах, - забормотала она, сев в мокрую траву. - Мы ве... руем и трепещем.

Владыка с неудовольствием скривился.

- Молиться не надо, - сказал он. - Древние боги тебя не услышат, а того, кому ты молишься, никогда не было. Мне спустить скверноловов или ты все-таки начнешь соображать?

Перспектива была очень неприятной. Лали встала и принялась водить ладонями по телу, стирая тину. С длинных, слипшихся сосульками волос капала вода.

- Умница, - похвалил владыка. - В другом мире я заморозил твоего двойника и повесил на дереве, чтобы Эльдар понял серьезность моих намерений. В этом мире я могу утопить тебя в болоте, русалочка, набив тебе рот водорослями. Могу прорасти через твое тело дерево с тысячью глаз. Много могу. Хочешь попробовать?

Лали отступила в сторону, и скверноловы тотчас же оскалились снова, дернувшись на обрывках веревок. В прошлое полнолуние их изловили на западной окраине леса и повесили на самых высоких деревьях, чтобы вороны выклевывали их глаза и обдирали мясо с костей. Когда в очередной раз луна скруглила бугристую морду, скверноловы ожили и пришли на зов владыки.

- Я не... могу уйти туда, - провыла Лали. Язык почти не слушался: она слишком долго была вдали от воды. - Но я... могу спеть для другой меня... Которая там. И она... все сделает, во славу Исусанаболотах...

Владыка усмехнулся, и Лали увидела его истинный облик: череп с криво наклепанными лоскутами кожи и мяса, длинные седые волосы, вьющиеся по плечам, корона из сухих веток и отрубленных человеческих пальцев.

- Пой, - приказал он. - Пой не для нее - для него. Ты великий соблазн, который увлекает на дно, в ил и водоросли, ты смерть без возврата. Приведи мне зверя.

Лали кивнула, и оцепенение, наложенное владыкой, спало, а скверноловы хором рывкнули так, что русалка сорвалась с места и бросилась туда, где среди деревьев бойко журчал прохладный ручеек. Ароматная вода с запахом придонных трав и мертвой рыбьей икры остудила ее искромсанные ступни, и Лали долго стояла просто так, чувствуя, как утекает усталость, и бледное тело наполняется силой и жизнью.

За их миром милостью Иисуса-на-болотах лежало множество иных миров, но двойники здешних существ обитали только в одном из них. Лали знала, что у нее есть пара, но никогда не пробовала до нее достучаться. Впрочем, воля владыки нерушима. Лали переступила с ноги на ногу, чувствуя, как оупение проходит, и мысли обретают яркость и остроту отточенного лезвия, которое рассекает тонкую кожицу, отделяющую один мир от другого. Отражение русалки дробилось и расплескивалось в воде: теперь это был не загнанный испуганный зверек, а полное силы и страсти гибельное существо, зовущее моряков на скалы.

Вскинув руку, Лали провела ладонью в воздухе, стирая звездную пыль, насевшую на кожицу между мирами, и увидела того, кого владыка хотел вернуть обратно. Человек с некрасивым именем сидел в бетонной коробке за уродливым деревянным приспособлением и перебирал мертвые белые листы. Лали знала, что за лесом, в невероятной дали, тоже есть такие коробки и такие же деревянные чудовища с ногами, но настолько далеко она никогда не забиралась. Говорят, что все ручьи там заточены в трубы с железным запахом крови, а циклопические многорукие и многоногие люди предаются непостижимым и страшным занятиям.

Эль-дар. Лали попробовала на вкус имя и скривилась. У владыки имя тоже было гадким. Иль-я Мам-он-тов. Не произнести.

- Эльдар, - позвала Лали, и звук отразился от стволов деревьев и разлетелся по болоту светлячками. - Эльдар.

В бетонной коробке на стене висело отражающее стекло. Кажется, оно называлось зеркалом, но Лали не была в этом уверена. Впрочем, сейчас было важно не название, а то, что отражающее стекло помогало позвать существо из соседнего мира. Лали никогда не пробовала докричаться до кого-то из обитателей края песка и камня, но сейчас у нее получилось. Эльдар даже листы разронял от удивления.

- Эльдар, - повторила Лали. Ее голос был медом горьких болотных трав и прохладной росой, и, наверное, никто бы не услышал в нем сухого скрежета костей и тяжелого духа гниения. - Эльдар, приди ко мне.

- Лиза? - Эльдар вышел из-за деревянного животного на четырех ногах и подошел к стеклу. Казалось, что он стоит здесь, в лесу, у ручья - ощущение проникновения из одного мира в другой было полным. Лали даже потребовалось закрыть глаза и снова их открыть, чтобы убедиться, что наличие Эльдара в ее мире - иллюзия.

- Лали, - сказала русалка и увидела зверя.

Ей понадобилась вся ее сила духа, чтобы не заорать от ужаса.

Зверь был огромен и страшен - когда-то подобные ему населяли лес, внушая панический трепет всем его обитателям. До сих пор о них, умеющих делать живое неживым, ходили жуткие рассказы среди жителей этих мест. Милостью Иисуса-на-болотах, чьи зеленые звезды-провозвестницы сейчас отражались в переливах воды ручья, звери были истреблены, но один остался и пристально всматривался в Лали бешеными темными глазами.

Он нужен владыке, чтобы убивать, править и ужасать, подумала русалка. Сила скверноловов, мощь йэкудли, даже власть землестрашцев - ничто перед ним. И сейчас зверь стоял в ручье, и Лали никак не могла убедить себя в том, что это лишь туман и морок.

А потом Эльдар взял русалку за плечи и притянул к себе. Зверь пронзительно пах смертью, и Лали не знала, где чудовище, где человек и где теперь она - все трое переплелись в туго смотанный клубок. «Это я буду лежать на дне, в иле и водорослях», - успела подумать Лали, и ночь взорвалась болью и тысячей осколков, впившихся в ее тело.

Эльдар рванул Лали вперед и вверх и оставил истекать кровью между мирами. Русалка повисла в воздухе, не чувствуя ничего, кроме боли, и одновременно постигая все: и зверя, медленно слизывавшего кровь с ее плеча, и бусины миров, нанизанные на пульсирующую, налитую гноем нить, и Древних богов за краем всех реальностей, которые вечно играли в кости, забыв и об игре, и о ставках. На дне великого моря ворочался, пробуждаясь, древний змей, лес бурлил тысячей голосов, запахов и душ, а Лали беспомощно болталась между жизнью и небытием, и безумно хихикающий Иисус-на-болотах не торопился прийти ей на помощь.

- Хочешь сюда? - спросил Эльдар и медленно потянул Лали вперед. Осколки зеркала неспешно раскраивали ее тело, и тяжелые капли крови падали вниз, в ручей. - Или обратно? Что тебе нужно?

- Владыка велел... призвать тебя, - проговорила Лали. Язык заплетался. - Владыка сказал, что ты ему нужен.

Эльдар улыбнулся, но в улыбке не было ничего живого. Так мог бы улыбаться Великий Мор, шагая с косой по миру.

- Yahaschere imili foram, - откликнулся Эльдар, и зверь, жадно лакавший кровь русалки, оскалится сотней изломанных клыков. - Передай, что я приду.

После видения разбившегося лайнера Лиза стала бояться снов. Об этом никто не знал, кроме Эрика: Лиза совершенно случайно проболталась ему о том, что пьет кофе литрами, чтобы заснуть уже на рассвете. Эрик поставил пару простеньких заклинаний, которые действительно помогли Лизе спать как убитой без всяких снов - но то ли их срок действия иссяк, то ли Лизе в самом деле следовало увидеть будущее, потому что сон все-таки пришел.

Во сне Лиза ехала через город в сторону дома Эльдара, сидя в роскошном алом спорткаре, думала о том, что давно пора поменять машину на что-то более спокойное и что она видеть не желает Эльдара, но бизнес есть бизнес - им предстояло вместе решить достаточно крупное

дело. На правой руке Лизы красовалось крупное обручальное кольцо из белого золота с россыпью бриллиантов – и кольцо, как и машина, сейчас раздражало владелицу тоже.

Она заподозрила неприятности сразу же, остановившись возле ворот дома Эльдара. Ворота были открыты, и охранник, сидевший в будочке, бессмысленным взглядом таращился в газету, лежащую на коленях, и никак не реагировал на появление спорткара Лизы. Покинув машину, Лиза вошла в ворота и заглянула в будочку. Охранник не уделил жене своего работодателя ни капли внимания – он выглядел спятившим, и Лиза, мысленно прикоснувшись к его вискам, убедилась в том, что Миша Гулайтис, подающий надежды знахарь, действительно лишился рассудка.

Лизе стало страшно. Дом, утопавший в бело-розовой пене цветущих абрикосов, вдруг словно оскалится на нее, словно уверял: голубушка, свихнувшийся охранник – это еще мелочи. Зайди, взгляни, у меня много сюрпризов. А потом мы прекрасно проведем вместе время. Все вместе.

После сон перебрал Лизу от будочки охранника в гостиную дома. В гостиной же царил самый настоящий хаос, словно по ней прошел смерч, безжалостно разметавший мебель, книги из шкафов, мелкие магические мелочи, похожие на сувениры из дальних стран. Лиза сделала несколько шагов – под ногами захрустело стекло – и увидела лежащего на полу Эльдара. Его слепой взгляд был устремлен в потолок, на ухе запеклась струйка крови, и изломанное тело лежало как-то настолько жалко и неумело, что Лиза с внезапной ясностью поняла – Эльдара убили, и это не какая-то обратимая магия, он умер навсегда.

Она заорала так, что, должно быть, перебудила половину общежития. Во всяком случае, Вера и Маша вскочили со своих кроватей так же резво, как и Лиза, которую натурально сбросило на пол.

– Ты чо вопишь, дура? – Маша недовольно терла левый глаз, разрушая заготовленный с вечера макияж. Вера хлопала Лизу по щекам, а сама Лиза никак не могла понять, где находится, откуда в доме Эльдара вдруг взялись ее соседки по комнате и куда, собственно, делся труп. Наконец, явь переборолла видения, и Лиза села на кровать и заплакала. Маша увидела, что размазала косметику, и раздосадованно проворчала:

– Тьфу ты, кобыла припадочная. Глаз перекрашивать из-за тебя.

Вера, которая не красилась в принципе и не собиралась идти на две первые пары, отнеслась к внезапному подъему гораздо спокойнее соседки.

– Ты чего, Лиз? Приснилось что?

– Эльдара убили, – прошептала Лиза. На какой-то миг сон и явь смешались, и она была свято уверена в том, что Эльдар сейчас лежит в разгромленной гостиной, и что ты ни делай – помочь ему невозможно. – Вер, Эльдара убили.

Вера, которая, как и остальные обитатели общаги, была в курсе магических способностей Лизы (Лиза не так давно приворожила к Вере молодого преподавателя по современному русскому языку, который теперь радостно закрывал глаза на все прогулы объекта своей внезапной страсти – Вера с удовольствием отчитывалась перед ним в свободное время) несколько не удивилась сказанному и отнеслась к словам соседки совершенно серьезно.

– Позвони, проверь, – спокойно сказала она. – Не ответит, так поедем туда. Может, ментов надо вызывать, раз убили.

Маша покачала головой и полезла в тумбочку за салфетками.

– Колдуны... – буркнула она. – С вами, я смотрю, хрен выспишься. Я бы на месте Эльдара вашего сама себе башку об дерево разбила, чтоб ваших рож не видеть.

– Поддувало завали, – равнодушно посоветовала Вера. – Лиз, давай звони уже. Надо решать, ехать или дальше спать.

У Лизы уже два месяца был собственный сотовый телефон, стильная «Нокия», предмет голодной зависти всего общежития. Набрал номер Эльдара, Лиза долго слушала гудки, смотрела в окно, где тихо начинало розоветь утро, и знала, что ей никто не ответит, а значит, Вера права, и надо быстро собираться и ехать. Когда она окончательно потеряла надежду, Эльдар все-таки снял трубку и сонным голосом осведомился, кто это такой добрый его будит в пять утра.

Лиза еще никогда не чувствовала такого облегчения. С плеч свалился, по меньшей мере,

Эверест.

- Это я, - сказала она. - У тебя все в порядке?

Эльдар сонно усмехнулся.

- Привет, Лали. Чего не спится в ночь глухую?

Вера и Мася вопросительно смотрели на Лизу. Она показала им большой палец - дескать, все в порядке - и отвернулась к окну.

- Лали?

- Так, заглядывала одна знакомая, - Эльдар усмехнулся. - Что случилось?

Лиза подумала, что по всем канонам жанра ей полагается почувствовать укол ревности. Но укола не было, и она не могла этому не порадоваться. За окном сползло к горизонту огромное созвездие с крупными зелеными звездами, и Лиза почему-то знала его название: Древо Болотного Господа. Созвездия не могло здесь быть: Лиза зажмурилась и, когда открыла глаза, увидела, что чужие звезды исчезли.

- Мне приснилось, что тебя убили, - призналась она. - Я пришла, а ты...

- Сны редко говорят правду, - грустно заметил Эльдар и велел: - Лиз, не смотри в окно. Ты ведь смотришь?

Лиза кивнула, словно он мог ее увидеть. Подхватила со стула халат и вышла в коридор - соседки за спиной дружно вздохнули с облегчением. Общежитие уже просыпалось: на кухне кто-то успел поставить чайник и кастрюлю с водой дляпельменей, в душевой шумела вода, и на лестнице, где обычно торчали курильщики, маячила чья-то тень.

- Почему не смотреть? - спросила Лиза, привалившись к стене.

- Миры сдвигаются, - серьезно сказал Эльдар. - Это не страшно, но неприятно. Слушай, если, кроме моей смерти, ничего интересного больше не намечается, то иди спать. У меня сегодня важный день, хочу отдохнуть.

Вот теперь Лизу пронзило пониманием. Зеленое созвездие, миры сдвигаются, шнурок на ботинке Эльдара так и не появился...

- Сегодня? - прошептала она внезапно севшим голосом. - Сегодня?!

- Да, - откликнулся Эльдар. - Грань между мирами максимально тонка, и йэкудли уже готовы идти по моему следу. А я принесу смерть, неизбежную и неотвратимую. Так что иди спать. Позвоню вечером.

Из трубки потекли короткие гудки. Лиза выключила телефон и несколько минут стояла в коридоре, не зная, что делать дальше. Потом решительно тряхнула головой и пошла одеваться.

Глава 3

На солнце, укутанное шалью серых облаков, можно было смотреть, не шурясь, – как на луну. Оно висело в небе лужицей расплавленного олова. Пока Эльдар смотрел, на пыльный асфальт упали первые капли, но до настоящего ливня было еще далеко: он только зарождался там, где у горизонта ворочалась и закипала тьма. Йэкудли на границе миров раскрывали слипшиеся перепончатые крылья. Ливень готовился вынести их сюда, чтобы первый же глоток земного воздуха сжег их губчатые легкие и вылил на землю отравленной влагой.

Эльдар стоял возле заброшенного двухэтажного барака на окраине города. Жители давно покинули эту паутину прихотливо искривленных переулков, в домах никого не было, и только ветер бродил по опустевшим комнатам и хлопал дверями, поднимал пыль на полу и царапал стены с облетающими обоями. Прислонившись к неровной кирпичной кладке Эльдар смотрел, как грозовой фронт наползает на город, как первые всадники мчатся по небу в сторону центра, и копыта молний в их призрачных руках готовы поразить цель. Эльдар любил такую погоду: в дождь ему всегда хорошо колдовалось, как, впрочем, почти всем турьевским магам. Он знал, что сейчас местная лига дождя готовится проводить ритуалы – каждый свои, разумеется, – и не собирался медлить.

Левое запястье следовало разорвать без металла, стекла и камня. Эльдар собрался с духом и, поднеся руку ко рту, рванул кожу зубами. Вкуса крови, хлынувшей на язык, он не почувствовал.

Платок, сотканный Погремыкиным, выскользнул из кармана и ткнулся в рану всем своим скомканным тельцем. Сверху загрохотало – тысячи небесных барабанов раскололи тревожную тишину, и Эльдар увидел первых летящих вниз йэкудли, посланников Параллели.

Миры соединились, и началась гроза.

Эльдар моментально промок до нитки. Нашаривая в кармане шнурок от ботинка, чтобы перевязать сгибельника из пропитанного кровью плаща, он не чувствовал ничего, кроме смертельной легкости, поднимавшей над землей. Готовый сгибельник упал в лужу и тотчас же поднялся на ноги, дрожа от нетерпения и готовности выполнить задание. Слова на древнем языке магов царапали глотку – Эльдар, упавший на колени, выхаркивал их в мир, и злость, распиравшая его грудь, постепенно утекала – так вода стекала из чудом уцелевшей гнущей водосточной трубы. Сгибельник рос, становясь плотью от плоти и кровью от крови своего создателя и мстителя.

– Иди, – прошептал Эльдар. Слово лопнуло в горле и измазало кровью губы. – За тебя уплачено сполна.

– Уплачено? – насмешливо спросили сзади. – Чем именно?

Эльдар обернулся и увидел Мамонтова. Владыка двух вселенных вышел из дома в своем подлинном виде – венценосная тень с черным провалом на месте лица, в нестерпимо сияющих серебряных доспехах и мантии, сотканной из болотной паутины. Среди фигурок, резьбой украшавших нагрудник, Эльдар увидел себя – маленького, распятого на тысячеглазом древе. Скверноловы медленно и со знанием дела выедали его внутренности.

Мамонтов небрежно взмахнул рукой, и Эльдар почувствовал, как обожгло грудь. Опустив глаза, он увидел, как рубашка рассыпается лохмотьями, а кожа вспучивается рыжими волдырями ожогов.

– Болотный огонь? – как можно небрежнее уточнил Эльдар. Боль была такой, что мир рассыпался перед глазами мелкими брызгами стекла, однако ему удалось встать и даже сделать пару шагов назад, туда, где в луже нетерпеливо прыгал сгибельник.

– Он самый, – Мамонтов щелкнул пальцами, и язык зеленого пламени, вырвавшийся из его ладони, лизнул Эльдара по предплечью. Это было всего лишь разминкой, Эльдар прекрасно понимал, что Мамонтов сейчас думает о том, как именно растерзать наглого выскочку. Болотный огонь – даже не цветочки. – Знаешь, сколько таких было? Я уже считать устал.

Под ногами дрогнула и поплыла земля, и Эльдар снова упал на колени – теперь уже не на городских окраинах, а в лесу, где деревья вместо ветвей скребли небо темно-зелеными щупальцами, и провозвестники Древних богов, многорукие обнаженные исполины, шагали по облакам. Владыка болот и тверди обошел Эльдара, и в шелесте его мантии по траве слышались вопли истязаемых существ. Эльдар смотрел и видел: корона, в которой золотой

проволоккой сцеплены отрубленные пальцы посягавших на престол, тяжелые латные перчатки с сотней шипов, поступь, от которой трясется земля – колоссальная воля и власть казалась непоколебимой. Не было силы, способной ее уничтожить.

Зверь, поднявшийся за плечами коленапреклоненного рыцаря в расколотых доспехах, скулил от ужаса, но не убегал.

– Ты мне нужен, – прошелестел владыка. Слова взвивались сухой мертвой листвой и падали в пепельно-серый снег, покрывавший макушки иззубренных травинок. – Но иногда я начинаю думать, так ли сильно ты мне нужен.

Земля вздрогнула снова. Ветви деревьев Параллели раскрылись тысячей глаз, глядя на того, кто дерзнул...

Эльдар зажмурился и открыл глаза. Он лежал в луже, дождь безжалостно хлестал по миру, и Мамонтов – в привычном человеческом виде, горбатый, могучий, седой, – стоял и с любопытством смотрел, как лопаются гнойные волдыри на груди Оборотня.

– Тебя сильно испортили в лечебнице, – сообщил Мамонтов, присев на корточки рядом с Эльдаром. – Ты перестал понимать, когда к тебе обращаются по-хорошему. Я хотел тебе только добра, мальчик. А ты?

Эльдар не смог сдержать ухмылки. Какой добрый дядюшка, надо же...

– Убить моего брата – это желать мне добра?

Мамонтов дотронулся до его плеча – кротко, почти ласково, но Эльдар почувствовал, что горит.

– Я же его не убил, – улыбнулся Мамонтов. – Так, приморозил слегка, чтобы ты понял всю серьезность моего предложения.

Он убрал руку, и Эльдар подумал, что боится смотреть на плечо: по его ощущениям кожа и мясо выгорели там до костей. Томаш не хотел оттирать его с жижковской мостовой – так и не придется, Мамонтов собственноручно сожжет его заживо.

Томаш придет и смахнет его пепел веником. Только и всего.

– Я мог бы не успеть, – произнес Эльдар. – И он бы умер на самом деле.

– Они, – уточнил Мамонтов. Ткнул Эльдара пальцем в грудь, и воздух в легких сразу же стал горячим и вязким. – Они. Где сейчас твоя ученица?

Эльдар пожал бы плечами, да сил не было. Силы утекали в лужу кровью, гноем и дождевой водой. Мамонтов неприятно усмехнулся, и Эльдар увидел, как во рту владыки мира сверкнул золотой зуб.

– Надо же, на семинаре. Ты тут, можно сказать, отправился спасать мир с саблей наголо, а она на семинаре, – Мамонтов сощурился, словно высматривал, что именно делает Лиза. – Фонетический закон редукции гласных, как интересно...

Эльдар закрыл глаза. Пальцы изувеченной руки дрогнули, пытаясь сжаться в кулак – Мамонтов заметил это и ухмыльнулся снова.

– А, так вот от чего тебе больно по-настоящему, – довольно произнес он. – От того, что любовь тоже сила, которую нельзя недооценивать. А ты знаешь, на кого девочка положила глаз? Сейчас вот сидит на семинаре и не про закон редукции гласных думает – а о том, как бы написать ему смс. И что именно написать. А ты тут живьем горишь, – рука Мамонтова небрежно похлопала Эльдара по животу и груди, оставляя огненные отпечатки. – Ну, не упрямясь. Твое счастье, что ты мне нужен. Хоть кому-то в двух мирах. Потому что тот, на кого девочка положила глаз, не имеет ничего против.

Во тьме мелькали цветные картинки, и Эльдар выхватывал то одну, то другую – так гадатель ловит карты из рассыпанной по воздуху колоды и читает судьбу. Звезды Древа Болотного Господа проступали на дневном небе. Владыка в тяжелой мантии занес ржавый меч над головой умирающего рыцаря.

Что он там сказал? Что любовь тоже сила?

- Любви нет, - улыбнулся Эльдар окровавленными губами. - Нет и не нужно.

Он знал: занятый убийственной болтовней Мамонтов не видит того, что происходит за его спиной. Он знал: увлеченный пыткой и мучениями очередного терзаемого, владыка мира не замечает того, что сгибельник заносит руку.

- Потому что смерть не любит. А я и есть смерть.

И сгибельник нанес удар. А зверь, выросший за плечами рыцаря, бросился и сбил владыку с ног. Пласт земли дрогнул и пополз, словно оба мира хотели сбежать прочь, сорвавшись со своих орбит. На мгновение в прорехе среди исходящих ливнем туч мелькнули крылатые тени: посланники Болотного Господа летели отторгать души от тел.

Потом стало темно.

Когда Эльдар пришел в себя, то ливень уже закончился, солнце сметало ошметки туч с неба, и капли, срываясь с карниза заброшенного дома, звонко пели веселую незатейливую песенку. Ручей увлек остатки сгибельника - грязную мятую тряпку - в канаву и дальше, где Эльдар уже не видел его.

Рыцарь в расколотых доспехах лежал на земле и не шевелился. Снег на его окровавленном лице не таял. Зверь отступил от рыцаря и, опустившись на траву, свернулся в клубок, бормоча негромкие жалобы. В его груди, дымясь, чернела свежая рана, и зверь знал, что все кончено - и для него, и для владыки, который стал ворохом костей и веток после того, как зверь разорвал ему горло и хлебнул крови.

Корона уцелела, но в ней больше не было того ужаса, каким владелец наделял ее. Груда мусора, вот и всё; поднимаясь, Эльдар зацепил ее, и она рассыпалась. Мертвый Мамонтов - окровавленная неопрятная туша - лежал в грязи: сгибельник нанес удар одновременно со зверем, а такого - двойной атаки в двух мирах - владыка не выдержал. Эльдара качнуло, и он привалился к стене дома, чувствуя, как рот наполняется кровью.

Зверь скулил, тихо и жалобно. Вышедшая из-за деревьев Лали подошла подошла и, сев на землю, устроила огромную уродливую голову умирающего чудовища у себя на коленях.

- Я тебе песенку спою, - мягко сказала русалка. - И ты уснешь.

И она запела: мягко, негромко, поглаживая зверя по грязной клокастой шерсти. Зверь проворчал что-то неразборчивое и закрыл глаза. Вскоре он умер; тогда Лали смахнула неожиданную слезинку со щеки и ушла в лес, к ручью. Милостью Иисуса-на-болотах род чудовищ был истреблен окончательно, и два мира разошлись по своим путям.

Эльдар тоже это понял и вздохнул с облегчением. Теперь следовало прочесть несколько заклинаний, дающих дополнительные силы, но язык не ворочался, а перед глазами маячила серая завеса. Ее тяжелые крылья сомкнулись, и Эльдар погрузился во тьму.

И он не увидел, как в переулок, осторожно перепрыгивая через лужи, чтобы не замочить дорогую обувь, вошел Томаш. Уважительно цокая языком, чешский маг обошел труп Мамонтова, качая головой и приговаривая что-то неразборчивое. Затем подцепил одну из косточек, составлявшую корону, и осторожно убрал в карман. Лежащий у стены Эльдар заинтересовал европейского гостя в последнюю очередь: подойдя вплотную, Томаш навскидку оценил его состояние и полез в карман за телефоном.

- Скорая? - уточнил он, когда ему ответили. - Тут поножовщина, человека ранили. Кимовский переулок, пять. Да, во дворе. Приезжайте.

Мамонтов не солгал, когда говорил, что Лиза сидит на семинаре. Не солгал он и тогда, когда говорил про сообщение, которое она обдумывала. Он только умолчал о том, что с утра Лиза и Вера взяли такси и рванули к дому Эльдара.

Сидевший на воротах охранник, тот самый Миша Гулайтис, которого Лиза видела во сне полностью лишившимся рассудка, сообщил, что господин Поплавский ушел полчаса назад. Нет, куда именно отправился, не сказал. Нет, когда вернется, не сообщил. И вообще, он не имеет привычки докладывать. Нет, Эрик Сергеевич здесь вообще не живет и бывает только в гостях. Если есть вопросы, звоните на сотовый, а у него, Миши, и без того дел полно.

- Ага, вон кроссворд неразгаданный лежит, - съязвила Вера, ткнув пальцем в свежий номер «Тешиного языка», лежавший у охранника на коленях. Миша скорчил ей выразительную гримасу, но отвечать ничего не стал. - Лиз, он трубку так и не берет?

- Нет, - ответила Лиза. Все ее попытки дозвониться до Эльдара снова оказались тщетными.

- Жив - и то ладно, - со своеобычным здравым смыслом сказала Вера. - Ладно, трамваи уже ходят, поехали в универ. Поучимся, что ли, чего утру пропадать?

Лиза не могла не признать ее правоту. Семинар по фонетике, на которую она не заглядывала уже месяц, был очень кстати в плане переключения мозгов с ненужной маеты на нормальную работу.

Впрочем, фонетический закон редукции гласных, на котором дружно зависла вся группа, нисколько не помог Лизе успокоиться. Преподавателя она почти не слышала, крутя под столом телефон и думая, что надо написать Эрику - уж он-то должен был хоть что-то знать о планах Эльдара. Лизе было известно, что Эрик вернулся в город два дня назад, но они пока не виделись.

«Привет. Ты не знаешь, где Эльдар? Не могу его найти».

- Голицынская! - окликнул ее преподаватель. Вера, которая вздремнула рядом, даже вздрогнула и судорожно принялась листать тетрадь с лекциями, имитируя бурную деятельность. - Уберите телефон уже, имейте совесть.

Лиза послушно спрятала сотовый в карман и уткнулась в учебник. Буквы казались натуральной китайской грамотой. Если Эльдар сейчас в самом деле идет убивать Мамонтова...

Телефон зажужжал, сообщая о пришедшем сообщении. Лизе показалось, что в ее живот проникла тяжелая холодная рука и принялась неторопливо перебирать внутренности.

«Нет. Позвонил ему, он не берет трубку».

Лиза сгребла тетради и учебник, подхватила сумку и выбежала из аудитории, игнорируя удивленный оклик преподавателя. Пусть - красный диплом ей все равно не светит, да и какая учеба может быть на уме, еесли в эту самую минуту, возможно, Эльдар умирает, а она даже не знает, где он и как ему помочь.

Сев на скамейку под кленом во дворе института, Лиза убрала-таки вещи, отдышалась и попробовала привести мысли в порядок. К поединку с Мамонтовым Эльдар готовился - это раз. Он не лыком шит, пусть даже и первого посвящения, - это два. Чем она, Лиза, сможет ему помочь? Разве что красиво умрет рядом; по слухам, это было бы вполне в духе властелина мира - вдумчиво и со знанием дела убить ее на глазах у Эльдара.

На асфальт упали первые капли дождя - Лиза не захватила зонт, но перспектива промокнуть до нитки оставила ее совершенно равнодушной. А вот молодой преподаватель философии, который шел с пары, уныло глядя на укутанное тучами небо, обрадовался, когда к нему подошла студентка-второкурсница и предложила зонт - так они и пошли вдвоем на трамвайную остановку. Лиза смотрела им вслед и растерянно думала о том, что не сможет укрыть Эльдара от дождя, но вот протянуть зонтик вполне в ее силах.

В небогатом арсенале заклинаний, выученных у Аннушки, была «Нить Ариадны» - маленький энергетический клубок, который пускался по следу нужного человека и неминуемо приводил туда, куда нужно. Сосредоточившись, Лиза проговорила несколько слов на древнем языке магов и дунула на ладонь. Сперва ничего не происходило, но потом она увидела тонкие нити, нестерпимо сияющие голубым холодным светом и свивающиеся в клубочек. Клубок подпрыгнул над ее ладонью и бодро поскакал по дороге. Закинув на плечо сумку и ежась от падающих капель дождя, Лиза бросилась за ним.

Когда клубок вывел ее к Эльдару, ливень успел закончиться, и солнце засияло так радостно, словно невероятно соскучилось, сидя за тучами. Вбежав за клубком в проулок на окраине, где толпились давно покинутые жителями полуразрушенные бараки, Лиза увидела милицейскую машину и карету скорой помощи. На земле у дома лежало чье-то громадное тело; Лиза всмотрелась - дорогой костюм, ботинки из натуральной кожи, тяжеленная золотая печатка на пальце... Мамонтов?!

Она остановилась, словно наткнулась на невидимую преграду. Значит, у Эльдара получилось? Одного взгляда хватало, чтобы понять: Мамонтов мертв, с такой обугленной дырой в спине быть живым невозможно, пусть ты хоть сотню раз величайший маг всех миров. Но где Эльдар?

- Гражданочка, поворачивайте отсюда, - равнодушно посоветовал молодой милиционер, выглядевший невероятно уставшим, несмотря на раннее утро. Видя, что Лиза и не думает

уходить, он счел нужным добавить: – Идите, идите. Тут человека убили.

Лиза сделала шаг назад и обернулась к скорой. Там двое врачей поддерживали кого-то третьего, этот третий почему-то никак не хотел устраиваться на сиденье и все время порывался встать. Его темный силуэт почему-то внушал жалость и безотчетный страх. Лиза подошла поближе, всмотрелась.

– Эльдар, – негромко позвала она. – Эльдар, это ты?

Силуэт дрогнул, подался вперед – и это действительно оказался Эльдар. Грязный, оборванный, с мазками чего-то рыже-красного на груди и плечах. Когда Лизе стало ясно, что это ожоги, то она окончательно поняла, через какие страхи и боль он прошел только что. Некоторое время он не двигался – просто смотрел на нее. Милиционеры замерли над трупом Мамонтова, врачи застыли в машине; по привычке приморозив течение минут, Эльдар смотрел на Лизу, и от этого тяжелого безжизненного взгляда ей стало настолько жутко, что сердце едва не выпрыгивало. Так могла бы смотреть смерть за мгновение до того, как коса перережет пульсирующую нить жизни.

– Лиза, – негромко промолвила смерть. – Не думал, что ты придешь.

Он действительно меньше всего ожидал увидеть Лизу. Карету скорой и милицию – обычную, человеческую – тоже. Забрав корону владыки мира, Томаш бесследно исчез, и Эльдар крепко сомневался, что чешский маг пригласит его на церемонию коронации. Похоже, Томаш понял, с кем действительно имеет дело. Понял и испугался.

Человеческая милиция попыталась задавать вопросы. У Эльдара хватило сил, чтобы отвести им глаза: теперь они смотрели в его сторону, но не видели. А вот для медиков Эльдар уже ослаб. Те сумели усадить его в машину и быстро сделали какие-то уколы, постоянно задаваясь вопросом, как именно пациент сумел получить такие интересные ожоги – в девятые они по долгу службы видели всякое, но это ведь отпечатки ладоней, да? Чем это вас так прикладывали, гражданин хороший? Эльдар посоветовал им избежать соблазна довести дело до вскрытия. Он вообще хотел встать и пойти домой – отлежаться, полечиться средствами из собственных запасов, может быть, прибегнуть к помощи Гамряна...

А потом пришла Лиза. Которая, по словам Мамонтова, сидела сейчас на семинаре и писала сообщения его брату.

– Ты... – начала она, но осеклась. И что тут можно было сказать? Ты жив? Это и так понятно. Ты убил Мамонтова? Ну вон он, валяется в грязи, старый лжец. Что еще спрашивать, когда во всех словах мира нет смысла.

Эльдар вышел из машины и несколько мгновений стоял неподвижно, запрокинув голову и подставив окровавленное лицо майскому ветру. Заморозить время в конкретной точке – левое дело, гораздо проще, чем отводить глаза, но заклинание иссякало, и надо было что-то решать. Эльдар знал, что вернется домой, запрет все двери и будет приходить в себя, долго и мучительно вырываясь из старой шкуры.

Зверя больше не было. Он понял это только теперь.

– Эльдар, – позвала Лиза откуда-то издалека.

Мамонтов знал в жизни толк, он был невероятно прав: любовь тоже сила, величайшая сила, и только глупец будет ее недооценивать. А Эльдар знал, что в его конкретном случае нет и быть не может никакой любви. Он изувечен долгими годами в лечебнице, искромсан на части постоянным наличием зверя за спиной и изломан силой и властью, которые имел, но не мог использовать.

Жалость? Пожалуй. Но жалость унижает. Обнять и плакать – это не для него.

Эльдар вздохнул и пошел к выходу из проулка. В соседнем дворе был припаркован его автомобиль, и оставалось надеяться, что транспорт не угнали. Это только кажется, что окраины пусты, на самом деле здесь отирается столько народу, что мало не покажется. Лиза молча потянулась за ним, и Эльдар невольно радовался тому, что она сейчас держит язык за зубами. Когда они покинули место поединка, заклинание заморозки лопнуло. Милиционеры и врачи словно бы пробудились от долгого мутного сна и не сразу поняли, где находятся и что вообще происходит. Но Эльдар этого уже не видел. Машина обнаружилась на прежнем месте; открыв дверцу, он устроился на водительском сиденье и спросил:

- Тебя подвезти?

Спустя неделю после смерти Мамонтова, очень суматошную неделю, до края забитую работой, Эльдар понял, что зверь умер, но его тень осталась.

Когда Эльдар получил очередное письмо от московского трибунала и прочел: «Уважаемый господин Поплавский! Трибунал ознакомился с ходатайством Большой европейской группы о вашем втором посвящении. Учитывая все возможные последствия, мы вынуждены ответить отказом» - тень убитого зверя, клокастая, нервно дрожащая, встала за спиной Эльдара и схватила его за плечи бесплотными туманными лапами. Он еще успел удивиться тому, что внезапно стало холодно, а во рту появился привкус крови, а потом упал на колени, практически лишившись сознания от страшной головной боли, раскалывающей череп.

В клубе проводили концерт той самой группы «Сплин», которую Эльдар услышал ранней весной. Музыка ему неожиданно пришлась по душе, а в Турьевске любили Васильева - достаточно дорогие билеты на июльский концерт раскупили за пару дней, и сейчас зрители собирались внизу, у небольшой сцены. Промоутеры несколько минут назад получили от Эльдара окончательные распоряжения по поводу события и ушли; Эльдар оперся о сиденье кресла и попробовал встать, прекрасно понимая, что его никто не найдет в течение ближайших полутора часов, если он не доберется до аптечки, не бросит в рот горький кругляш таблетки и не поможет себе сам.

Аппитум, особая разработка одного из закрытых институтов по спецзаказу московского трибунала, на какой-то миг увеличил головную боль и заставил сердце колотиться в два раза быстрее, но затем все - и боль, и срывающийся пульс - ушло, словно кто-то протянул руку и опустил рубильник. Эльдар, бледный, насквозь мокрый от пота, поднялся с пола и сел в кресло. Чувствовал он себя на удивление хорошо, хотя прекрасно знал, что за этой волной эйфории и облегчения придет скорая расплата. Аппитум не давал организму новых сил, а просто резко мобилизовывал те, что уже были в наличии - завтра утром Эльдару предстояло лежать в кровати полным овощем.

Но это будет завтра.

Взяв письмо, Эльдар несколько раз перечитал скупые строчки, чувствуя за ними неопишное ехидство. Пусть за Оборотня настойчиво замолвил словечко сам Томаш, пусть таланты господина Поплавского ни для кого не секрет, пусть есть достаточно надежная информация о том, что он избавился от своей болезни - все равно не пустим, все равно раздавим, просто ради того, чтобы знал, у кого власть.

Есть такие люди, которых просто не любят. Без всяких причин.

Эльдар скривился и, вынув из кармана пиджака зажигалку, поджег письмо и бросил его в пепельницу.

Снизу донеслись аплодисменты и восторженные возгласы.

- На барабанах играет Сергей Наветный, на бас-гитаре Саша Морозов, на гитаре человек по фамилии Березовский, на флейте - Яник Николенко, моя фамилия Васильев.

Эльдар смотрел, как письмо трибунала превращается в пепел и думал, что надо бы встать и выйти на балкон - прямо над сценой - остаться незамеченным и послушать музыку.

Клуб был полон. Эльдару казалось, что он смотрит на дно моря, а зрители и музыканты - не люди, а странные существа из далекого, непостижимого мира, неясные создания со своими мыслями, ценностями и планами, которые он никогда не сумеет принять и понять. Но была музыка, и Эльдару оставалось только смотреть и слушать.

Зал пел вместе с Васильевым, и негромкий шепот флейты руководил ими - так Крысолов подносит к губам дудочку и уводит из города тех, кто ему нужен. Бас-гитара и барабаны задавали ритм - тот самый, в котором дрожало, почти выпрыгивая, сердце Эльдара. Наверное, хорошие песни тем и хороши, подумал он, что в них поется о тебе самом. Ты слушаешь и удивляешься тому, что создатель как-то умудрился заглянуть в твою душу и рассказать о тебе так, что ты не испугался, а обрадовался.

Припев зрители пели хором. Эльдар видел с балкона, как Лиза и Эрик в первом ряду фанзоны тоже поют. Почему-то он заметил их только теперь, словно его брата и девушку внезапно осветил луч осеннего солнца, широкий и яркий.

Мамонтов оказался прав. Он не солгал ни словом.

Эльдар усмехнулся. Все развивалось так, как и должно было. Случись что-то, выходящее за рамки его плана, он бы искренне изумился. Слушать музыку больше не хотелось. Эльдар покинул балкон и вышел в пустой сейчас коридор.

Он вдруг подумал, что ему плохо, и нет смысла это отрицать. Эльдар смотрел на Лизу и брата с балкона и видел рядом с ней себя – нормального себя, а не изувеченного зверем, больницей и магией. Он видел себя, достойного взаимной любви, а не той тупой душевной боли, которая сопровождала каждый порыв его чувства.

Неудивительно, что Лиза выбрала Эрика – здорового человека, а не оборотня. Неудивительно.

В конце коридора, возле лестницы, курила Кристина, эффектная крашенная брюнетка, стажерка, умудрившаяся за полторы недели перессориться чуть ли не со всем коллективом клуба. Эльдара она держала за психопата и садиста, откровенно презирала и не считала нужным это скрывать; вот и теперь наткнулась на него взглядом и скривилась. Впрочем, довольно быстро во взгляде стажерки мелькнуло любопытство: видимо, Эльдар выглядел так, словно собирался откинуть копыта прямо в коридоре, и Кристина рассуждала о том, как это может выглядеть.

Эльдар подарил ей свою самую очаровательную улыбку и осведомился:

– Кристиночка, милая, а у тебя загранпаспорт есть?

Ее мысль – ведь псих ненормальный, а какие деньжищи! – прочитали бы и те, кто не одарен магическими способностями. Презрение во взгляде моментально растаяло. Теперь там плескалось растопленное сливочное масло.

– Конечно, Эльдар Сергеевич, – улыбнулась Кристина.

– Тогда собирайся, – промолвил Эльдар, разглядывая девушку так, как придирчивый покупатель смотрит на товар на рынке. – Через два дня летим в Берлин на биеннале. Любишь современное искусство?

Кристина подошла и, якобы смущаясь, взяла Эльдара за руку. Кокетство было настолько пошлым и наигранным, что Эльдар ощутил тошноту. Надо же, и ведь кто-то ведется на таких...

– Я, Эльдар Сергеевич, все люблю, – призналась она. – Особенно, когда приглашает такой человек, как вы.

«Дура, – подумал Эльдар. – Просто в моей личной ситуации четверка и квадрат – именно то, что надо».

Хуже всего было то, что на ее поцелуй пришлось ответить. Эльдар закрыл глаза и попробовал представить Лизу на месте Кристины.

У него почти получилось.

Кристина его почти не раздражала: пара заклинаний – и она притихла, умолкла и вообще старалась не привлекать к себе внимания, что было достаточно трудно при ее внешности и манере одеваться. Когда Эльдар со спутницей появился в аэропорту, то Эрик, приехавший за полчаса до брата, вопросительно изогнул бровь. Чего-чего, а дамочку в леопардовом мини-платье, на невообразимых шпильках и с пятью чемоданами багажа он увидеть не ожидал.

– Не думал, что у тебя такие проблемы со вкусом, – задумчиво произнес Эрик.

Эльдар скользнул взглядом по ожидающим, увидел Лизу, которая сидела у окна с журналом и старательно избегала смотреть в сторону наставника, и ответил:

– Это моя единственная проблема. Кристина, иди вон к той, рыженькой, посиди.

Девушка послушно отправилась туда, куда указано. Эльдар подумал, что так выглядят настоящие зомби, которых он никогда не видел: пустой взгляд, полная покорность и никакого выражения на лице. Впрочем, насколько он знал, девушка и до этого не отличалась живостью мысли. Эрик пожал плечами: дескать, ладно, каждому свое.

– Все нормально? – спросил он.

Эльдар сунул руку во внутренний карман пиджака и вынул стеклянную флягу, изрисованную забавными дракончиками. Фляге было около трехсот лет, и она, как и ее содержимое, должны были сейчас сыграть очень важную роль.

- Давай, что ли, выпьем? За удачный полет? - предложил Эльдар и, не дожидаясь утвердительного ответа, открутил крышку и сделал глоток. Содержимое фляги сорвалось в желудок и взорвалось там огненным шаром; Эрик взял протянутую флягу и поднес к губам.

Теперь Лиза смотрела прямо на них, и Эльдар был уверен: она думает, что Оборотень решил отравить брата за шашни с его ученицей, но почему-то ничего не делала, чтобы ему помешать. Пассажиры рейса Москва-Берлин зашевелились - объявили посадку. Эльдар почти физически ощутил, что переступает некую очень важную черту и искренне понадеялся, что у него хватит сил пройти весь путь и не свалиться тогда, когда, фигурально выражаясь, по экрану пойдут титры.

- С богом, - сказал он и удивился тому, насколько устало и хрипло прозвучал его голос.

Потом, когда Эльдар пытался вспомнить свой полет в Берлин, у него ничего не получалось. Память подсовывала какие-то бессмысленные картинки, вряд ли имевшие отношение к самолету. Эльдар какое-то время пытался справиться с этим пестрым провалом в ленте событий, но потом махнул рукой на это бесполезное занятие. Сели в самолет, прилетели, высадились. После Эрик отвел глаза сотрудникам аэропорта, и вся четверка оказалась на летном поле - на траве рядом с высунутым серым языком взлетной полосы. Дальше Эльдар все помнил в деталях и прекрасно знал: забыть то, что с ними случилось, у него не получится. Никогда.

Трава пахла свежо и остро. Некоторое время Эльдар стоял неподвижно, глядя в небо - легкомысленно синее, ни единого облачка. Сейчас он невообразимо отчетливо ощущал те нити, которыми пронизан мир - нити, тянущиеся из прошлого в будущее. Кусочек паутины, натянутой над Берлином, наливался зловещим красно-черным цветом. Самолет из Екатеринбургa летел навстречу собственной смерти.

Эльдар закрыл глаза и увидел перед внутренним взором газетную страницу. Буквы стояли ровно, словно солдаты в строю:

...самолет Ту-154М авиакомпании «Ural Airlines», выполнявший рейс из Екатеринбургa в Берлин, столкнулся в воздухе с Boeing 757. Катастрофа унесла жизни всех, кто находился на борту обоих самолетов (152 человека, в том числе 98 детей). Диспетчер слишком поздно заметил, что два воздушных судна, находившихся на одном эшелоне 36 000 футов, опасно сближаются. Менее чем за минуту до момента, когда их курсы должны были пересечься, он попытался исправить ситуацию и передал экипажу российского самолета команду снижаться...

Читать дальше Эльдар не стал. Нити событий невероятно отчетливо показывали то, что произойдет через полчаса: ошибка диспетчера - и самолеты сталкиваются почти под прямым углом, стабилизатор «Боинга» бьет по фюзеляжу «тушки» и разламывает ее пополам. Синие искры душ устремляются в небо.

Все кончено, капли возвращались в океан.

- Лиза, подойди ко мне, - негромко позвал Эльдар.

Лиза, которая до этого что-то спрашивала у непривычно молчаливой Кристины, приблизилась и осведомилась:

- Мы сможем все исправить?

- Затем и ехали, - усмехнулся Эльдар. - Представь себе, что у тебя в руках штурвал. А событие, которое ты хочешь изменить - огромный лайнер. Тебе остается только взять и сделать это. Помнишь то, что я рассказывал тебе о перебросе массива энергии?

Лиза кивнула. Сейчас в ней невероятно отчетливо проступила прежняя студентка-ботанша, сосредоточенная и целеустремленная, смысл жизни которой заключен в учебе и учебниках.

Когда она в последний раз бралась за учебники?

- Работаем в паре. Ты и я. Я кручу штурвал, ты перебрасываешь отработанное через Эрика и Кристину. Когда пойдет отдача - а она пойдет - не становись на пути и не пробуй что-то сделать.

- Куда пойдет отдача?

Эльдар ухмыльнулся и указал на Кристину. Мельком подумал, что пять чемоданов ее брендового барахла так и останутся не востребованными.

- Думаешь, зачем я ее сюда привез?

Лиза посмотрела на него очень выразительно. Казалось бы, пора привыкнуть к тому, что ее наставник на редкость беспринципная сволочь, а вот поди же ты... Красно-черные нити над их головами завибрировали: будущее стало случаться. Эльдар обернулся и рявкнул:

- Работаем!

Потом он стиснул запястье Лизы так сильно, что едва не сломал.

- Эрик, держи девчонку. Пойдет отдача - не перенаправляй, сгорим тут все.

Брат послушно взял Кристину за руку. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на понимание того, что затеял Эльдар на самом деле. «Гамбит, - мельком подумал Эльдар. - Отдаем фигуру - получаем игру. Обычный гамбит».

Он никогда не играл в шахматы. Даже в руки не брал.

Когда в небе появились оба самолета, Эльдар был готов.

- Прости, - промолвил он едва слышно и рванул гудящую красную сеть над городом.

Спустя сорок минут, когда все закончилось, последние пассажиры покинули самолеты, и два автобуса двинулись к зданию аэропорта, Лиза сидела в траве и смотрела, как возле лайнеров возятся маленькие человеческие фигурки - технический персонал, должно быть - и в голове было пусто и звонко. Внезапно нахлынувшая волна тоски накрыла ее с головой и смыла все мысли и надежды, не оставив ничего, кроме усталости.

У них получилось, хотя она не могла вспомнить, как. Самолеты приземлились без проблем. Триста пятьдесят два человека, из них девяносто восемь детей никогда не увидят бескрайний летний луг в стране мертвых. Во всяком случае, не сейчас. И не настолько страшно. Лиза видела, как золотистая паутина сети, которой Эльдар опутал российский самолет, дотлевет в траве. Огненные искорки угасали в волосах мертвой Кристины, беспомощно раскинувшей руки. Кончики пальцев девушки потемнели.

«Представь себе, что у тебя в руках штурвал. А событие, которое ты хочешь изменить - огромный лайнер. И тебе остается только взять и сделать это».

Кто это сказал?

В ушах звенело. Эльдар, сидевший в стороне, слепо похлопал по карманам ветровки и выудил пачку сигарет. Пальцы не слушались его, и первую сигарету он сломал. По щекам мужчины катились слезы, и Лиза смотрела и никак не могла поверить в то, что он плачет. Что такой человек, как он, в принципе способен плакать.

Звон в ушах нарастал. Лиза встала - покачнулась, но устояла на ногах - и сделала шаг к Эльдару. Теперь она видела картину полностью, и на какое-то время у нее словно сместился фокус понимания: Лиза не могла поверить, что сейчас и здесь - это именно сейчас и здесь, а не тогда в ее сне, когда она увидела Эльдара мертвым.

Черт возьми, но кто из них?.. Лиза пошла к лежащему в траве человеку - словно пробивалась через тяжелые пласты темной воды, и каждый шаг, который она делала, отрезал ее от прошлого. Того прошлого, в котором все было хорошо. Пусть недолго, пусть самую малость, но было.

Потому что теперь она знала ответ.

Отдача от ритуала прошла сперва через Кристину, а потом через Эрика. Эльдар специально поставил их вместе. Он все давно обмозговал и все предусмотрел.

Ноги подкашивались. Мертвый Эрик лежал на земле, разноцветные глаза смотрели ввысь - туда, где на посадку заходил очередной лайнер, а кожа на переносице почернела: отдача уничтожила главный энергетический узел, у Эрика не было никаких шансов.

Интересно, знал ли он, что брат принесет его в жертву, когда ритуал начался? Или до последнего думал, что все закончится хорошо? Лиза опустилась на траву рядом – силы окончательно покинули ее. Даже думать было тяжело и больно.

– Поплачь, – глухо произнес Эльдар откуда-то издалека. – Поплачь. Станет легче.

Лиза почувствовала, как от накатившей ненависти сводит челюсти. Гамбит, как в шахматах. Лиза не играла в них, но общее представление имела. Отдали фигуру – получили результат. И она, Эрик, Кристина были всего лишь немymi и послушными фигурками на доске. Гроссмейстер все продумал, он все знал заранее, а у нее сейчас нет сил даже для банальной пощечины. Должно быть, Эльдар предусмотрел и это тоже.

Она действительно заплакала. Что еще оставалось делать?

Если раньше московский трибунал ограничивался отписками на все заявления Эльдара, то теперь его вызвали в столицу для личной беседы, и он прекрасно знал, каким должно быть ее окончание. Беседовать господа главные маги предпочитали на крыше общежития университета дружбы народов. Вид на столицу оттуда был просто изумительный, а энергетический разлом, проходивший аккуратно под зданием, давал собравшимся возможность качественной подпитки по мере надобности.

Встречу назначили вечером. Поднимаясь на крышу в лифте, Эльдар рассматривал местный пестрый народец, еще не разъехавшийся по домам после сессии, ни о чем не думал. Индианка с раскрашенными мехенди руками, ехавшая со второго этажа на восьмой, смотрела на Эльдара более чем заинтересованно. Он бросил на нее беглый взгляд: ага, из семьи колдунов. И сама ворожит по мелочи. Впрочем, бог с ней, тут впереди уйма интересного...

Девушка хотела обратиться к нему, но промолчала. Вышла на своем восьмом.

Вечерняя туманная столица была чудо как хороша. Эльдар подумал, что потом обязательно останется на крыше, полюбуется видами – конечно, если у него будет это самое «потом». С трибунала станется сбросить его с крыши, он ведь изрядно раздражает их одним своим наличием в мире. Азиль и Максим, славная парочка, накинут на него заклинание, которое называется Терновый венец – и он шагнет вниз. Как говорится, и добровольно, и с песней.

Максима среди собравшихся не было, и Эльдар невольно вздохнул с облегчением. Может, падение и отложат.

– Добрый вечер, господа, – промолвил Эльдар. Азиль швырнул под ноги окурок и проехался по нему носком туфли. Когда-то давным-давно Азилю звали Павлом Петровичем – Эльдар не знал, откуда в голове возникла эта информация. Должно быть, именно этим движением маг добывал врагов...

– Добрый вечер, Эльдар, – откликнулась Маша. Единственная женщина в трибунале, по слухам, личная гадательница последнего государя императора, отчеством так и не обзавелась. Несмотря на почтенный возраст, так и была Машей. – Мы получили твой запрос относительно второго посвящения. В очередной раз...

Эльдар натянуто улыбнулся.

– Я должен давно понять, что мне тут нечего ловить, – сказал он. – Но все лезу и лезу. Я очень настырный, Маша. Очень.

– Я не говорила ничего подобного, – промолвила Маша. Сегодня все решала она: остальные, даже великий Азиль, были простой декорацией. – У трибунала не было уверенности в том, что второе посвящение в твоём случае будет целесообразным. Наши европейские коллеги придерживаются иного мнения, но у них свой подход, в Европе кого только не посвящают...

– Трибунал сомневается в моих способностях? – перебил ее Эльдар. – После Мамонтова и самолета?

Маша вскинула руку, словно пыталась заставить его замолчать. Выражение ее лица было очень красноречивым, и Эльдар счел нужным закрыть рот. Хотя бы на время.

– Суть посвящения не в том, чтобы красоваться своими способностями, – сухо сказала Маша. Маленькая, седая и невероятно энергичная, она, как было известно Эльдару, много лет преподавала алгебру в школе, просто в качестве хобби. Манера поучать, должно быть, останется с ней навечно. – Ведьмаки и ведьмы могут жить для себя. А маги – нет. Маги принадлежат не себе, но миру, и живут для мира.

- Ради этого и погиб мой брат, - с искренней горечью промолвил Эльдар, глядя ей в глаза. - Я уже слишком много потерял - как раз для мира. Если триста пятьдесят два спасенных человека не имеют для трибунала никакой ценности, то все, что вы делаете, лишено смысла. И все, что вы говорите - ложь.

Азиль скривил губы в усмешке. Пальцы искалеченной руки шевельнулись, словно готовились бросить в Эльдара сеть заклинания. А подарок от Азиля был бы заковыристым и очень неприятным.

- Помолчи, а? - ворчливо произнес он. - Как из леса прибежал, честное слово...

- С опушки, - сказал Эльдар и отдал ему поклон.

Как обычно в сложных ситуациях, его пробило на какое-то нервное шутовство. Некстати вспомнилась Кристина - черноволосый призрак встал на краю крыши и укоризненно посмотрел на Эльдара. «Я ведь ее просто использовал, - печально подумал он. - Принес в жертву. Глупая склочная девка, которую никто никогда не будет искать».

- Да, мы думали, что допускать тебя до посвящения, по меньшей мере, неразумно, - с нажимом сказала Маша. - Но история с лайнером лично меня переубедила. Эльдар, я разрешаю тебе пройти второе посвящение. Если ты готов, то сделай два шага к Азилю и сними все металлические предметы.

Эльдар думал, что обрадуется. Но, к его удивлению, в душе ничего не шевельнулось.

Призрак Кристины медленно таял в вечернем воздухе.

Спустя полтора часа компания очень солидных людей вышла из здания общежития, и двое мужчин, отделившись от нее, небрежно усадили третьего на скамейку.

- Что-то он плох, - заметила пожилая дама, которую аккуратно поддерживал под руку такой же немолодой джентльмен. - Не думала, что так получится.

Джентльмен тонко улыбнулся и с удивительным равнодушием произнес:

- Он сам этого хотел.

Несколько машин представительского класса остановились перед компанией, и, прежде чем сесть в кондиционированный салон темного внедорожника, пожилая дама посмотрела на человека, обмякшего на скамейке, и промолвила:

- Да! Жаль. Очень жаль.

- Он сам этого хотел, - повторил ее спутник, и вскоре машины уехали.

Эльдар чувствовал себя сдувшимся воздушным шариком. Был воздух - и нету, пропал. Были силы, раздувавшие его все это время - и исчезли. Наверняка жирную точку в этом вечере поставит милицейский патруль, который примет Эльдара за пьяного, увезет в обезьянник и бросит там, предварительно обчистив карманы.

Азиль был прав. Он сам этого хотел.

Кто-то осторожно прикоснулся к его руке. С трудом приоткрыв глаза, Эльдар увидел давешнюю индианку. Присев на корточки рядом со скамейкой, девушка с встревоженным интересом заглядывала Эльдару в лицо.

- Ты из наших? - практически без акцента спросила она.

Эльдар попытался улыбнуться и обнаружил, что лицо окаменело - ощущение превращения в статую над собственной могилой было полным.

- В кармане... - едва слышно проговорил он. Одеревеневший язык едва ворочался, но Эльдар все же смог повторить: - В кармане... Лекарства...

Девушка хлопнула его по карманам пиджака, обнаружила пластинку таблеток и, выковырнув из фольги толстый белый кругляш, засунула его в рот Эльдара. Ребята, проходившие мимо, окликнули ее:

- Эй, Анджали! Что за алкаш?

Девушка только отмахнулась, выразительно прибавив что-то на родном языке. Зажмурившись от невероятной режущей горечи, Эльдар проглотил таблетку, и через несколько минут ему стало легче – во всяком случае, мир прекратил кружиться, словно ярмарочная карусель, а ощущение, что все тело перетянули цепями, потихоньку стало отступать. Откинувшись на спинку скамейки, Эльдар вздохнул и произнес:

– Спасибо.

Слово вырвалось на свободу, расцарапав глотку, и Эльдар закашлялся, давясь кровью. Если бы индианка не придержала его, то он наверняка свалился бы со скамьи. Девушка пахла какими-то теплыми сладкими благовониями, и на какое-то мгновение измученный Эльдар начал проваливаться в сон. Анджали похлопала его по щекам и, когда Эльдар смог открыть глаза и посмотреть на нее более-менее осмысленно, произнесла, тщательно подбирая слова на чужом языке:

– Ты сможешь встать? Немножко пройти? Я отведу тебя в комнату.

– Попробую, – промолвил Эльдар и упал во тьму.

Он окончательно пришел в себя через полчаса и обнаружил, что лежит на койке в самой обычной комнате в общежитии, заботливо прикрытый тонким цветастым одеялом. Индианка, которая настолько активно озадачилась его судьбой, заваривала чай, бросая в пузатый чайничек какие-то остро пахнущие цветы и корешки – видимо, именно их запах и привел Эльдара в сознание. Девушка обернулась и, увидев, что Эльдар смотрит на нее, улыбнулась и спросила:

– Как ты? Лучше?

– Да, – ответил Эльдар и подумал, что надо бы сесть, но тело по-прежнему не желало слушаться, откликаясь лениво и нехотя. – Да, лучше. Как тебя зовут?

– Анджали Сингх Джа, – улыбнулась девушка и принялась старательно размешивать свое зелье, делая это то по часовой стрелке, то против. – Ты из наших, да? Я сразу поняла, как увидела тебя в лифте. Как тебя зовут?

– Эльдар Поплавский, – представился Эльдар, сумев-таки занять сидячее положение. – Спасибо тебе, Анджали.

– Меня благодарить не за что, – сказала Анджали. Нацедив зелья в изящную расписную чашку, она села рядом с Эльдаром и проговорила: – Вот, тебе надо выпить это. Будет легче. Почему тебя бросили на лавке?

Эльдар пожал плечами. Если все компоненты зелья пахли по отдельности вполне приемлемо, то сам отвар распространял такую сногшибательную вонь, что Эльдар испугался, как бы его не вырвало. Видимо, поняв его опасения, Анджали зажала его ноздри цепкими пальцами, разрисованными мехенди, и сказала:

– Не дыша. Давай-ка не дыши. Пей.

Эльдар подчинился. После выпитого его сразу же пробрало таким жаром, что он моментально покрылся потом. Анджали оценила его состояние и довольно кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – В Индии таким отваром лечат колдунов. Теперь все будет хорошо.

– Мне повезло, – промолвил Эльдар, – что я встретил тебя в лифте. Спасибо, Анджали.

Девушка радостно улыбнулась. Было видно, что похвала русского мага ей особенно приятна. Снова наполнив чашку отваром, она отставила опустевший чайник и сказала:

– Я сразу поняла: будет что-то важное. Но я не думала, что твои друзья бросят тебя вот так.

– Они мне не друзья, – вздохнул Эльдар, скользнув взглядом по комнате. Обстановка здесь была скудной, практически убогой – самым ярким пятном оказалась афиша со смуглым темноглазым красавцем, наверняка каким-нибудь индийским актером или певцом. Стеллаж в углу был доверху забит учебниками и тетрадями. Судя по степени их истрепанности, Анджали была примерной студенткой.

– А где твоя соседка? – спросил Эльдар, кивнув в сторону аккуратно заправленной кровати.

- Она сдала сессию досрочно и уехала, - сообщила Анджели. - Брат женится. Так что можешь отдыхать спокойно. Вахтер тебя не видела, а соседи никому не расскажут.

Эльдар благодарно сжал ее руку. Он не собирался злоупотреблять гостеприимством, но прекрасно понимал, что в таком состоянии не сможет добраться до гостиницы, где забронировал номер. Что ж, не имеет значения, где приходить в себя - а тут у него есть добровольная сестра милосердия.

- Спасибо, - повторил он и спросил: - Ты уже проходила посвящения?

Сейчас, глядя на девушку, Эльдар был не в силах определить ее уровень. Золотистый кокон ауры дразнил его, рассыпаясь мелкими искрами.

- Только первое, - с искренним сожалением ответила Анджели. - Второе не разрешили.

Эльдар понимающе кивнул. Бывает же так, что встречаешь одного поля ягоду.

- Я пророчица, - сказала девушка. - Вижу будущее. Если хочешь, могу рассказать, что у тебя впереди.

Оставалось только руками развести. Эльдар подумал, что на него одного получается слишком много пророчиц. Одна Лиза чего стоит.

Лиза... С той поездки в Берлин они больше не встречались. Эльдар несколько раз звонил ей, но она снова и снова сбрасывала звонок, не позволяя ему объясниться. Лиза сделала свои выводы и не желала ничего слушать. Сегодня утром, выезжая в Москву, Эльдар написал ей несколько сообщений - второе посвящение вполне могло закончиться для него столом в морге, и он желал хотя бы попрощаться по-человечески. Лиза не ответила.

- Расскажи, - произнес он.

Анджели несколько долгих минут сидела, пристально вглядываясь в полумрак за спиной Эльдара, а потом заговорила. Прорвавшийся акцент был прямым свидетелем ее волнения.

- Ты расстался с ней надолго, - сказала, наконец, Анджели, и Эльдар понял, что речь идет о Лизе. - Пять лет, не меньше. Потом вы встретитесь и помиритесь, но разойдется снова, - девушка сделала паузу и с искренней горечью продолжила: - И ты умрешь, защищая ее.

Эльдар печально улыбнулся: ничего другого он и не ожидал.

«Главное, - подумал он, - все-таки сумею защитить».

Я тебя ненавижу, Эльдар. Ненавижу. Не подходи ко мне, убью. Я не шахматная фигурка на твоей доске.

Осенняя Прага понравилась Эльдару куда больше весенней. Золото листвы настолько гармонично сочеталось со смуглыми стенами домов, что Эльдару хотелось просто смотреть - впиваться в себя осень, умиротворение и тишину. Он неторопливо шел по Карлову мосту, и туристы каким-то чутьем понимали, что лучше уступить дорогу этому сидящему, богато одетому человеку с тростью.

На память о вечере на крыше общежития у Эльдара осталась легкая хромота, но он знал, что это пройдет, и был уверен, что легко отделался.

В качестве гостинца для Томаша Эльдар привез знаменитые турьевские пряники. Встретиться лично им так и не удалось. Секретарша рассыпалась в извинениях, но до босса не допустила: пан Томаш сожалеет, но очень, очень занят. Да, спасибо, я передам пакет. А это вам от него.

Запечатанный конверт Эльдар убрал во внутренний карман пиджака и ушел. Визит вежливости удался.

Ты был прав. Не знаю, насколько мы все уроды... но ты точно урод. Ты убил Эрика - просто ради того, чтобы потешить самолюбие. Приспичило. Конечно, после трагической смерти брата тебе никто не отказал бы в посвящении. Людей спасал, единственным родным человеком пожертвовал. Кем надо быть, чтобы снова дать тебе от ворот поворот...

В последнее время с Эльдаром все общались по переписке. Лиза съехала из общаги, и ее соседка передала ему небрежно сложенный листок, выданный из девичьего блокнота. На полях были сиреневые цветы и сердечки.

Ненавижу. Убирайся из моей жизни. И не появляйся.

Ненавижу.

Ненавижу.

Все было так, как и предсказывала Анджали. Оставалось верить, что Эльдар и Лиза все-таки помирятся – хотя бы, через пять лет. Эльдар приблизительно представлял, как проведет это время.

Трамвайчики в Праге и Турьевске были абсолютно одинаковыми. Добравшись до нужной остановки, Эльдар покинул вагон и нырнул в сеть улиц и переулков, надеясь, что забегаловка, в которой ему назначена встреча, найдется быстро. Прибегать к подсказкам местных он почему-то не хотел.

Пивная «У трех кошек» претендовала на определенный стиль и уровень и была нарочито чешской, как и любое другое место, созданное для туристов, а не для своих. Эльдар устроился в уголке, возле окна и сделал заказ. Когда улыбчивая девушка поставила перед ним две стопки сливовицы и блюдо с гренками, то он откинулся на спинку стула и закрыл глаза.

На открытке Томаша, прямо по изображению осенних Градчан, было написано только одно слово – Děkujі. Эльдар не ожидал ничего другого.

На двери звякнул колокольчик, и в заведение вошел новый посетитель. Эльдар смотрел на него и думал о том, что история наконец-то закончилась. И это он, если уж быть честным до конца, должен благодарить Томаша.

«Значит, голова Мамонтова вместе с короной? Слушай, но попробовать повлиять на московский трибунал я могу и просто так, в радость старого знакомства».

«Мне нужна еще одна вещь, Томаш. Я знаю, что есть средства показать человека мертвым, оставив живым. Ободрать с него ауру так, чтобы никто не заподозрил, что он на самом деле жив. Помогите с этим, остальное я сделаю сам».

«Рисковый ты товарищ... Ладно, по рукам».

Новый посетитель прошел через пивную и сел за стол напротив Эльдара. Он улыбнулся и придвинул брату сливовицу.

Глава 4

Лиза никогда не любила шумные тусовки и большие компании, где надо улыбаться напоказ, громко разговаривать и весело смеяться, но накануне Нового года в одном из торговых центров на нее налетела бывшая однокурсница Вера и так обрадовалась встрече с соседкой по общежитию, что пригласила ее отметить праздник в хорошей компании за городом. Лиза и сама удивилась тому, что ответила согласием.

Вера смогла-таки устроиться в жизни всем на зависть: вышла замуж за единственного сына одного из самых влиятельных людей в области, открыла частную картинную галерею, мелькала в местной светской хронике и ездила на шопинг в Париж и Милан. Ее загородный дом, в котором устраивался праздник, тоже впечатлял и стилем архитектуры, и роскошной внутренней отделкой; Лиза не могла понять лишь одного: зачем строить элитный коттеджный поселок в чаще леса, почти на краю болота.

На этот вопрос Вера только отмахнулась.

– Славке приспичило, – ответила она. – Говорит, что здесь место силы, ну ты понимаешь... Дурак, правда?

Славка стоял на крыльце в компании нескольких молодых людей, которых Лиза несколько раз видела в клубах и хохотал так, что с деревьев срывался снег. Он был из тех пресытившихся, перепробовавших в этой жизни все и от скуки ударившихся в магию, обязательно черную. Разумеется, никаких способностей к колдовству у него и близко не было.

Впрочем, что ей, Лизе, до него? Она приехала отдохнуть и повеселиться, полюбоваться зимней природой – Лиза не любила зиму, но признавала, что в ней есть своеобразное холодное очарование, – и, может быть, завязать новые полезные знакомства. В последнее время дела ее шли несколько хуже, чем хотелось бы. Она окончательно убедилась в том, что с любовной магией ей лучше не связываться, а прочие сферы магического воздействия уже были разделены между остальными магами Турьевска, и никто не собирался уступать ей своего куска.

В это время в доме кто-то включил музыку, и Лиза невольно поежилась. «Sweet dreams are made of this. Who am I to disagree...» – она терпеть не могла эту в общем-то невинную песенку, потому что точно знала: стоит ей зазвучать, и обязательно случится какая-нибудь гадость.

В последний раз Лиза слышала эту песню пять лет назад. В тот же день погиб человек, которого она любила.

На первом этаже, в просторном зале возле стола с фуршетом и спиртным уже толпился народ. Вера явно преувеличила масштаб мероприятия, называя его маленькой встречей в теплом дружеском кругу. Девушке взяла бокал шампанского и таралетку с икрой и устроилась в кресле возле окна: отсюда был виден весь зал, а в окно – люксовые внедорожники у крыльца, деревья, утопавшие заснеженными шапками в черном небе и мелкие снежинки, порхавшие в свете фонарей. Пожалуй, этот момент нравился девушке больше остальных этапов праздника: со всеми поздоровалась и пока сидишь одна, не вызывая особенного интереса. Интерес придет потом, когда повысится уровень алкоголя в крови.

Впрочем, она недолго оставалась в одиночестве: Славка вытащил ее из кресла и повел на улицу курить. Причины его интереса были видны невооруженным глазом. Накинув куртку, Лиза стояла на крыльце, курила тонкую шоколадную сигариллу и слушала в пол-уха.

– Ты ведь ведьма, да?

Лиза тонко улыbnулась.

– Да, Слав, есть такое дело.

– Как тебе местечко? – Славка провел рукой по воздуху, словно хотел обнять дом и лес. Откуда-то сзади, со стороны соседних коттеджей, бабахнули петарды: люди там уже начали праздновать. – Сильное место, я сам выбирал. Говорят, тут кикимор видят.

Лиза, точно знавшая, что кикимор не существует, уважительно кивнула.

– Да, они тут вполне могут быть. Болото рядом. Они живут на болотах.

Славка просиял.

- Потому и выбрал. Это ведь... О, смотри, какие люди!

Во двор въехал внедорожник. Лиза всмотрелась и ощутила, как ее охватывает холодом, пробирает до костей, несмотря на то, что вечер был довольно теплым для середины зимы. Бросив окурок в прикрученную к перилам баночку, она собралась скрыться в доме, но Славка придержал ее за руку.

- Да подожди! Отличный парень, давай познакомлю.

Отличный парень припарковался, вышел из машины и направился к крыльцу. Лиза смотрела на него, и картинка рассыпалась мозаикой, упрямо не желая складываться в единое целое: распахнутая куртка, тонкий темный свитер, дорогие часы на правом запястье и - встрепанные светлые волосы, тронутые ранней сединой, энергично блестящие глаза, широкая обаятельная улыбка...

Картинку сбило.

- Привет, Слав, - Эльдар поднялся на крыльцо, обнял хозяина дома, как старого друга. - Вы молодцы, дорогу расчистили, а то ведь застрянешь до апреля.

Славка был искренне счастлив. Еще бы, с ним такой человек водит дружбу. Один из самых сильных магов региона, не хухры-мухры. Лиза, отступившая в тень, с неудовольствием подумала, что вечер испорчен окончательно. Эльдар скользнул по ней равнодушным взглядом - так смотрят на привычную мебель или давно знакомых неинтересных людей - и отвернулся.

- Да на твоём танке хоть куда, - Славка вытянул упирающуюся Лизу на свет и представил: - Это Лиза Голицынская, прошу любить и жаловать. Большая подруга нашей семьи.

Лиза подумала, что хочет закопать Эльдара в ближайшем сугробе. Они не виделись пять лет, и она была уверена, что ее ненависть давным-давно покрылась пеплом, но вот ведь...

- Под пеплом еще есть огонь? - задумчиво откликнулся Эльдар. Привычка читать ее мысли никуда не делась. - А мы уже знакомы, Слав. Что, пойдём в дом?

Когда они ушли, Лиза облокотилась на перила и подумала, что сейчас выкурит еще одну сигариллу и сбежит отсюда. Пойдет по сугробам в город, прокладывая дорогу заклинанием белого огня, которое растопит снег. На глазах выступили слезы. У судьбы скверное чувство юмора: целых пять лет Лиза старательно избегала Эльдара, чтобы в итоге столкнуться с ним нос к носу.

На крыльцо вышла Вера. Хозяйка дома выглядела искренне огорченной и сконфуженной.

- Лиз, прости. Я не знала, что он приедет. Ну, то есть я знала, что Славка с ним приятельствует, но не знала, что пригласил.

Лиза понимающе улыбнулась.

- Да ладно, Вер, что ж теперь делать. Надеюсь, не поубиваем друг друга.

Некоторое время они молча стояли на крыльце. Потом Лиза сказала:

- Он ведь мне всю жизнь переломал, Вер.

Вера понимающе кивнула. Она была одним из немногих людей, знавших всю историю в деталях, и прекрасно помнила, как однажды Лиза вернулась в общежитие, легла на кровать и проревела весь вечер, сумев выговорить лишь одну фразу...

- Ну, ничего, - мягко сказала Вера в конце концов. - Пойдем в дом, что ли?

Эльдар не подходил к Лизе и не смотрел в ее сторону. Вокруг него уже вились какие-то приглауренные барышни, кокетничая так, что искры летели. Лиза села в кресло, которое облюбовала в начале вечера, и подумала, что у Эльдара прекрасно получается выглядеть спокойным, непринужденным и уверенным в себе. Словно ничего не случилось и ничего не болит. Словно он не убивал своего брата ради того, чтобы подняться в ранге. Или это она такая дура, что до сих пор не смогла обуздать ни своего горя, ни своей ненависти?

Оставалось только выпить, чтобы не задавать вопросов, на которые нет ответов. Благо спиртное здесь рекой лилось.

Когда гости собрались за столом, на огромном экране плазменного телевизора появился президент, а шампанское в бокалах зашипело с утроенной силой, то Лиза уже выпила достаточно, чтобы смотреть в сторону Эльдара практически без неприязни. Что было, то прошло. Эрика она не вернет.

Когда через два часа общая компания стала распадаться на небольшие группки, Лиза поняла, что обязана поговорить с Эльдаром. Просто-напросто обязана, чтобы закрыть дверь в прошлое и жить дальше. Если по итогам разговора кто-то из них останется лежать в здешнем болоте – что ж, тем лучше.

Эльдар обнаружился на крыльце в компании со Славкой. Некоторое время Лиза слушала, как он рассказывает хозяину дома, как правильно ставить вешки, чтобы приманить болотных духов и поставить их себе на службу, и с определенным злорадством думала о том, что Вера сейчас очень даже весело проводит время на втором этаже в приятном обществе модного диджея, пока ее муж откровенно мается дурью. Потом Эльдар обернулся, смерил ее презрительным взглядом и сказал:

– Слав, мы тут с девушкой пообщаемся, ладно? После доскажу.

Славка, уже успевший дойти до определенной кондиции, понимающе кивнул и скрылся в доме. Лиза подошла к Эльдару вплотную и некоторое время молча смотрела ему в глаза, пытаясь увидеть там хоть что-то кроме непроницаемо темного равнодушия.

– Урод, – произнесла она в конце концов.

Эльдар усмехнулся.

– Дура пьяная, – брезгливо проронил он. – Иди, продолжай в том же духе. Ты мне неинтересна.

Лиза ощутила, как в горле собирается ледяной комок ярости и злобы. Губы дрожали. Она легко толкнула Эльдара в грудь и прошипела:

– Я хочу, чтобы тебя не было...

Эльдар улыбнулся и ничего не ответил. Лиза толкнула его еще раз, уже сильнее.

– Ненавижу тебя. Как же ты можешь вот так, спокойно... словно не случилось ничего. Как можно быть таким...

Равнодушие медленно утекало из взгляда Эльдара: Лиза с удовольствием отметила там появление интереса – эдакого любопытства охотника, увидевшего редкую дичь. Она толкнула его снова, и Эльдар перехватил ее руку, крепко сжав пальцы.

– Чего ты хочешь? – спросил он.

Лиза фыркнула. Ее начало мутить – не от выпитого, а от отвращения к Эльдару.

– Дуэль, – выплюнула она слово. – Я хочу дуэль, сейчас.

Эльдар выпустил ее пальцы и вытер ладонь о джинсы, словно прикосновение к Лизе действительно испачкало его.

– Дурочка, – сказал он уже мягче. – Я же тебя раздавлю.

Лиза ухмыльнулась.

– Это мы еще посмотрим.

Лес стоял прямо за забором, словно следил, не появится ли возможность сделать шаг вперед и растоптать наглых пришельцев, отвоевавших у него эту землю, чтобы выстроить свои дома, грохотать петардами, дымить автомобилями. Полная луна, которая то выглядывала из-за туч, то снова укутывалась в них, была единственным источником света. Когда стволы сомкнулись за спинами идущих, Лиза вдруг почувствовала колючее прикосновение страха. Больше не было ни элитного коттеджного поселка, ни людей, веселящихся в какой-то сотне метров отсюда: остался только заснеженный лес и черно-белое безмолвие. Эльдар шел впереди, прокладывая дорожку белым огнем. Глядя ему в спину, Лиза на какое-то мгновение невероятно остро пожалела о том, что не осталась в теплом и уютном доме. Сейчас можно было бы лежать в гостевой спальне на диванчике, укрывшись одеялом, смотреть телевизор, бездумно перебиравший кадры новогоднего концерта, а не тащиться в лес, чтобы восстановить

иллюзорную справедливость. Наконец Эльдар остановился и обернулся к ней.

- Не передумала?

Хмель уже разжал душевные объятия, и Лиза могла мыслить относительно здраво. Дуэль с Эльдаром теперь не казалась ей хорошей идеей, но идти на попятный Лиза не собиралась. В ней еще хватало пьяного упрямства.

- Нет, - откликнулась она. - Не передумала.

Эльдар усмехнулся и швырнул в нее огненный шар - быстрым, практически неуловимым движением. Лиза ощутила волну горячего воздуха, мазнувшую по лицу - шар ударил в ствол дерева и рассыпался горстью рыжих искр. Запахло гарью.

«Он промахнулся нарочно», - подумала Лиза. Эльдар понимающе кивнул и потер ладони, формируя еще один шар.

- Да. Нарочно. Я не хочу тебя убивать.

- Ты убил Эрика, - прошептала Лиза. - Просто так. Из гонора.

Она метнула в Эльдара сперва один сгусток болотного пламени, а затем, не давая опомниться - второй. Стволы деревьев озарило холодным зеленоватым светом. Эльдар зашипел от боли и смахнул жгучие плевки с дымящегося рукава куртки. Там, куда попало болотное пламя, чернели глубокие дыры. Лиза хищно ухмыльнулась. Она никогда не была мастером боевых заклинаний, но метать болотное пламя умела лучше всех знакомых магов.

Она не поняла, что произошло дальше. Вроде бы только что стояла под деревом, формируя очередной сгусток, чтобы метнуть в Эльдара - и тут почему-то небо и земля закрутились черно-белой горящей каруселью, размазываясь и меняясь местами, грудь обдало огнем, а в глазах потемнело. Потом, когда пляска заснеженных сосен и серых туч прекратилась, Лиза поняла, что лежит в сугробе, рот медленно наполняется кровью, а в голове звонко и пусто, словно удар, нанесенный Эльдаром, стер все мысли. В ушах шумело, и сквозь этот шум Лиза услышала далекое:

- Ну что, навоевалась?

Эльдар склонился над ней и мягко произнес:

- Я же говорил, что размажу.

Опираясь на протянутую ей руку Лиза не стала - поднялась сама и, привалившись спиной к дереву, несколько минут стояла молча, глядя вверх, туда, где деревья пронзали тучи и звезды черными ветвями, и чувствуя тяжесть в груди. Наверняка Эльдар сломал ей пару ребер - ну и правильно сделал, сама нарывалась.

Лиза не сразу поняла, что Эльдар обнимает ее, негромко приговаривая что-то утешающее. В груди ворочалось, вызревая тяжелым терпким плодом, какое-то странное чувство: то ли обида на саму себя, то ли горечь, то ли просто тоска от того, что она, Лиза, ничего не может изменить и исправить. И когда Эльдар шепнул ей на ухо:

- Он жив. Живет в Праге. Я имитировал его смерть, - то Лиза не ощутила ни торжества, ни радости, ни облегчения - ничего, кроме пустоты и понимания, что все давным-давно кончено, а она, вместо того, чтобы жить, цеплялась за чувства в прошлом. Да и чувств-то не осталось...

Ей хотелось заплакать, чтобы хоть таким образом вырвать из себя эту пустоту, но слезы, которые несколько мгновений назад наползали на глаза, куда-то пропали. И, когда Эльдар мягко взял ее за подбородок и поцеловал - осторожно, неторопливо, словно ступая на неизвестную землю, - то Лиза поняла, что именно это ей сейчас и нужно. Просто для того, чтобы убедиться: она все еще живая.

Им помешала крупная горсть снега, свалившаяся на головы. Эльдар посмотрел вверх и увидел тень среди ветвей. Маленькая, юркая, она пританцовывала на месте, словно ее невероятно заинтересовали люди внизу. Сперва Лиза подумала, что это белка, но что-то мешало ей воспринимать тень как шустрого зверька. То ли потому, что белки в это время спокойно спят, то ли из-за запаха.

От тени веяло болотной гнилью. Тяжелая душная вонь струилась вниз, и неожиданно для самой себя Лиза вцепилась в руку Эльдара. Тот, похоже, не испытывал ни малейшего

дискомфорта – просто стоял и смотрел. Наконец, тень заструилась вниз по стволу и, увидев ее в деталях, Лиза взвизгнула. Существо не имело никакого отношения к этому миру. Больше всего оно было похоже на сфинкса – бесшерстную кошку – конечно, если у кошек бывает сплюснутая треугольная голова, ощеренная пасть, полная костяных игл и маленькие круглые выступы на лбу, напоминающие рога.

У Лизы мелькнула мысль о том, что Славка дождался-таки кикимор.

– Это мыщик, – негромко объяснил Эльдар. – Гадость та еще...

Услышав его голос, мыщик ощерился и зашипел, словно ему не понравилось, что его называют гадостью. Эльдар выбросил вверх руку, и мыщика облило огнем. Существо разразилось страшным воплем и покатило вниз, чтобы сбить пламя на снегу. Эльдар бросил в него еще два огненных шарика, и истошные крики мыщика оборвались. Обгоревший трупик упал в сугроб – вонь от издохшего монстра поднималась такая, что Лизу едва не вырвало.

– Ну Слава, ну фокусник, – Эльдар сокрушенно покачал головой. – Выбрал место, где поселиться...

Зажав рот и нос платком, чтобы хоть как-то уменьшить смрад, Лиза пробубнила:

– Что это?

Вместо ответа Эльдар застегнул куртку и пошел дальше в лес. Лиза подалась за ним, невольно радуясь тому, что тяжелый дух мертвого мыщика остается позади. Чем глубже путники уходили в лес, тем больше Лизе казалось, что они погружаются в чужой, незнакомый мир. Поначалу все было более-менее привычно: самые обыкновенные деревья, снег, неспешно плывущая над головами луна. Постепенно строгое сосновое царство сменилось черным строем мрачных елей – путники приближались к болоту. Лиза увидела, что Эльдар давно не растапливает снег, прокладывая дорогу: они шли по утопанной тропе.

Изменился не только пейзаж. Луна, которая прежде была бело-золотистой, приобрела омерзительный бурый оттенок, словно наполнилась кровью. Появились и запахи: в воздухе чувствовались отчетливые травяные нотки. Если раньше Лиза слышала только их с Эльдаром шагами, то теперь откуда-то сзади и справа доносился легкий перезвон колокольчиков – в нем ощущалась тревога и смутная угроза.

– Эльдар, куда мы идем? – окликнула Лиза.

Эльдар обернулся, и Лиза взвизгнула: человек на тропе не имел почти ничего общего с тем магом, которого она совсем недавно вызвала на дуэль. Он стал выше ростом и теперь сутулился, словно порывался упасть и продолжить путь на четвереньках. Растрепанные волосы, которые и раньше редко попадали в руки парикмахера, теперь разрослись пышной кудрявой гривой. Черты лица исказились, став грубее и резче, но страшнее всего теперь были глаза: ни зрачка, ни радужки – золотые озерца с крохотной алой точкой в центре.

– Мы вступаем на запретную территорию, – вопреки ожиданиям Лизы, голос Эльдара звучал, как раньше. Почти как раньше. – Ты тоже меняешься.

– Куда мы идем? – повторила Лиза. – Я шагу отсюда не сделаю, пока ты не ответишь.

Эльдар нервно дернул головой, и на какое-то мгновение Лиза увидела встопорщенный клочок грязной шерсти на его шее. Куртка на спине и плечах вздымалась и потрескивала, словно тело Эльдара стремительно росло. «Но ведь зверя больше нет...» – испуганно подумала Лиза.

– Мышки – это передовой отряд, – терпеливо пояснил Эльдар. – За ними всегда появляется кое-кто похуже. Этот придурок Слава уговорил папашу отстроить поселок именно там, где граница между нашим миром и Параллелью максимально тонка. В колдуна решил поиграть... Это болото – уже не наш мир.

Он расстегнул куртку и бросил ее в снег. Лиза увидела, что свитер болтается на Эльдаре лохмотьями, а из-под лохмотьев выступают печально знакомые очертания зверя: лохматая шкура, грубые бугры мышц, даже след от ожога никуда не делся. В лунном свете Эльдар казался даже не оборотнем – изуродованным мертвецом. Лиза заметила, как шевелятся его волосы, и с ужасом поняла, что голову Эльдара покрывает нечто вроде всклокоченной груди очень тонких многосуставчатых лап.

– Значит, зверь на месте? – не то спросила, не то просто выдохнула Лиза.

Тихий перезвон колокольчиков стал громче и ближе. Эльдар усмехнулся: улыбка осталась человеческой. Копна лап на его голове шевелилась, издавая легкий сухой треск.

- Да, - откликнулся Эльдар. - Осталась небольшая часть, которую можно контролировать. Как оказалось, выгодная штука.

Теперь Лиза поняла, почему Эльдар не бедствует, хотя после второго посвящения потерял весь легальный бизнес в Турьевске в течение года. Ходили очень устойчивые слухи о чудовище в окрестностях города, которое разорвало в шмотья нескольких солидных людей. Милиция все валила на медведей, которых в местных лесах истребили еще при царе, уфологи искали чупакабру, а Эльдар спокойно жил в своем загородном доме и ни в чем себе не отказывал.

- Гамрян знает?

Эльдар ухмыльнулся. Лизе показалось, что его зубам стало тесно во рту.

- Конечно. Через него заказы идут. Это все, что ты хочешь обо мне узнать?

Лиза подумала, что никогда раньше не чувствовала себя настолько растерянной. Запах травы, царапавший нос, приобрел отчетливый гниlostный оттенок. Лизе вдруг захотелось воды - не просто напиться, а нырнуть куда-нибудь в прорубь, к мертвым рыбам на дне и сонным травам, которые течение колеблет, словно волосы утопленника. Грязно-бурая луна теперь не казалась ей страшной: такая луна была правильной. Такой, как положено.

Левая рука зудела чуть выше запястья. Опустив к ней взгляд, Лиза увидела, что кожа там покрыта мелкими бледно-зелеными чешуйками, которые медленно ползут к пальцам. Почему-то она не ощутила паники и негромко сказала:

- Ну все, дожили. Я всегда знала, что подцеплю от тебя какую-то дрянь.

- Ты меняешься, - бросил Эльдар через плечо, продолжая путь к темной еловой стене. - Когда человек попадает в другой мир, то соединяется со своим двойником. Радуйся, что у тебя это русалка, а не смертохлеб.

Лиза решила не уточнять, кто это.

- Так кого мы ищем?

Тропинка нырнула под деревья. Когда Лиза, пригнувшись, шагнула под еловые ветви, то на какое-то мгновение подумала, что ослепла - настолько здесь было темно. Благословенные лучи Багровой луны сюда не проникали, а невнятное свечение сонных кхаадли не могло развеять мрака. Эльдар поднял руку, и в его пальцах вспыхнул огненный шарик, озаривший лес и тропу. Встревоженные кхаадли с недовольными визгами заметались по веткам, плюясь в нарушителей спокойствия.

- Мыциков посылает меречь, - произнес Эльдар. Его голос охрип, и Лиза разобрала сказанное не сразу. - А меречь просто хочет жрать. Всегда. Предпочитает человечину. Мышки наверняка уже сказали ему, что тут целый поселок есть. Стол накрыт, извольте кушать.

Чего-то подобного Лиза и ожидала. А ведь в поселке сейчас точно пара сотен человек. И дети есть - у соседнего с Верой коттеджа она видела игравших в снежки близняшек в пестрых курточках. Меречи будет, чем закусить...

- Ненавижу меречей, - вдруг выпалила Лиза. - Мерзость редкая! И ведь только жрать и гадить!

Эльдар кивнул, соглашаясь, а Лиза и понять не могла, откуда вдруг в ней проснулась настолько обжигающая ненависть к этим двухголовам ящерицам, грозе и ужасу болот.

- Вы конкуренты в среде обитания, - откликнулся Эльдар. - Русалки и меречи испокон веков делят реки и болота. Как думаешь, захочет эта меречь съесть юную русалочку?

Лизу озарило пониманием, и она изо всех сил ударила Эльдара в спину. Тот поскользнулся, но все-таки смог удержаться на ногах.

- Так вот что ты задумал! - рявкнула она. - Меречи меня скормить? Камень отнять под шумок?!

Эльдар взял Лизу за плечи, поднял над тропинкой и несколько раз встряхнул. Болтаться в

воздухе – не самое приятное ощущение, но именно оно помогло Лизе опомниться. Сейчас, висая над землей, она и представления не имела, о каком камне вопила на весь лес несколько минут назад.

– Какой камень, Эльдар? – пискнула Лиза.

Эльдар разжал руки, и она шлепнулась в сугроб – получилось не больно, но довольно неприятно.

– А я не знаю, – ответил он. – Я вообще иду охотиться. Людей жалко.

Он подхватил огненный шарик, паривший над головой, и пошел дальше. Отряхнувшись от налипшего снега, Лиза поспешила за ним. Тропинка становилась все уже, а запах гнилого мяса, сперва почти неразличимый, многократно усилился: теперь он то резал ноздри, и Лизу едва не рвало, то вдруг становился сладостно заманчивым – тогда Лиза понимала, что ее двойник в Параллели начинает брать над ней верх. Русалки, похоже, не имели ничего против того, чтобы тоже полакомиться человечиною.

Наконец лес остался позади. Пропала и тропинка: выйдя из-под еловых лап, путники увидели болото. В тусклом свете неподвижной луны прихотливо колебались и перекатывались лохматые волны тумана, ровный строй черного камыша был торжественно неподвижен, словно в почетном карауле, и деревья, каких никогда не было на земле, изящной рамкой окружали застывший лед, утопая в бело-красном мареве там, где вроде бы намечался небольшой островок, поднимавший изо льда темную изогнутую спину. По верхушкам деревьев скользили тени – мышки, падальщики, пирующие на объедках меречевых трапез, спешили сообщить господину о том, что на болоте появились гости.

– Ждет, красавец, – махнув рукой в сторону островка, Эльдар хищно ухмыльнулся и двинулся вперед, легко перепрыгивая с сугроба на сугроб. Лиза поспешила за ним, впервые за долгое время чувствуя себя по-настоящему хорошо. Она была дома, и темные глубины болота под ногами приветствовали ее возвращение и манили нырнуть туда, где травы, рыбы и животные гниют, превращаясь в липкий студень – первооснову миров.

Меречь терпеливо ждал, свернувшись в костяной клубок. Пластинки его панциря потрескивали в предвкушении еды. Одна из голов притворялась, что дремлет, вторая с алчным любопытством рассматривала оборотня и русалку, пришедших на его остров. Покрытый мелкими язвами язык выскользнул из первой пасти и тотчас же убрался обратно. Из второго рта стекала нитка желтоватой слюны. Застарелые пятна какой-то кожной болезни покрывали бугры плеч.

Меречь был стар, голоден и жаден: гостям предстояло стать закуской перед основным блюдом. Сладкая человечина была совсем рядом, но он займется ей чуть позже.

Эльдар небрежно подбрасывал и ловил свой огненный шарик, словно чудовище нисколько его не пугало – так не пугают человека мошки и комары. И тогда меречь бросился, взрыв землю когтями передних лап. Эльдар метнулся в сторону, швырнув пылающий шарик – почти промазал, пятно огня скользнуло по вздыбленному гребню и рассыпалось искрами. Где-то далеко тысячей голосов заверещали перепуганные мышки.

Меречь низко зарычал. На его памяти не случалось такого, чтобы добыча оказывала сопротивление. Рык был негромким, но Лиза ощутила его как парализующий грохот барабанов над самой головой и рухнула на колени, зажимая уши.

Меречь бросился снова, и Эльдара смело с острова на лед. Второй удар пришелся по Лизе, выбив воздух из ее легких. Свет Багровой луны стал алым, дробящимся и скачущим по камышам и деревьям. Это кровь, поняла Лиза – кровь из рассеченного лба течет и мешает видеть. Меречь подцепил ее когтями за куртку и подбросил вверх, забавляясь с дерзкой добычей. Куртка треснула, Лиза упала в снег, и меречь тотчас же подхватил ее и швырнул снова.

Запах гари становился все сильнее, как и боль в груди и боку; меречь отбросил Лизу в сторону, и сквозь кровавый туман перед глазами она увидела, как Эльдар поднимается на сгорбленную спину острова, и его руки, раскинутые в стороны, горят бело-голубым пламенем. Меречь рыкнул, и Эльдар хлопнул в ладоши.

Остров залило огнем – это было последнее, что увидела Лиза прежде, чем рухнула во тьму.

Когда она пришла в себя, пламя уже успело иссякнуть, оставив от меречи лишь смердящий

обгорелый остов. Дым поднимался в небо, к раззявленной пасти Багровой луны. Эльдар сидел рядом с меречью и со знанием дела потрошил останки.

У любого дракона есть клад. Меречь не был исключением – память здешнего двойника подсказывала Лизе, что под одним из ребер чудовища таится камень. Раздобудь его – и сможешь многое, очень-очень многое, особенно если ты маг. Хоть судьбу переписывай, хоть невидимым становись. Правда, тот, кто последним добыл камень меречи, умер несколько веков назад.

– За это и убить могут, – подала голос Лиза, когда Эльдар довольно улыбнулся, и в его пальцах мелькнул и погас оранжевый огонек камня.

– Могут, – беспечно признал Эльдар. – Но я не дамся.

К дому они вышли утром, едва развиднелось.

В поселке было тихо, словно все жители, несколько часов назад с шумом встречавшие Новый год, покинули это место. Откуда-то издали доносился негромкий звук работающего телевизора, и Лиза знала, что скоро перестанет его слышать. По мере удаления от болота острый русалочий слух притуплялся, двойники разделялись, и каждый отправлялся в свой мир. Эльдар, полностью принявший человеческий облик, дрожал от холода: лохмотья, оставшиеся от свитера, вряд ли могли согреть.

На крыльце коттеджа кто-то стоял, и Лиза подумала, что это один из гостей вышел покурить. Тень шевельнулась, выдвинулась к ступеням, и Лиза различила в ней Веру.

В руке Вера держала ружье, и было ясно, что она очень хорошо умеет с ним обращаться.

– Значит, оба здесь, – констатировала она факт. – Меречь убили?

Лиза подумала, что уже устала удивляться. Старая подруга по университету, в которой никогда не было ни следа магических способностей, в курсе повадок существа из другого мира – ну и что? Эльдар ухмыльнулся и продемонстрировал ей обожженные руки.

– Убили, убили. Ружье опусти.

Вера хрипло рассмеялась, сделала шаг вперед. Всмотревшись в ее лицо, Лиза охнула: хозяйку дома, похоже, хватил инсульт – левую половину лица стянуло на сторону, правая хранила зловещную неподвижность маски.

– Элочка, дорогой, брось мне камень, – голос Веры был похож на грубый собачий лай. Женщина, стоявшая с ружьем на крыльце, не имела ничего общего с гостеприимной светской дамой, принимавшей друзей в этом доме. На крыльце была грубая пародия на знакомую Лизе Веру – Лиза подумала, что Славика хватил бы удар, увидь он супругу такой.

Эльдар фыркнул и полез в карман джинсов.

– Всего-то? – спросил он.

Вера кивнула.

– Ага. Потом пойдете домой. Или в болото, куда вам больше нравится, – она откашлялась, сплюнула в снег, и Лиза готова была поклясться, что Вера выплюнула один из зубов.

Вынув камень, Эльдар взвесил его на ладони и спросил:

– Ничего, что мы оба вернулись? Меречь усиливает смерть мага, не так ли?

– Ты прав, Эля, усиливает, – откликнулась Вера. – Ну как есть, так есть, бросай. Мне и такой подойдет.

Эльдар швырнул камень в сторону крыльца, и Вера поймала его на лету, покрутила в пальцах и отступила в тень.

– Проваливайте, – приказала она.

Эльдар взял Лизу за рукав и чуть ли не бегом направился к машине. Лиза не оборачивалась, но была уверена в том, что Вера не сводит с них взгляда – и не опускает ружья.

Кем бы ни была бывшая однокурсница, она все продумала идеально. Не надо быть семи пядей

во лбу, чтобы предсказать: Лиза настолько терпеть не может Эльдара, что обязательно захочет свести с ним счеты. Кто одержит верх – неважно: смерть мага многократно усилит болотное чудовище. Вера надеялась, что победит Эльдар, который, заметив мыщика, обязательно отправится на болота...

Машина выехала за ворота коттеджа, а выстрела так и не последовало. Вскоре элитный поселок остался позади, и Лиза почувствовала, как спадает напряжение и утекает страх. Эльдар довольно ежилась, радуясь волнам тепла от автомобильной печки.

– С новым годом, – выдавила Лиза.

– И тебя, – улыбнулся Эльдар. – Как там говорят? Как новый год встретишь, так его и проведешь?

Лиза поехала.

– Что-то мне не очень хочется весь год ходить по болотам и спасаться от чудовищ...

Эльдар понимающе кивнул.

– И мне не хочется. Разве только в твоей компании. Да и в твоей компании тоже не хочется.

К удивлению Лизы, непритязательное кафе возле поворота на трассу работало даже первого января, хотя посетителей там не было: маленькая стоянка рядом была пуста. Эльдар посокрушался по поводу того, что потерял куртку в лесу и выразил надежду что в кафе спокойно отнесутся к его лохмотьям. Заверив, что здесь наверняка видали и не такие виды, Лиза подалась за ним.

Бармен, он же раздатчик и повар, смерил Эльдара очень выразительным взглядом. Не каждый день перед его заведением останавливались люксовые внедорожники, из которых выбирались люди такой степени оборванности.

– Вам, может, бинты принести? – спросил он после того, как Эльдар заказал пельмени и кофе. Количество купюр в дорогом портмоне посетителя заставило его удивиться еще сильнее. – Руки-то болят, небось?

– А, ерунда, – отмахнулся Эльдар. – Но вы аптечку не убирайте, скоро понадобится.

Дешевые пельмени источали настолько вкусный аромат, что Лиза накинулась на еду так, словно не ела несколько дней. Эльдар предпочел кофе без сахара. Казалось, он готовится к не слишком приятной встрече: сел так, чтобы видеть вход в кафе и стоянку в окно и смотрит слишком внимательно и слишком мрачно.

– Кого мы ждем? – поинтересовалась Лиза, когда тарелка с пельменями опустела. Эльдар усмехнулся.

– Хикмета, конечно. Только он меня Элечкой называет, больше нет таких умных.

Лиза вопросительно подняла левую бровь: она действительно не поняла, при чем тут Хикмет. Эльдар полез в карман и извлек камень меречи, рассыпавший по кафе пригоршню золотистых искр, и Лиза удивилась еще больше.

– А что же ты Вере отдал?!

– Да какой-то обычный камешек. Подобрал его на острове, не знаю, зачем, – пожал плечами Эльдар. – Но Хикмет уже понял, что его надули. Скоро зайвится, голубчик. Сам. – Он сделал паузу и добавил: – Вера умерла. Мне очень жаль.

Лиза коротко ахнула и закрыла лицо ладонями. В памяти мелькнуло: Вера стоит на крыльце дома, кутаясь в короткую шубку из какого-то стриженного зверя, курит и говорит, что не знала, что Славик пригласил Эльдара... Наверно, тогда она уже была мертва – когда-то Лиза читала о заклинаниях труповодов, которые используют погибшего человека, чтобы добиваться своих целей на расстоянии, а потом магия уходит, и остается только мертвое тело, выпотрошенная пустая оболочка.

Это было мерзким. Мерзким и неправильным.

– Я согласен, нельзя убивать человека, чтобы потом поднять труп и заставить выполнять свои приказы, – негромко откликнулся Эльдар. – Ты не раскисай, пожалуйста, мне понадобится

твоя помощь.

Откуда-то со стороны леса донесся даже не звук – предчувствие звука. Лиза ощутила легкий укол в боку и сразу же поняла: Хикмет идет сюда, и он зол. Очень зол. Эльдар допил кофе и поднялся из-за стола.

– Идите в подсобку, молодой человек, – бросил он бармену. – И носа не высовывайте наружу.

Он говорил настолько весомо, что бармен предпочел не задавать вопросов и побыстрее скрыться в указанном направлении. Предчувствие звука выплеснулось в гул едущего автомобиля, и Лиза, выйдя с Эльдаром на улицу, увидела, как на стоянку заворачивает Верин серебристый джип – тот самый, в котором Лизу вчера вечером привезли в дом на краю болота.

Со стороны водителя открылась дверь, и Хикмет вывалился на стоянку. С момента их последней встречи он изрядно растолстел и окончательно облысел. Глядя на него, нельзя было предположить, что это один из самых сильных магов в этой части страны – жирдяй и жирдяй. Добродушная внешность была крайне обманчива: до Лизы доходили слухи о том, что Хикмет в последнее время стал очень груб и неразборчив в средствах для достижения целей.

Эльдар скрестил руки на груди и одарил Хикмета самой лучезарной улыбкой.

– Gun aydin! – поприветствовал он с нескрываемой издевкой. – Что-то вам, гражданин, не спится первого января?

Лизе стало страшно. Очень страшно. Хикмет мельком взглянул в ее сторону, и Лиза тотчас же ощутила жгучее желание всадить в Эльдара ледяную иголку, да поглубже. Подходящее заклинание сразу всплыло в голове, и пальцы Лизы дрогнули, складываясь в нужном жесте.

– Отдал бы ты мне сразу камень, – мягко сказал Хикмет, – да и поехал бы домой по-хорошему.

За его спиной щелкнула, открываясь, пассажирская дверь, и кто-то четвертый выбрался из машины, покачиваясь и с трудом держась на ногах. Рука Лизы теперь жила своей жизнью – это было странное, призрачное ощущение, словно смотришь сон и никак не можешь проснуться. Иголка, слепленная из болотных ветров, январской метели и полуночного снега, готовилась вырваться из пальцев и пронзить Эльдару сердце.

– Откуда ты вообще такой ловкий... – задумчиво сказал Эльдар и сунул руку в карман джинсов. – Тоже из Параллели?

Хикмет ухмыльнулся.

– Есть места подальше и похуже Параллели, – признался он. – Камень да...

Выстрел прозвучал неожиданно тихо – легкий хлопок, и все. Лиза не сразу поняла, что происходит, и почему на груди Хикмета вдруг расцвел красный цветок с уродливыми черно-красными краями. Хлопнуло еще один раз, и Хикмет рухнул на снег. Иголка в руке Лизы, уже готовая вылететь и поразить, рассыпалась голубыми искрами – тогда Лиза словно стряхнула с себя оцепенение и увидела Веру, медленно сползавшую на землю возле колес машины.

Ружья она так и не выпустила. Когда Хикмет умер, то вся вложенная в Веру магия вытекла, словно вода из треснувшего кувшина, за несколько мгновений превратив однокурсницу Лизы в четырехдневный труп. Эльдар, сдавленно шепнув что-то очень матерное, обнял Лизу и прижал к себе.

Но она все порывалась обернуться.

Глава 1

Лиза

Шура редко видел сны. Если говорить до конца откровенно, он их боялся – с тех самых пор, когда в детстве ему приснился полуразложившийся мертвец, который вылез из шкафа и схватил его за руку. Теперь Шура был взрослый и о приснившемся мертвце давным-давно забыл, однако сновидений не любил, и если их все-таки видел, то весь день потом ходил смурной и путал последовательность шагов даже в простейшем основном ходе ча-ча-ча.

Сон, явившийся Шуре накануне первой весенней субботы, был поначалу исключительно мерзостным. Вроде бы поначалу шагал куда-то Шура по болотцу, проваливаясь по щиколотку чуть ли не при каждом шаге, тянулись мимо березки, кривенькие и чахлые, красными брызгами разбегалась клюква, но собирать ее не хотелось: Шура почему-то знал, что ему нельзя даже наклоняться к этим кислым ягодкам. И еще он знал, что из-за деревьев за ним следят незримые соглядатаи, а где-то впереди – ждут.

И так он все шел и шел, пытаясь во сне как-то даже трактовать свой сон – наверное с работой будут проблемы – а потом откуда-то сзади его позвали.

– Шура... – еле слышно прошелестел девичий голос. – Шура, помоги...

Он обернулся и увидел девушку, красивее которой, наверно, не встречал нигде, девушку затягивало болото, и Шура различал только ее руки, плечи и небрежно завязанную грязной тряпицей голову. Из девучкиного носа стекала кровь и, относимая в сторону незримой силой, сворачивалась в те самые ягоды, которые Шуре не велено было собирать.

– Помоги... – шептала девушка. – Шура...

Шура кинулся к ней, и тотчас же за спиной закружили, загоготали, завизжали звериными, пьяными голосами, принялись щипать, царапать, колотить по голове и по загривку; Шура упал в грязь, кислую липкую жижицу, и у него мелькнула мысль, что он не сможет вытащить девушку.

Она, кажется, все поняла и уже не говорила: просто смотрела на него огромными каре-зелеными глазами. Тогда Шура выпростал из грязи руку и протянул к ней, ни на что уже не надеясь. Едва только тонкие холодные пальцы девушки стиснули его запястье, как грянул гром, и Шура проснулся.

Часы на столе показывали половину седьмого утра. Была суббота; Шуру ждали две скучных пары в университете, потом библиотека с курсовой, а вечером студия танцев при дворце спорта, где он вел стандарт и латину. Вариантов было два: забить на учебу (черт с ней, с экономикой, все равно ее старый маразматик ведет, который отсутствующих не отмечает) и спать дальше, надеясь, что подобная дрянь больше не приснится и вообще ничего не приснится или же выбираться из-под одеяла в сонное мартовское утро и тащиться на другой конец города, чтобы зевать до обеда, играя с кем-нибудь на последнем ряду лектория в морской бой. Шуру, конечно же, соблазнял первый вариант.

Неизвестно, сколько еще он бы размышлял, но дверь открылась, и в комнату всунулась голова матери.

– Шура, вставай, – сказала она. – Тебе в институт пора.

– Ага, – ответил Шура, сладко потянулся и, выбравшись из-под одеяла, поплелся в ванную. Зеркало над раковиной отразило высоченного молодого человека, светловолосого, кучерявого и худого просто до невероятности – его бывшая партнерша по танцам, которая так и не стала партнершей в делах сердечных, говорила, что он, должно быть, двухмерный или не ест никогда и ничего. Шура некоторое время уныло себя рассматривал, внутренне боясь обнаружить царапины и ссадины на спине – лупили его во сне так, что жутко представить – однако и спина и задница были без повреждений. Шура вздохнул и принялся чистить зубы.

«Скорее всего, она все-таки утонула», – подумалось ему. Щетка резко пошла не в ту сторону, Шура фыркнул от боли в десне и сплюнул в раковину красным. «Клюква, – вспомнил он. – Клюква».

Ему было немного не по себе, словно неприятный сон никак не хотел кончаться. А ведь это жуткая смерть... Вниз, вниз, вниз; тепленькая гадкая водица во рту и в носу, попадает в легкие, и выбраться невозможно, болото никогда не шутит. Она утонула.

- Тьфу ты! - воскликнул Шура вслух. - Никто не утонул, ничего не случилось. Это все сон. Просто. Глупый. Сон.

«Она ведь не была сном, - промолвил внутренний голос. - Она была на самом деле, и ты ее не спас. Вот все, что случилось, хочешь ты того или не хочешь, это как тот твой сон о мертвецце: ты знал, что спал, и тем не менее, он взял тебя за руку, и ты не забыл прикосновение к запястью».

«Мать твою, - подумал Шура, - сегодня точно не мой день. Но есть и от этого средства».

Он взял с полочки кусок мыла и стал намыливать руки. Если верить поговорке, то лучшая девчонка - правая ручонка, и актуальности не меняет даже тот факт, что он левша.

- Похоже, натанцюю сегодня черт-те что, - произнес Шура и принялся за дело.

Под вечер пошел снег. Не простой мартовский снежок, который знает, что растает первым, а настоящая метель, непроницаемо, убийственно равнодушная. Маршрутки вязли в белой пелене, трамваи не ходили, и Шура опоздал во дворец спорта на двадцать минут.

Тем не менее, его ждали; народ, недавно собранный в группу и рвавшийся постичь премудрости бальных танцев, не торопился расходиться. Две пары повторяли разученное на предыдущем занятии - медленный вальс, правые и левые квадраты с поворотами, остальные о чем-то балагурили, рассевшись прямо на полу и едва не лопааясь со смеху. Шура не стал переодеваться: снял свитер и переобулся - время было дорого.

- Ребят, сегодня без разминки, сразу берем стандарт.

Он показывал задержанную и открытую перемены и не понимал, что за странное ощущение его тревожит: казалось, кто-то положил на позвоночник ледяной мокрый палец и держит не убирая. За окном бесновалась метель, и Шуру чудилось, что оттуда, из мятущейся завесы, на него смотрят, внимательно и пытливо, словно выжидают, выбирая удобный момент для нападения.

«Все из-за того дурацкого сна», - подумал Шура и тут увидел ее.

Она стояла за партнера в паре с невысокой симпатичной девчушкой-первокурсницей, которую звали, кажется, Мадина. Чувства Шуры можно было сравнить разве что со втыканием раскаленной иглы прямо в сердце: девушка из его сна, живая и здоровая, была рядом - можно протянуть руку и дотронуться до ее длинных огненно-рыжих волос, которые во сне, мокрые и темные, стелились по буро-зеленым кочкам, словно змеи.

Засмотревшись, Шура не сразу понял, что девушка задала ему вопрос и ждет ответа, причем уже довольно давно.

- Что, простите? - переспросил он.

Девушка усмехнулась.

- Я спросила, что такое «спин», - повторила она. - Ты показывал на прошлом занятии, а меня не было.

- Ну да, спин, - сказал Шура и резво выкрутил фигуру. - Вот. Попробуйте!

Девушка воспроизвела движение - конечно, не идеально, однако для первого раза неплохо. Шура улыбнулся. Отчего-то он чувствовал радость и удовольствие, словно у него получилось-таки сделать что-то важное. Незнакомка смотрела на него в упор, и ее глаза Шура запомнил навсегда: острые ресницы, темно-серый ободок и мазки зеленого по радужке.

- Ты на всех девушек так смотришь, или мне просто повезло? - спросила она.

Шура ощутил, что краснеет. По поводу покраснения ему не было равных: чуть что, на щеках появлялись крупные алые пятна, словно кто-то щедро мазал румянами; по этой незатейливой причине общие знакомые за глаза именовали Шуру «красным молодцем».

- Значит, повезло, - подытожила девушка и отошла к партнерше.

Ее звали Лиза. Выходя из зала, Шура столкнулся с нею нос к носу и покраснел снова. Лиза уже успела переодеться в легкую дутую курточку, джинсы и ботинки, за плечом ее болталась сумка, а на пальце девушка крутила простенькую спортивную шапочку.

- Ой, - выдохнул Шура. - Не задел?

- Смотря чем, - когда Лиза улыбалась, на ее щеках появлялись тени кокетливых ямочек, однако ничего кокетливого в этом не было, даже наоборот: Шуру казалось, что она не поженски сурова, а сердце ее оковано льдом. - Дверью - нет. А бальными танцами - очень даже.

Они неспешно спустились по лестнице. В коридоре Лиза долго надевала перед зеркалом свою шапку, надвигая ее то на левую, то на правую бровь. Шура ее не ждал, нет, конечно - он старательно читал рекламный плакат концерта Сергея Пенкина.

- Нравится? - голос Лизы звучал с ноткой сожаления.

Шура обернулся к ней и ответил:

- Пенкин? Так... я вообще музыку не очень люблю.

Брови Лизы взлетели так, что чуть не сдвинули шапку.

- Не любишь музыку?

- Нет, - сказал Шура, открывая перед девушкой дверь. Метель хлестнула белой многохвостой плеткой, потянула к себе, тщась оторвать, закружить и зашвырнуть неведомо куда; Лиза поскользнулась на ступеньках и взяла Шуру под руку - так они и пошли в сторону автобусной остановки. - Хотя музыки полный комп набит. Я ее слушаю только в том плане, подходит ли песня к занятию. Стандарт, латина, все в этом духе.

- Я однажды видела, как под Бутусова танцевали танго, - сказала Лиза. Имя Бутусова очень мало говорило Шуру, однако он не стал проявлять музыкально-культурологической безграмотности и кивнул:

- Да, это вполне вероятно.

- Слушай, а какая мелодия у тебя на мобильнике?

Вопрос, что называется, поставил Шуру в тупик. Он понятия не имел, что именно там пищит при звонке, и ответил наугад:

- Вальс цветов.

- О, - глубокомысленно произнесла Лиза, поправляя выбившуюся из-под шапки прядь. - Значит, полное бескультурье в личном окружении. Ты где учишься?

- На матфаке, - сказал Шура. - Не смейся, но поступил только со второго раза.

Они подошли к ярко-алому спортивному автомобилю, который среди этого мятущегося, абсолютно зимнего вечера казался неестественным, как страница из порножурнала в учебнике математики, и Шура задумался о том, как машина поедет через снежную кашу со своей-то низкой подвеской. Лиза, удивив Шуру буквально до отпада челюсти, вынула из кармана ключи.

- Подвезти? - спросила она и, не дожидаясь ответа, распахнула перед ним дверцу.

Машину ей подарил на день рождения отец, которого в сознательной жизни Лиза не встречала. Во всей этой автороскоши Шура сам себе казался мухой, угодившей в сметану; впрочем, Лиза с ее котомкой, шапкой и выдавшими виды ботинками тоже была чужой в подобном элементе сладкой жизни. Музыкальный центр, повинувшись команде хозяйки, завел «Богемную рапсодию» Queen, которых Шура более-менее знал, в основном, потому, что однокурсница, получив хорошие новости или положительную оценку, имела привычку орать с рязанско-тульским акцентом «We are the champions, my friend!!!», совершенно не стесняясь окружающих.

- Под это вряд ли можно танцевать, - заметила Лиза, выворачивая из переулка на проспект.

- Смотря что, - откликнулся Шура. - Всегда есть варианты.

На обочине Шура увидел бригаду машинного доения в лице инспекторов ГИБДД, но к его удивлению, они даже не взглянули в сторону шикарного автомобиля, почти превышающего скорость.

- Почему ты на матфак пошел?

- Компьютеры люблю, - признался Шура. - Математика всегда хорошо шла. А по русскому я ЕГЭ завалил.

Лиза понимающе улыбнулась.

- Я в этом году одному дурику достала подлинные варианты, - сказала она и с усмешкой добавила: - Он и с ними не сдал. А чего ты в культуру не подался?

Шура вздохнул. «Богемную рапсодию» сменило что-то роковое; некоторое время он вслушивался в предложение переписать свою жизнь на чистые страницы, а потом ответил:

- Во-первых, я не профессионал. Во-вторых, надо думать вперед: максимум протанцую еще лет десять, а потом... - Он уставился за стекло, где по-прежнему отплясывала метель. Лиза кивнула, словно по большому счету и не нуждалась в его объяснениях, а только хотела подтверждения своим догадкам по этому поводу.

- Какой серьезный юноша, - промолвила она, сворачивая на родную Шурину улицу. - Неполная семья, хорошее воспитание и ответственность за свои поступки. Ты слишком взрослый для своих восемнадцати.

- Откуда ты знаешь, что у меня неполная семья? - удивился Шура. Конечно, ему говорили, что парней, воспитанных мамой, видно за версту, но тем не менее...

- Вижу, - губы Лизы раздвинулись в улыбке, но ничего веселого в этой улыбке не было - так, дань вежливости. - Твой дом.

В самом деле, автомобиль стоял прямо у Шуриноного подъезда. Лиза порылась в сумке и скормила музыкальному центру диск без опознавательных знаков - в салон ворвался регги. Мысли Шуры прыгали, словно встревоженные белки по веткам: спросить номер ее телефона? Пригласить в гости? Поцеловать? Или рассказать, что в его сегодняшнем сне она тонула в болоте, и он так и не сумел ее вызволить?

- Я не маменькин сынок, - ляпнул он в конце концов. - Не думай.

- Я не думаю, - ответила Лиза. - Спокойной ночи.

- Ты влюбился, - сказала мама. Она имела обыкновение задавать вопросы с утвердительной интонацией, и Шура порой ненавидел эту привычку.

- Тимка не звонил? - поинтересовался он, вскрыв пакет молока и сделал приличный глоток.

Мама прислонилась к косяку кухонной двери и смотрела на Шуру мягко, но испытующе.

- И кто она?

- Мам, - сказал Шура. - Я не влюбился. Вот честно-пречестно.

Она поджала губы.

- Мне ты мог бы сказать. Я тебе все-таки не чужой человек, Шура. И я прекрасно вижу, что ты не в себе. Еще от тебя пахнет дешевыми духами, а в окно я видела, как ты выходил из машины, которая не по карману порядочным людям.

Духами от него не пахло. Шура знал, что это был холостой выстрел и, тем не менее, покраснел, будто мама застала его за чем-то непристойным. Других улик ей не требовалось, мама удовлетворенно качнула головой.

- Я так и думала. Так и думала, - вымолвила она с такими интонациями, словно Шура, по меньшей мере, продавал наркотики второклассникам, и это таки вскрылось.

- Мам, - снова начал Шура. - Это Танюшка Абрамова с потока, на остановке меня подобрала...

- Я всегда знала, что в один прекрасный день ты свяжешься с одной из тех девок, что морочат головы приличным парням, - продолжала она, вовсе его не слушая. Ей и не надо было слушать Шуру: если маме вдруг хотелось скандала, то Шура становился декорацией. - Танюшка, не Танюшка... неужели ты надеешься, что будешь у нее первым? Что она будет тебе верна?

- Мам...

- И, разумеется, она подсунет тебе чужого ребенка. Тебе тогда придется забыть об институте, в который с таким трудом... - мама провела ладонью по глазам. - Перейдешь на заочное, это вообще не образование... а танцы твои...

- Мам, ну послушай...

- Боже мой, ты же еще так молод! - теперь мама почти рыдала. - Жизнь только начинается, а ты уже решил все угробить! Вот так запросто швырнуть к ногам какой-то проститутки, - она громко шмыгнула носом и продолжала уже абсолютно спокойно: - Я понимаю, ты влюблен и меня не слышишь. Но я тебя очень прошу: подумай, пожалуйста, обо мне. Я не настолько здорова, чтобы так волноваться.

Она деланным нервическим жестом распахнула холодильник и вынула корвалол, резко выколотила в рюмку несколько капель и выпила, даже не разбавив. А Шура неожиданно обнаружил, что его трясет. Вот просто натурально колотит гневная лихорадка. Он сжал пальцами виски и тихо произнес:

- Мам, не надо так.

- Что?! - ее истерика автоматически взлетела на несколько пунктов. Шура все никак не мог к этому привыкнуть. - Ты проводишь время с дешевыми шалавами, подстилками торгашей, и еще говоришь, как я должна себя вести?! Может быть, ты собираешься привести ее и сюда, в этот дом? Да, сынок, ты еще прикажешь мне ее уважать, ценить и лелеять?! Да?

Шура подумал, что нужно уходить, иначе у него лопнет голова от всех этих артистических нервов и надуманных жестов второсортной мыльной оперы, до которых его мать была большая охотница. Он оставил в сторону пакет молока, не заметив, что смял его, и на пол закапала белая струйка, он не мог больше...

- Ты куда это собрался? - мать, сурово поджав губы и уперев руки в бока, кинулась за ним в прихожую. - К этой дряни?

- Мам, успокойся, - пробормотал Шура, завязывая шнурки на ботинках. В висках гремело; он сдернул с вешалки куртку и шарф, в который мама тотчас же вцепилась:

- Не пущу! К этой проститутке - не пущу!

- Мама, да нет у меня никого! - рявкнул Шура. Он никогда не повышал голоса на маму и сейчас даже не осознал, что же все-таки произошло, и почему она влепила ему пощечину.

- Ты как с матерью разговариваешь, гаденыш?! И не смей отворачива...

Шура выскочил в подъезд, и остаток фразы оборвала захлопнувшаяся дверь. Он чуть ли не кубарем скатился с лестницы и вылетел из подъезда в метель и ночь; щека горела как от прикосновения утюга. Шура не знал, куда идет через весь этот снег и не замечал, что по щекам скатываются слезы. В конце концов, он привалился к фонарному столбу и сел в сугроб, захлебываясь от совершенно женских рыданий. Ну почему, почему, почему...

Когда снег из-под колес подъехавшего автомобиля хлестнул его по рукам и груди, то он даже не удивился. Поднялся, открыл дверь и сел.

Странно, однако чем дальше уезжал от дома красный автомобиль, тем спокойнее у Шуры становилось на душе, будто ссора с мамой вычищалась из его памяти и вообще случилась не с ним. Он утонул в мягком кресле-ковше, вытянув ноги к печке, и ни о чем не думал. В динамиках мурлыкал Мумий Тролль, почему-то почти не раздражая.

- Как ты узнала, что я выйду? - спросил Шура.

Улыбка Лизы казалась ему нарисованной в воздухе улыбкой Чеширского кота. Вернее, кошки.

- Ты не вышел. Ты убежал, - уточнила Лиза.

- Как ты узнала? - повторил он.

- Это важно?

Шура рассмеялся.

- Нет, - впервые за весь день ему было спокойно и легко. Если бы ему сейчас сказали, что он

поругался с мамой, что повысил на нее голос и получил пощечину, а потом ушел из дома, то он бы попросту не поверил – слишком все это не вязалось с покоем, воцарившимся в нем. – Куда мы едем?

– Это важно?

– Важно, – ответил он и снова рассмеялся. – Нет. Неважно. Послушай, чем это пахнет? Трава?

– Ты куришь траву?

Шура погрозил ей пальцем.

– Это не-хо-ро-шо, девушка. Курить траву очень нехорошо.

– Но ты, тем не менее, курил ее, – сказала Лиза и уточнила: – Пару раз, не больше. Мама не узнала.

Он кивнул.

– Чем это пахнет?

– Пачули, – улыбнулась Лиза. – Цветок такой.

Автомобиль свернул в проулок, спугнув зазевавшегося прохожего. Лагутенко сменила группа «Ленинград», передававшая привет Морриконе.

– Пачули, – повторил Шура. – Странное название. Послушай, если ты все про меня знаешь, то зачем задаешь вопросы?

Еще один проулок – и Шура увидел клуб под странным названием «Двери в небо». У входа были припаркованы несколько недешевых машин, и стильный молодой человек говорил по телефону, не выпуская изо рта тонкой сигареты.

– Мне нравится задавать вопросы, – сказала Лиза. – Вот недурное заведение. Как зайдешь, спроси Ольгу Лазареву, передашь ей привет от меня – она тебя устроит.

– Спросить Ольгу Лазареву, – повторил Шура. – Передать от тебя привет. Как ты все-таки узнала, что я выйду?

Несколько долгих минут Лиза смотрела ему в глаза пристально и грустно, а потом спросила:

– Это важно?

И Шура тоже несколько минут смотрел ей в глаза, прежде чем ответить:

– Нет. Неважно.

Шура провел ночь в приват-рум клуба. Получив привет от Лизы, Ольга Лазарева ласково ему улыбнулась и проводила в уютную комнатку, все убранство которой составляли ковер на полу, подушки, лампа и стереосистема. Шура от нечего делать сунул в дисковод одну из пластинок – только потому, что понравилась обложка – потом поужинал чаем и блинами, которые принесла пухленькая девчушка в сари, и улегся на ковер. В помещении было тепло, так что замерзнуть он не боялся. Завораживающий голос певца создавал атмосферу сказочного покоя, и Шура расслабился и успокоился окончательно – можно было размышлять.

Для начала мама. Благодаря Лизе шататься по улицам ему не пришлось, но, тем не менее, завтра придется вернуться домой – никто не запретит надеяться, что мама к тому времени успокоится и перекипит, но у этой надежды слабенькие крылышки. Она всегда выходила из себя, стоило только ему заговорить с девушкой, и тирады из ее уст выходили соответствующие: свяжешься с проституткой, вляпаешься, испортишь себе жизнь и далее по тексту. Как и все мальчики из неполных семей, Шура обожал маму и пытался не расстраивать ее, однако не мог не признавать, что в последнее время она действует ему на нервы с всегдашними своими истериками и ценными указаниями из оперы «что такое хорошо и что такое плохо». И теперь Шура в красках представил, как она завтра его встретит. Возможно, и на порог не пустит.

В коридоре послышались шаги; приятный мужской голос ворковал: «К сожалению, мы закрываемся. Завтра с шести утра, милости просим». Шура подумал, что сейчас его отсюда выпрут, однако шаги быстро стихли, а в комнату всунулась голова пухленькой девушки.

- Как отдыхается? - спросила она.

- Неплохо, - ответил Шура.

Миловидное девичье личико расплылось в довольной улыбке.

- Мы гасим свет через десять минут. Принести вам свечу?

- Принесите, - кивнул Шура, и девушка скрылась за дверью. Будет романтический вечер, подумал он, только без девушек, вина и интима.

Впрочем, вино как раз входило в программу: вместе с красной пузатой свечой, от которой отчетливо пахло вишней, пухленькая девушка принесла бутылку совиньона, бокал и шоколадку со словами:

- Это подарок вам, как нашему гостю. Приятного вечера.

- Я в раю, - ответил Шура. - Спасибо.

- Если желаете, то можете пройти к предсказательнице, - предложила девушка, - прием начнется через полчаса, вторая дверь налево.

Шура кивнул.

- Я в это не верю.

- Приятного вечера, - повторила девушка и выпорхнула за дверь с неожиданной для ее комплекции грацией.

Шура хмыкнул: гадалка, надо же, и налил себе вина. Совиньон оказался недорогим, но весьма недурным. Шура пил и думал, что может сидеть в одиночестве, наслаждаться спиртным, и никто ничего ему не скажет.

Вскоре лампа мигнула и погасла. В полной темноте Шура щелкнул зажигалкой, и огонек свечи сделал комнату еще меньше и уютней. Он налил еще и, смакуя вино, вспомнил, как давным-давно, еще в детстве, ходил в гости к соседским ребятам, Мише и Алине, и они так же зажигали свечку и рассказывали в полумраке сказки и страшилки, пока с работы не приходили родители. Потом отец ушел - не к кому-то (возможно, было бы проще, если бы он ушел к кому-то), а вообще - и Шура с мамой переехал.

Интересно, где сейчас Миша и Алина? Узнал бы он их, встретив на улице, или прошел бы мимо, не разглядев в незнакомцах тех, с кем играл в детстве? Интересно, узнал бы он отца? Или это уже не имеет смысла?

Когда свеча прогорела на треть, а бутылка опустела наполовину, дверь снова открылась, и в комнату проскользнула Лиза собственной персоной, одетая почему-то в восточные, шитые золотом шаровары, почти не видимый топик и шлепанцы с загнутыми носами. Шура облизнулся чуть ли не в открытую: если на занятии она была в мешковатой футболке и рэперских портках, то сейчас ничто не скрывало достоинств ее фигурки. Правда, грудь маловата, но с другой стороны, форма прекрасная, а вот задница выше всех похвал.

- Вижу, вечер проводишь отлично, - заметила Лиза, усаживаясь на ковер по-турецки. - Фу, жадина, мне почти не оставил, - она взяла бутылку и посмотрела сквозь стекло на Шуру.

- Я же не знал, что ты придешь, - сказал он, разведя руками. - Классный костюмчик.

Лиза поклонилась ему, сложив руки, как японка.

- Аригато.

- А что ты здесь делаешь? - поинтересовался Шура. - И в таком необычном виде...

Лиза хмыкнула.

- Ты еще не видел меня в необычном виде. А вообще я здесь работаю, - небрежным жестом она вынула из воздуха колоду карт Таро, ловко перетасовала их одной рукой, и карты исчезли, как показалось Шуру, под оберткой от шоколада. Он поднял пеструю бумажку и, разумеется, ничего не обнаружил.

- Ты шулер! - радостно воскликнул он.

Лиза подперла щеку ладонью и посмотрела на Шуру с комичной усталостью.

- Вот с чем сравнивают мое прекрасное искусство предвидения и пророчества - с тем, что я мухлюю в карты. Как вам не стыдно, юноша!

- Так это к тебе меня приглашали, - протянул Шура.

- Конечно. Больше здесь никто не ворожит.

Шура плеснул вина в бокал, протянул Лизе. Она приняла его с легким поклоном, однако пить не стала. Мягкий свет делал ее лицо странно переменчивым и тени плавно текли по нему.

- Значит, ты пророчица, - произнес Шура почему-то с мамиными интонациями. Лиза кивнула.

- Значит.

- Хороший доход?

- На чупа-чупсы хватает.

- Люди любят, когда их обманывают, - глубокомысленно изрек Шура. Он редко пил и потому ему немного требовалось, чтобы захмелеть. - Ты обманываешь, а они радуются. Платят. А ты потом придешь в студию танца и будешь платить мне.

- Круговорот купюр в природе, - заметила Лиза и пригубила вино мелким птичьим глотком.

- Круговорот... - повторил Шура. - Хотя врешь ты не всегда. Сегодня, например, ты знала, что я поссорюсь с мамой.

Лиза утвердительно качнула головой.

- Вот откуда ты это знала?

Жест девушки был легок и неуловим; на ковер перед Шурой легла карта. Он поднял ее и некоторое время молча рассматривал костлявого всадника на белом тощем жеребце, что ехал по полю битвы.

- Увидела во сне, - сказала Лиза, отставила бокал и села поудобнее, подложив под острый локоть одну из подушек. Шура печально покачал головой и сообщил:

- А я почти не вижу снов. А если и вижу, то кошмары... Слушай! - воскликнул он. - Что сейчас делает моя мама?

Лиза задумчиво сощурилась. Шура ни к селу, ни к городу подумал, что свеча скоро погаснет, и они останутся в темноте - почему-то эта мысль заставила его поежиться, словно от холода.

- Твоя мама в полном порядке, - промолвила Лиза. - Думает, что ты побежал к дешевой девке, но вернешься как миленький. Она выпила корвалол и сейчас уже спит.

- Знаешь, для этого не надо быть гадалкой, - промолвил Шура.

«Ты попал в водоворот, - заметил ему внутренний голос, - и тебя несет в самый центр событий. Еще утром ты не знал эту девушку, и вот теперь она в твоей жизни, она сидит рядом и говорит с тобой так, словно знает лет сотню - это по меньшей мере. А тени скользят по ее коже, и ты очень хочешь узнать, какая она на ощупь».

- Говорят, у ведьмы и ветра не спрашивают совета: оба скажут в ответ - что да, то и нет, - сказала Лиза, и Шуру послышалась издевка в ее голосе, будто она смеялась над ним, говоря: что, купился?

- А я не верю в предсказания, - проронил он.

Лиза взяла бокал и залпом осушила его, словно на что-то решалась.

- Во что же ты веришь, пьяный мальчик без снов?

Шура посмотрел ей в глаза, но ничего не увидел: под веками и острыми ресницами клубилась тьма.

- Не знаю, - простодушно ответил он. - Правда, не знаю.

- Итак, батафога.

Он стоял перед зеркалом, словно матадор перед зрителями; его ученики сгрудились чуть поодаль, пристально глядя на него. Пауза казалась вечной, потом Шура вошел в движение и ритм и сам стал движением и ритмом: стационар – виск с поворотом – самба-ход и батафога. Он любил самбу, конечно, не так, как танцы европейской программы, но любил: в учебе его тренер делал упор на стандарт, и латину Шура пришлось осваивать чуть ли не в одиночку.

- А колени выпрямляем, – сказал он и обернулся к студийцам, хотя прекрасно видел их в зеркале. – Пробуйте.

И они попробовали. Шура смотрел и думал о том, как из куколок вылупляются бабочки.

- Наверно, это похоже на фильм ужасов, – обронила Лиза.

Ей, казалось, было безразлично, получается у нее движение или нет. Шура вообще не мог понять, зачем при таком подходе она посещает студию танца. Танцевать и оставаться равнодушной к тому, что танцуешь – ну уж нет, такого быть не должно.

- Нет, конечно, – сказал Шура и отчего-то снова покраснел. От Лизы пахло потом и зеленым чаем, запах был настолько необычным и странным, что у Шуры кружилась голова, и хотелось, чтобы Лиза не отходила подольше.

- Ты знаешь, как это должно быть, – усмехнулась Лиза. – И видишь, как прекрасный замысел искажается.

- Ну и что?

Лиза пожала плечами, поражаясь, должно быть, на отсутствие у тренера тонкости чувств.

- Мне было бы грустно, – ответила она. – По крайней мере.

И отошла, даже не оглянувшись. В последнее время она часто смотрела на Шуру как на пустое место, и он не мог понять, что же не так и куда девалась та энергия, которая словно бы наполняла Лизу изнутри. Ему иногда хотелось спросить напрямую, что происходит, но Лиза молниеносно исчезала после занятий, и Шура видел только уезжающую красную машину.

- Ладно, – сказал он нарочито резко, пытаясь скрыть смущение. – Батафога.

А после занятия, когда Шура переодевался в преподавательской, его взяла в оборот администратор. Ирина, невысокая шустрая блондинка, успевала абсолютно все: работать во дворце спорта не только администратором, но и тренером по киропрактике, получать высшее образование на дневном, между прочим, отделении физкультурного факультета местного педа, зависать в клубах с подругами и быть в курсе городских сплетен.

Начала она сразу с нужного места:

- Саш, ты заметил, что у Лизы проблемы?

Еще бы он не заметил, ходит как в воду опущенная. Шура кивнул и сказал:

- Смурная она какая-то...

Ирина кивнула. Одной рукой она пересчитывала деньги, собранные со студийцев, другой приводила в порядок взлохмаченные после тренировки волосы. «Да, не женщина, а Юлий Цезарь», – подумал Шура.

- Помочь ей не хочешь? – предложила она и, когда он вопросительно на нее уставился, объяснила: – У нее недавно брата убили, слышал?

Тут, как говорится, и сел печник. Шура так и застыл с ботинком в руке.

- Убили?

- Он доктор был, – сказала Ирина. – Привезли наркомана по вызову, а у того галлюцинации, ну что-то по типу того. В общем, он ее брата ударил ножом в сердце. Спасти не успели.

Шуре почудилось, что кто-то треснул его по голове чем-то тяжелым. Лиза... Теперь он переодевался на автопилоте. Ирина смотрела на него с терпеливым ожиданием.

- Поговорил бы ты с ней, - устало предложила она и протянула клочок бумаги с цепочкой нацарапанных карандашом цифр. - Она совсем одна осталась.

Шура понятия не имел, что скажет, когда Лиза возьмет трубку. Банальности? Что жизнь продолжается? Что, страдая и мучаясь, ничего не изменишь и не исправишь? А если она боится именно этих слов, если ей не нужно утешение?

- Слушаю, - голос был далеким и усталым, словно говорила не девушка, Шурина ровесница, а очень старая, несчастная женщина, пережившая всех друзей и забывшая юность.

- Лиза? - на всякий случай уточнил Шура.

- Лиза, - вздохнула трубка. - Что случилось, Шур?

За окнами трепетал вечер и шел первый в этом году дождь. Оконное стекло покрывали потеки воды. Шура представил, как Лиза идет одна через эту серую хмарь, и у него сжало за грудиной.

- Ты еще не уехала?

- Я внизу, - ответила трубка после небольшой паузы.

Шура сделал глубокий вдох и сказал:

- Тогда подожди меня. Давай поговорим.

Она жила на окраине, в облезлой хрущевке. На всем доме стояла печать заброшенности, ненужности и одиночества, хотя в подъезде был порядок и даже горшки с цветами; входя за Лизой в тесный коридор ее квартирки, Шура мысленно матерился. Хороший мальчик, блин. Всегда делает то, что ему говорят: Ирина сказала - он понесся выполнять. Ну зачем это ему, зачем это Лизе? К чему ей слушать утешения абсолютно ей не интересного молодого человека?

«Отдача, - сказал внутренний голос. - Зачем ей было везти тебя в клуб и слушать всю ночь пьяные излияния, о которых ты сейчас даже не помнишь? Отдача, только и всего, мир крутится по Ньютону».

«Заткнись», - посоветовал Шура, нанизывая куртку на серебристый крючок.

«Ей плохо, - проронил внутренний голос. - Ей очень плохо. Помни об этом».

- Тут у меня не прибрано, - отозвалась Лиза из комнаты. - Так что не обращай внимания. В принципе, можешь даже не разуваться.

Шура промычал на это что-то невнятное и стянул ботинки. Квартира была двухкомнатной и хорошо отремонтированной, только все эти дорогие обои, неплохой линолеум и натяжные потолки почему-то не смотрелись так, как нужно. Наверное, потому, решил Шура, что тутхлама немерено. В основном, конечно, место занимали книги: хотя родители Шуры были филологами, да и сам он любил читать, но все равно - столько книг в одной квартире ему ни разу не приходилось видеть. Старые и новые, тонкие и толстые, аккуратно составленные на полки и расположившиеся стопками по углам - Шура уловил пару заглавий, знакомых из лекций по всеобщей истории в лицее, и, как выражалась его соседка, наблюдая мужа трезвым, тихо обалдел. Свободное от книг место отводилось под письменный стол со старым компьютером и допотопным принтером, узенький диванчик, накрытый стильным синим пледом с оранжевыми разводами, и домашний кинотеатр. Шура подумал и присел на край дивана.

- Кофе будешь? - крикнула Лиза уже с кухни.

- Лучше не надо, - откликнулся Шура. - Я его не очень люблю.

- И правильно, - сказала Лиза, занося в комнату поднос с чайником и чашками. - С моего кофе двое суток не заснешь.

Она пристроила поднос рядом с Шурой и извлекла из-за дивана пакет дорогого печенья. «Интересно, где она пельмени прячет», - подумал Шура и пожалел, что не додумался купить чего-нибудь съестного в магазинчике при дворце спорта.

- Угощайся, - предложила Лиза, надрывая пакет. - Извини, еды больше нет. Я тут редко

бываю.

- Спасибо, - смущенно сказал Шура, откусив от печенья крошечный кусочек. - А у тебя тут... - он замялся, подбирая слова, - очень интересно.

Лиза усмехнулась. Отпила чаю. Чашки были явно недешевыми - красивые и хрупкие, они как-то легко вписывались в атмосферу этой захлавленной квартиры.

- Сказал бы лучше, что у меня тут срач, вежливый юноша.

- Это все твои книги? - спросил Шура. - Ты читаешь по-немецки?

- Читаю, - ответила Лиза. - Не свободно, конечно, так, со словарем и по догадке.

Шура подумал, что, по большому счету, ничего о ней не знает. Где она учится, сколько ей лет, почему в комнате нет ни одной фотографии, хотя девчонки обожают увешивать стены снимками.

- Мне Ирина рассказала о твоём брате, - брякнул он.

- ...а он был - солнышко. Знаешь, когда я в детстве бесилась, он подходил ко мне, закатывал рукав и говорил: на, кусай. Однажды я так вцепилась, что у него кровь брызнула.

Чашки давно были задвинуты под диван; голова Лизы покоилась у Шуры на коленях, он гладил ее по встрепанным волосам, а она беззвучно плакала, и его джинсы были украшены влажными пятнами ее слез.

- До сих пор помню вкус его крови. Знаешь... я всегда была уверена, что если упаду, то он поймает.

Невидимые часы отбивали время; Шура слышал цокот стрелок и думал о том, что на улице уже ночь и мама волнуется, но встать и уходить ему почему-то не хотелось. Эта странная квартира на городской окраине, эта плачущая девушка - Шуру мнилось, что весь его мир собран сейчас в одну-единственную точку, и за ее пределами ничего и никого больше не существует.

- Даже как-то дико думать, что он больше не придет... Не дернет меня за волосы... так здоровался, представляешь? Его больше нет, а что есть? Пневма улетает, сома умирает, сарк остается... Шура, ты в Бога веруешь?

- Наверное, да.

Лиза тихо, совершенно по-детски всхлипнула. Только сейчас Шура заметил, что ее плечи дрожат, словно в ознобе.

- А что если Его нет, и потом ничего не будет? - спросила Лиза и сама себе ответила: - Нехорошие мысли. Дурные мысли.

Шура поймал себя на том, что она ни разу не назвала брата по имени, словно, уйдя за некую грань, он утратил это право.

- А самое странное... Я тут подумала: вот, умер такой хороший человек, а в мире ничего не изменилось. Все как обычно: земля крутится, люди друг друга душат - все как всегда. Никому нет дела...

«Никому нет дела», - повторил Шура. Подло это или хорошо, или никак. Скорее всего, никак - если реагировать на каждую мелочь, то ни на что прочее не останется времени.

«Смерть хорошего человека - мелочь?» - хмыкнул внутренний голос.

- И знаешь, что еще, - промолвила Лиза. - Ты мало говоришь и даже не пытаешься меня пожалеть. Думаю, это правильно.

Домой он шел пешком.

Часы в мобильнике ехидно известили его о том, что уже половина второго ночи. Шура брел по безлюдному проспекту и ни о чем не думал. В ручьях плескались неоновые огни реклам, изредка проносились машины, а дома казались огромными спящими животными. Глядя на немногие светящиеся окна, Шура думал о том, что где-то там, за его спиной, в ветхом доме, в

заставленной старыми книгами комнате, Лиза сидит одна.

Он не мог о ней не думать. Мысли, словно привязанные, возвращались в заваленную ненужным барахлом квартиру, к одинокой несчастной девушке, которая будто бы откасалась от мысли жить и встречать весну, девушке, которая искала смерть, потому что не желала больше продолжать представление. Книги, музыка, бальные танцы – все, что у нее осталось, но что Шура знал о ней, чтобы она такой металлической занозой застряла в его памяти? Если бы не Ирина, он вообще бы ни о чем не знал и провел этот вечер дома. Мама, наверно, волнуется.

После тогдашнего его ухода мама несколько дней говорила с ним сквозь зубы, а потом вдруг перестала обращать на него внимание вообще. Не спрашивала, куда он идет и во сколько вернется, кто звонил и о чем говорили. Шура шел, спрятав руки в карманы куртки, и по большому счету, ему было все равно, каково там маме. То самое, о чем говорила Лиза: мир меняется, а всем это безразлично. Хоть трава не расти.

Лиза...

Витрина торгового центра изображала морское дно; в окружении раковин и подводных растений сидела одетая на большие деньги русалка. Ее лицо, подсвеченное зеленым, было всепонимающим и грустным. За соседним стеклом красовался месяц, верхом на котором расположился молодой человек в пончо. Шура стоял у витрины, разглядывая русалку. Неужели тогда, в его сне, Лиза действительно утонула, и все, что он делал сегодня – исключительно ради того, чтобы убедить себя в обратном, в том, что она находится среди живых, а не в том вонючем болоте? Лиза. Ее имя звучало подобно серебряному колокольчику на золотистой нитке: мое сердце разорвется, произнеся его.

Ладно. Домой. Завтра все будет проще, постепенно она утешится, и ее боль уснет, превратившись в память. Вот только будет ли для нее завтра и когда будет – этого Шура не знал. И еще он не знал, что за странное чувство впилося в него мелкими острыми коготками и держит, ни за что не желая отпустить.

«А любовь – это клетка, я опять загнан в угол, как беспомощный раненый зверь», – вдруг процитировал Шура и остановился, не понимая, почему вдруг подумал так. Кругом истекла каплей теплая мартовская ночь, умытые дождем звезды влажно сияли в бархатном небе, улица была абсолютно пуста и тиха, лишь где-то вдаль страстно завывали коты и еле слышно скулил ветер в проводах, и до дома было еще пять остановок пешком. А в самом Шуре был натянут каждый нерв, словно струны на невидимые колки, и он готов был зазвучать.

Они встретились снова через два дня. Шура, сидевший в недорогой забегаловке с чашкой кофе, увидел, как напротив кафешки остановился знакомый красный автомобиль. Со стороны пассажира открылась дверь, а у Шуры открылся рот, потому что из автомобиля выбрался не кто иной как его однокурсник Ванечка Крамер.

Этот Ванечка был такой типчик, что просто вызов логике и разуму. При росте метр пятьдесят шесть он обладал самолюбием Эйфелевой башни; поговаривали еще, что когда Господь раздавал ум, Ванечка ломился за неопишуемым нахальством. Он был танцором класса С, не выигравший при том ни одного чемпионата; он был прелестно невоспитанным подростком; он был невероятно амбициозен и столь же невероятно закомплексован; он чуть что кидался драться, и не было такой буквы алфавита, на которую Ванечка не знал бы матерных слов. Он вел кружок бальных танцев в школе, но, когда родители обнаружили, что вместе с венским вальсом и квикстепом дети приносят из кружка неприличные выражения в немереном количестве, его карьера в качестве преподавателя была завершена. Шура и Ваня взаимно ненавидели друг друга, и теперь, увидев этого очаровательного наглеца выходящим из машины Лизы, Шура испытал страстное желание отлупить его как следует.

В кафешке имелось устройство для оплаты сотовой связи, и, войдя внутрь помещения, Ванечка, выгреб из кармана кучу мятых сторублевок и пятисоток и принялся скармливать их черной прорези в автомате. Шура раскрыл рот вторично: деньги у Вани не задерживались в принципе, все не раз видели, как он клянчит у сокурсниц рубль на пирожок или катит домой на роликах за неимением средств для цивилизованного проезда. Было во всем этом что-то крайне странное, и Шура решил разобраться. В прошлый раз, когда он разбирался с Ваней, это кончилось тем, что мелкий нахал в прыжке укусил его за нос и чуть не сломал ребро, но Шура никогда не останавливали мелочи.

Пополнив счет и забрав у автомата чек, Ванечка подался на выход, но Шура вовремя успел придержать его за плечо.

- Привет, Воробушек, как жизнь? - спросил он. Воробушком, а также Зубастым Воробушком (за неправильный прикус) Ваню звали все, вплоть до декана факультета, и Ваня бесился. Вот и сейчас он обернулся в высшей степени обиженный и готовый смывать обиды кровью и соплями.

- Привет, Шпала, - фантазия у него, надо отдать должное, была замечательная: Шура за свой рост удостоился ста пятидесяти различных эпитетов. - Жизнь отлично, не то, что у некоторых.

- Ты, я вижу, при деньгах нынче.

- Работать попробуй, - посоветовал Ванечка; яду в его голосе хватило бы на целый серпентарий. - Весьма способствует, знаешь ли.

Шура начал тихо злиться. Это где же этот мелкотравчатый так работает, и при чем тут его поездки на Лизиной машине?

- Ну так отдал бы должок-то, - предложил Шура. - Помнишь, полтинник у меня брал, завкафедрой на венок? А он и не умер. Даже не собирался.

Ванечка картинно вздохнул, вытащил из карманов две пригоршни крупных купюр и с язвительной печалью заметил:

- Сам видишь, мелких нет.

- Смотри не разроняй, - хмуро порекомендовал Шура. - А то еще от расстройства лопнешь.

- Это я лопну?

- Это ты лопнешь.

- Тебе че надо вообще?

Охранник, неподвижно сидевший у кассы, угрожающе шевельнул плечами, собираясь вмешаться, но остальные посетители кафе в массе своей улыбались: это и в самом деле было забавное зрелище - парни с разницей полметра в росте намереваются драться.

- Это тебе чего от Лизы надо? - грозно осведомился Шура и взял Ваню за воротник курточки. - Что за дела?

- А ты ей муж, что ли?? - окрысился Ваня.

- Что у вас за дела?

- А тебя это с какого места колышет?! - вскричал Ваня. Охранник встал со стула и направился к ссорящимся, как вдруг в кафе раздался еще один голос:

- Ванька! Вот ты где, а я уж думала, что тебя в унитаз затянуло или вон в ту штукювину засосало. Только за смертью посылать, честное слово!

В дверях стояла красивая ухоженная девушка в легком пальто цвета слоновой кости, мини, открывавшей стройные ноги в сапожках на каблуках. В девушке этой Шура не сразу опознал Лизу: слишком уж не вязалась эта гламурная штучка с той Лизой, которая два дня назад рассказывала ему о своем брате. Ванечка вывернулся из Шуриной руки, едва не отодрав воротник куртки, и подбежал к красотке, словно намеревался спрятаться за ее спиной. В эту минуту он настолько был похож на малыша, который несет к маме, чтобы она защитила его от старших ребят, что Шура рассмеялся.

- Привет, Лиз. На танцы придешь?

- Если успею, - ответила Лиза и дала Ванечке шлепка по попе. - Иди в машину, я сейчас.

На шлепок Ваня совершенно не обиделся, выбежал из кафе и уже на улице показал Шуре язык.

- У нас сегодня дел по горло, - сказала Лиза. - Я постараюсь, но не обещаю. А что ты такой, словно тебя обидел кто?

Шура и сам не знал, что сказать. Она и этот гном не по отдельности, а «мы». Наверно, из-за этого у него сейчас было такое странное чувство, которое он никак не мог выразить словами. Тоска? Зависть? Обида?

- Да так... - ответил он как можно безразличней. - Мы с Воробьем поспорили...

Лиза обернулась. Ванечка на улице был занят тем, что исключительно ради собственного удовольствия переходил вброд лужу, которую стоило форсировать на понтоне, причем переходил не абы как, а лок-степом. Продававшие неподалеку цветы бабульки что-то ему покрикивали, Ваня так же бодро отгавкивался матом.

- Это его Воробьем зовут? Никогда бы не подумала, - она улыбнулась и ласково похлопала Шуру по руке. - Ну, мне пора. Ты на всякий случай не жди.

- Пока, - промолвил Шура. Выйдя из кафе, Лиза извлекла Ванечку из лужи, усадила в машину, и вскоре спорткар смешался с потоком автомобилей. Шура вернулся за свой столик, отпил давно уже остывший кофе и почему-то едва не расплакался.

На занятие Лиза пришла минута в минуту, и Шура опять ее не узнал. Где вы, рэпперские портки, майка с ехидно-ироничным «Thanks God I'm not a Boy» и стоптанные кроссовки, в которых пройден пешком не один километр? На Лизе был очень дорогой спортивный костюм и немецкие бальные туфли. Шура ощутил мгновенный и болезненный укол в висок: это была совсем другая девушка, ничего общего с той, которую он почти узнал, и эта новая Лиза нравилась ему гораздо меньше. Гламурная штамповка, каких тысячи, все мысли которой только о том, чтобы не сломать ноготок.

«Разве она тебе нравилась? - зудел внутренний голос. - Почему ты сам не свой - вы друг другу просто тренер и ученик, ничего больше. Носит она настоящий «Найк» или не носит, катает она на машине Ванечку или не катает - какое тебе дело? Разве это важно?»

Шура не знал, что ему ответить, кроме: «Почему именно Ванечка-то?» Танцевали танго; он не хотел показывать движений, считая, что студийцам еще рано браться за достаточно трудный танец, однако девчонки упрашивали его чуть ли не на коленях, и в итоге Шура сдался, чтобы теперь показывать плетение и испытывать усталость и печаль - не от танго, вовсе нет. Ему казалось, что если бы все окружающие, вся эта бурная весна и грязный город вдруг провалились бы под землю, то он ни минуты не сожалел бы об этом.

«Да что с тобой такое?» - вопрошал внутренний голос.

Шура молчал, показывал движения, терпеливо поправлял ошибки, даже улыбался, хотя на самом деле ему хотелось закричать или умереть.

«При чем здесь Лиза?»

«Ни при чем, - думал Шура. - Любовь - это когда хорошим людям плохо. Кто это сказал?»

«Разве ты любишь?»

«Отстань, пожалуйста».

В преподавательской Ирина долго и пристально рассматривала Шуру, демонстративно молчала, словно хотела, чтоб он заговорил сам, и, в конце концов, когда он переоделся и собрал вещи, не вытерпела:

- Ты это видел, видел?

- Что я видел? - устало осведомился Шура.

- Лизу. Ну ты вообще молодец, она с тобой поговорила и прямо расцвела, - Ирина сделала паузу и добавила: - А я и не замечала, что она такая красавица.

- Мне пора, - сказал Шура.

На этот раз алый спорткар стоял прямо у входа во дворец спорта. Рядом с машиной красовался Ванечка, отчаянно гордясь и задирая нос. Шура устало вздохнул и подошел к нему.

- Воробей, ты че? - спросил он, невольно цитируя старый анекдот.

Ваня запыхтел, словно средних размеров паровоз.

- Ниче.

- Ну и все, - сказал Шура и врезал ему по носу. Ваня заорал громче, чем ледокол «Ленин»

в полярном тумане, а Шура вlepил ему еще и сам удивился, насколько легко это получилось.

- Ну и все, - повторил он и пошел прочь. За его спиной Ванечка захлебывался в нецензурщине и кровавых соплях, а Шура не мог объяснить даже самому себе, за что он вздул Воробушка, который сегодня, в общем-то, ничего плохого ему не сделал. Зачем?

- Зачем?

Лиза спросила тихо, но Шура услышал и обернулся. Она стояла рядом с подранком, который уже просто ревел, и смотрела на Шуру в упор, а взгляд ее был прежним - хлестким и взрывоопасным.

- Зачем? - повторил Шура. - Да откуда я знаю, зачем?

И он пошел дальше, но тут Лиза заговорила, и Шура остановился снова.

- Александр, осторожнее. Сегодня в твоём подъезде на тебя нападут трое наркоманов, ударят обрезком трубы и отберут рюкзак. Мой тебе совет: до девяти погуляй где-нибудь, не нарываешься. В девять они уйдут.

Шура оглянулся. Ванечка смотрел на него и злорадно ухмылялся: вот, мол, понял? Кровь придавала его физиономии совершенно неопиcуемое выражение. Лиза взиpала с таким равнодушием, что Шура поежился.

- Осторожнее, - посоветовала она.

Разумеется, он не поверил ни единому ее слову.

Если бы за всякое предупреждение типа «Бог тебя накажет» Шура получал хотя бы по рублю, то давно бы купил себе дом в теплых краях и проводил время исключительно за чесанием пяток и пролистыванием «Плейбоя». Он начистил Воробью морду, или что там у птиц на месте лица, Лиза ему пригрозила, ну и все. Никаких обкуренных наркоманов, тем более что у него исключительно respectable подъезд на кодовом замке.

И только закрыв за собой дверь подъезда, Шура понял, что Лиза таки была права.

На площадке между первым и вторым этажом сгрудились абсолютно невменяемого вида малолетки, причем одного из них Шура вроде бы знал - пацан, кажется, жил в соседнем дворе и выгуливал ротвейлера, больше похожего на танк, чем на собаку. Каким-то краешком сознания Шура заметил, что цепляется к мелочам: ротвейлер, порванный рукав куртки одного из шпанюков, их здоровенные ботинки, которые Ванечка, кстати, именовал говнодавами... Подростки сидели вполне спокойно, один вообще спал, и Шура решил пройти потихоньку, тем более, родная дверь - вот она. И Лиза ошибется.

Он почти прошел, когда один из них схватил его за ногу и резко дернул.

Шура не удержал равновесия и свалился на лестницу, стукнувшись носом о ступеньку. Боль была такой, что на глаза слезы навернулись; Шура взвыл и тотчас же получил удар по голове чем-то тяжелым. Подъезд качнулся и растворился в серой пелене. Последним, что Шура запомнил, были руки, сдиpающие с его плеча рюкзак.

Лиза не ошиблась, подумал он и потерял сознание окончательно.

- ...сотрясения нет, гражданочка. Только оглушили...

- ...развелось быдла, не пройти нормальным людям...

Шура кое-как открыл глаза. Мама сидела рядом, держа его за руку, а носатый мужчина в белом халате закрывал чемоданчик с инструментами. Лиза не ошиблась.

- Как дела, браток? - спросил носатый.

Шура пощупал языком зубы: вроде бы целы и не качаются, но дотрагиваться все равно неприятно. Почему так бок-то болит?

- Кажется, ничего, - произнес Шура. - А что такое?

Носатый рассмеялся, обнажив крупные разлапистые зубы.

- Повезло тебе, что мы к твоей соседке по вызову приехали. Пугнули этих. А то бы забили

тебя, я таких знаю. Что в сумке-то было?

Шура закрыл глаза. Туфли, еще почти совсем новые, футболка, брюки – ерунда, в общем-то. Набор дисков и бумажник – вот что по-настоящему жалко.

Лиза не ошиблась.

Интересно, если бы он не побил сегодня Ваньку, напали бы на него гопники или нет?

При дворце спорта недавно открылся кабинет иглоукалывания и восточной терапии. Там-то Шура и обнаружил Лизу.

Она лежала на высокой кушетке, слушая музыку для релаксации; меланхоличный доктор-кореец неспешно утыкивал ее спину длинными иглами. В кабинете пахло травами. Видимо, из-за этого запаха злость Шуры моментально увеличилась в размерах раза этак в два.

– Выйдите, молодой человек, – спокойно порекомендовал доктор, когда Шура открыл дверь с пинка и ввалился в кабинет. Шура ощутил пульсацию боли в шишке, оставленной на затылке наркоманами в память о приятном свидании, и решил, что его отсюда выведут только с нарядом милиции.

– Как ты это сделала? – спросил он.

Лиза устало вздохнула.

– Андрей Анатольевич, на юношу нервы напали, – объяснила она. – Вы бы нас оставили, от греха, минут на десять.

– Тебе виднее, – с той же невозмутимостью сказал доктор и удалился, вынув из кармана пачку сигарет. Шура выдернул из-под стола врача табуретку и сел так, чтобы быть с Лизой носом к носу.

– Так как ты это сделала? Друзей подговорила, чтоб мне за Воробья звездюлей навешали?

Лиза демонстративно отвернулась и принялась разглядывать плакаты на стенах. Тогда Шура взял ее за волосы и развернул к себе.

– Я сейчас все эти иголки молотком заколочу, – пообещал он. – Говори давай, как ты это сделала, не зли.

– А почему ты не послушался? – вопросом на вопрос ответила Лиза. – Они бы ушли ровно в девять, – она сделала паузу и с достойным Ванечки ядом добавила: – Попа бы сейчас не болела.

– То есть это все-таки твоих рук дело!

– Саша, ты ведешь себя неадекватно.

– Да, неадекватно! Меня избили и ограбили по твоей наводке, а ты еще ждешь от меня хороших манер?

Лиза приподнялась на локтях и посмотрела ему в глаза. Под этим взглядом Шура покраснел и разжал руку. К пальцам прилипло несколько огненных волосков; он машинально их стряхнул.

– Извини. Я просто... – он потер лицо ладонями, сжал виски. – Я правда не в себе. Ты сказала, что... Как, откуда?

– Много украли? – сочувствующе спросила Лиза. Шура шмыгнул носом.

– Диски жалко.

Холодные пальцы скользнули по его голове, нащупали шишку; Шура понял, что еще чуть-чуть, и он расплачется. И еще ему не хотелось, чтобы она убирала руку.

– Больно?

Он закивал. Пальцы пробежались по шишке и вдруг нажали так, что Шура охнул. Но боль прошла сразу. Действительно прошла, словно и не было никакой шишки.

– Ладно, Шур. Поверишь, не поверишь – дело твое. Я ведьма. Квалификация – провидчество.

Так что еще утром я знала, что ты поколотишь Ваню, а потом вздуют уже тебя. Не потому, что я хочу или не хочу этого, а потому что все работает по закону сохранения энергии и вещества. Ты физику учишь, должен понимать.

Шура закрыл глаза. Она ведьма. Квалификация – провидчество. Что ж, это все объясняет, но разве ведьмы бывают? Ведьмы, пророчества, как статьи в желтой прессе: «Мою соседку изнасиловал инопланетянин»?

Но ведь она на самом деле знала. А в тот вечер ждала, когда он выйдет, поругавшись с мамой – и снова не ошиблась.

Это важно?

Нет. Неважно.

С минуту они сидели молча, потом Лиза убрала руку, и Шура внезапно ощутил прилив такого острого и неожиданного одиночества, какого никогда не испытывал раньше.

– Я люблю тебя, – произнес он, и сказать это было не труднее, чем ударить Воробья. – Это тоже входит в твои возможности?

Это важно?

– Нет, – ответила Лиза. – Это единственное, что я не могу.

Вернувшись с перекура, Андрей Анатольевич открыл дверь кабинета, но отчего-то заходить не стал, а наоборот, затворил ее снова и перевернул табличку с надписью «Добро пожаловать» обратной стороной – «Извините, закрыто».

Домой Шура шел, пошатываясь, словно после хорошей выпивки. У него кружилась голова, и он не совсем понимал, куда идет – но ему было хорошо. По-настоящему хорошо. Куртку он так и не озаботился застегнуть, и весенний ветер приятно остужал сквозь свитер разгоряченную грудь.

Он чувствовал себя бабочкой, которая долетела-таки до огня и теперь полыхает в нем, не сгорая. Колдовское пламя... ведьма она, или не ведьма – какая разница? Шура был с девушкой всего один раз и сейчас не мог представить даже ее лица, настолько был тогда пьян, но сегодняшняя ночь с Лизой отпечатался в его памяти во всех деталях, словно цвета, запах и звуки обострились в окружающем мире до последней степени, чтобы затем рассыпаться – ярким песком, мозаикой, дробленным мазком. Шура помнил дух какой-то медицинской книги, которую они безжалостно смяли, запах Лизиной кожи – чай, она пахла зеленым чаем! – и аромат увядающей розы, устилающей лепестками подоконник. Шура помнил свое прерывистое сбивчивое дыхание и хриплый шепот Лизы ему на ухо: *тхор туми а фала форам, тхор туми а сунг*, и неожиданно резкий телефонный звонок, услышав который, он стал двигаться быстрее, но Лиза прошептала: «Не спеши», и он послушно замедлил ритм. Его пальцы помнили мягкую текучесть ее волос и тепло кожи, и форму некрасивой глубокой вмятины под левой грудью. И каждая клеточка его тела запомнила тот болезненно острый и сладостный миг, когда он кончил, и Лиза, обняв его за шею, едва слышно вымолвила:

– Спасибо.

У подъезда Шура сел на лавочку. Похлопал по карманам в поисках сигарет и вспомнил, что не курит. Рассмеялся. Лиза... черт возьми, да! Да, Лиза, всегда да – на все вопросы.

Они были. Прочее в ту минуту казалось Шуру потрясающе неважным, словно самое главное с ним уже произошло. Весна, красивая девушка и волшебство, разлитое в воздухе.

«Я ведьма, и любить меня опасно», – сказала Лиза напоследок. Что-то постоянно кололо Шуру под ключицей; он запустил руку под свитер и извлек иголку – одну из тех, которыми была утыкана Лиза.

– Я попробую, – ответил он ей. – Попробую.

Глава 2

День казался бесконечным. Стрелки на циферблате в лектории уснули, и Шура успевал вспомнить все матерные слова из Ванечкиного репертуара в их адрес прежде, чем минутная с неохотным «цок» покидала свое место и лениво перемещалась на соседнее деление. Лектор за кафедрой говорил так, словно язык у него во рту едва ворочался; Шурина голова становилась все тяжелее с каждой минутой, а впереди были еще три пары плюс большая перемена. Он попробовал кидать в Ванечку жеваной бумагой, благо наглый Воробушек сидел в лектории всего на два ряда ниже, однако это его несколько не развлекло, а разобиженный вусмерть Ваня прислал ему записку с абсолютно нецензурным советом засунуть эти бумажки в одно место и пообещал пожаловаться Лизе.

«Что у вас за дела?» – написал Шура.

«Отвянь, верзила», – был ответ. Шура бросил в Воробушка еще одним бумажным катышком и получил рекомендации относительно того, куда бы ему надо сходить, с подробным описанием дороги, выданные злобным шепотом через плечо. Окружающие захохотали, лектор постучал по кафедре ручкой, призывая к порядку, и все происшествие уложилось ровно в полторы минуты. Шура вздохнул, начал было списывать с доски формулы, но так стало еще скучнее. Он отложил ручку и набрал Лизе смс-сообщение.

«Как дела?»

Сообщение было доставлено через три секунды, но они показались Шуре вечностью. Интересно, где сейчас Лиза? Шура оторвал клочок от последней страницы тетради и написал записку Ванечке.

«Слушай, а где Лиза работает помимо "Дверей в небо?"»

Ванечка сокрушенно покачал головой и нацарапал ответ:

«Птичка моя, где она работает помимо "Дверей в небо?"»

За птичку Шура получил такой джентльменский набор, какой бесповоротно убедил его в том, что Ванечкино место на филфаке, а не на математическом. Шура проверил телефон – от Лизы ответа не было – и со вздохом уронил голову на тетрадь. Лиза-Лиза-Лиза, ты где?

Мобильник молчал.

«Ведьма, – подумал он. – Ну, ведьма, блин».

Телефон ожил через четыре минуты, когда Шура почти уже выцарапал на столешнице тривиальное «Танец – это вертикальное выражение горизонтального желания». Открывая сообщение, Шура обнаружил, что у него дрожат руки.

«Нормально. Как сам?»

Пожалуйста – такое ожидание ради трех слов. Ей что, совсем нет до него дела? Постель еще не повод для знакомства?

«Сижу на лекции и дико по тебе скучаю», – написал он и отправил сообщение. Ванечка внизу давно уже забыл про лекцию и развил кипучую деятельность по смс-переписке с незнакомым респондентом. Шура подумал: что если он общается с Лизой, и ему стало грустно.

«Не скучай», – ответила Лиза. В мелких буквах Шуре привиделось равнодушие.

«Может, встретимся днем? – предложил он. – Приеду, куда скажешь».

«Прости, некогда. Увидимся вечером».

Шура убрал телефон в карман и откинулся на спинку скамейки, закрыв глаза. Уйти, что ли, с остальных лекций, все равно сегодня учеба по боку, все мысли об одном. На улице была весна, грело доброе оранжевое солнце и текли ручьи – можно прогуляться вниз по проспекту, глядя, как тает снег и влюбленные парочки целуются на каждом углу. Вполне вероятно, он увидит припаркованный где-нибудь у делового центра алый спорткар и дождется, когда Лиза пойдет на бизнес-ланч в ближайшее кафе.

«Воробушек, я ж не отстану. Где она работает?»

Ответ пришел через семь минут: Ванечка исписал кругом целый лист. В основном это был рассказ о Шуриной родословной, происхождении и моральном облике, и вдобавок о том, что он, Ванечка, с ним, Шурой, сделает, если его хоть раз еще назовут Воробьем. Однако среди всего этого словесного бесчинства Шура обнаружил-таки искомое: частный клуб «Город», организатор шоу-программ с пометкой в скобках «с восьми до трех». Шура сложил листок, спрятал в задний карман джинсов и шикнул, когда Ванечка обернулся, Шура послал ему воздушный поцелуй, на что нахальный Воробей продемонстрировал средний палец правой руки с аккуратно наманикюренным ногтем.

Из лектория Шура выбежал первым, едва не сбив с ног преподавателя, и помчался в раздевалку. Куртку он надел на ходу. На улице царил весна, солнце прыгало по лужам, дробясь и разливаясь золотыми ручьями; Шура шагал и мурлыкал какой-то мотивчик без слов – ему было легко и спокойно, он ощущал себя невесомым и готов был взлететь к пушистым серо-голубым облакам. Прохожие улыбались стройному высокому парню, который беззаботно пританцовывал по оттаявшему асфальту. Шура чувствовал, что его жизнь меняется и что это безусловно хорошо.

На входе в клуб его остановил охранник. Шура объяснил, к кому идет, и ему рассказали, что госпожа Голицынская на планерке, и ее можно подождать возле стойки с рекламками. Шура послушно встал там, где ему указали. Время снова потекло медленно, как густой мед, откуда-то издали доносилась музыка – Шура ждал.

Лиза появилась словно бы ниоткуда – изящная девушка в аккуратном пиджачке мужского покроя и модной юбке, которая выставляла ее ноги в изящных туфельках на всеобщее обозрение. Завитые волосы были подхвачены темной заколкой, а в руках Лиза несла целую стопку бумаг. Шуру она, разумеется, заметила только тогда, когда он заступил ей дорогу.

– Привет.

Лиза взглянула на него очень красноречиво.

– А ты как здесь? – осведомилась она.

– Ваньку пытал, – признался Шура. – Я с лекций ушел, очень хотелось тебя увидеть.

Лиза улыбнулась, но, несмотря на всю доброжелательность этой улыбки, Шура понял, что здесь и сейчас он абсолютно нестати. У нее свои дела и заботы, у нее своя жизнь, в которую он, по большому счету, вписывается только как тренер в студии танцев.

– Я скучал, – произнес он. – Честно.

Ее улыбка стала шире; Лиза протянула руку и погладила его по щеке. На Лизином запястье трепетала голубая жилка, и Шуру захотелось прикоснуться к ней губами и сосчитать пульс.

– Ты придешь вечером?

Улыбка не то чтобы исчезла совсем, но как-то померкла, что ли. Н-да, юноша, трахнули тебя один раз, а хлопот на целый месяц, ядовито подметил внутренний голос, и Шура сник окончательно.

– Не хочешь меня больше видеть, – вздохнул он, на что Лиза расхохоталась так, что едва не разроняла свои бумаги. Краем глаза Шура увидел, что охранник смотрит на нее с интересом и изумлением, словно никогда не видел, как она смеется.

– Шур, ну я же ведьма, – произнесла Лиза.

– ...и любить тебя опасно, – закончил ее фразу Шура.

– Но тем не менее...

– ...я попробую, – перебил Шура. – Даже если ты против, я все равно попробую.

Тогда она перестала смеяться – сразу, словно отключила кнопку смеха – а потом приподнялась и поцеловала его. Шура ощутил, как болезненно стукнуло и остановилось сердце, а Лиза оторвалась от его губ и сказала:

– На всякий случай не жди.

И пошла по своим делам, звонко цокая каблучками. Шура стоял и смотрел ей вслед,

оглушенный и не до конца понимающий, что происходит и где находится. Лиза уходила в глубины клуба так, словно погружалась в морские пучины, а он должен был стоять и смотреть ей вслед, хотя на самом деле Шура хотелось сгрести ее в охапку и овладеть ею прямо на полу.

Печальный, он вышел на улицу, но тем не менее, его печаль была светла – этакая горчинка, которая придает вкусу весеннего дня особую прелесть. Шура постоял немного возле входа в клуб, размышляя, куда бы пойти (будь здесь Воробушек, он подсказал бы маршрут) и решил зайти в недорогую кофейню неподалеку перекусить.

Он почти ушел, но что-то заставило его обернуться, и Шура увидел в конце улицы знакомую фигурку. Он подождал и убедился в том, что это действительно Ванечка, который скачет по лужам как раз к клубу. К Лизе, подумал Шура и решил дождаться выхода несносного Воробья, чтобы еще раз побеседовать по-свойски.

Ждать пришлось недолго: Ванечка вышел на улицу ровно через десять минут. Лиза в легком пальто нараспашку держала его под руку, и выглядели они как двое абсолютно счастливых влюбленных, во всяком случае Ванечка смотрел на Лизу примерно так же, как обжора смотрит на шоколадный торт. Значит, для этого недомерка она всегда свободна, а для него, Шуры, занята по уши? Что за работа у них такая?

На стоянке такси была одна-единственная машина. Мысленно Шура пересчитал всю наличность, понял, что до конца недели ему придется ходить пешком, и решительно открыл дверцу.

– Куда? – меланхолично осведомился пузатый водитель.

– Вон ту машину видите? За ней.

Такси вырулило со стоянки на проспект. Судя по всему, Лиза и Воробей ехали за город. Спорткар вскоре свернул сначала на одну тихую улочку, затем на другую, миновал частный сектор, а потом выехал на шоссе. Позади осталась долина бедных с роскошными домами городских чиновников, загородный оптовый мегамаркет и единственное действующее в городе кладбище. Куда они едут, недоумевал Шура, потрахаться в чистом поле? За городом была еще совсем зима. Когда машина остановилась, и Лиза вышла на обочину, Шура заметил, что она переобулась в теплые высокие сапоги. Ванечка в своих гламурных кедах сразу же утонул в сугробе и принялся капризничать по этому поводу.

Шура расплатился с водителем за ближайшим поворотом и пошел в сторону города, стараясь держаться возле деревьев чахлой посадки, чтобы не попасться на глаза Воробью и Лизе. Снегу возле деревьев по счастью почти не было – хотя бы в этом Шура везло.

Сладкая парочка пребывала отнюдь не в одиночестве – компанию им составляли двое мужчин весьма и весьма солидного вида, чей серебристый джип притулился на обочине рядом с машиной Лизы. Шура подошел поближе, не опасаясь теперь, что его заметят – все были заняты.

Лиза сняла пальто и пиджак, оставшись в легкой блузке с коротким рукавом и юбке (ангина обеспечена, подумал Шура). Ваня шустро подобрал вещи и уволок в машину, а потом вернулся и взял Лизу за руки. Ничего дружеского или любовного в этом жесте не было – одна работа, и Воробей словно бы переступал через себя. Совершенно неподвижно они простояли несколько долгих минут, а потом Лиза запела.

Первым порывом Шуры было заткнуть уши. Голос, тяжелым набатом поднимавшийся над полем, не мог принадлежать Лизе – он был похож вовсе не на человеческий голос, а на то низкое гудение, которое слышно возле опор электропередач. И, тем не менее, это была песня: Шура казалось, что он различает слова – гневные, яростные, несущие боль и отмщение. Его замутило. Казалось, кто-то принялся растягивать его мышцы и скручивать суставы, которые задрожали и задвигались в своих вязких гнездах. Не выдержав, Шура рухнул на колени, и звук оборвался.

Шура нашел в себе силы поднять голову и посмотреть. Одного из солидных мужчин бурно рвало, второй шатался, как пьяный, и зажимал уши, но Ваня и Лиза стояли как вкопанные, будто ничего и не произошло, хотя лицо Лизы было окровавлено. Шура выпрямился. В затылке запульсировала боль, но он смог удержаться от падения. И в это время появился ветер.

В посадке не шевельнулась ни единая ветка. Вихрь кружил возле Лизы и Вани, поднимал дыбом их волосы и едва не сбивал с ног. Юбку Лизы вскинуло буйствующим колоколом; Шура

разглядел под тонкими колготками изящное черное белье. Ветер усиливался. Видно было, что еще немного, и не разжимающую рук пару оторвет от земли. И когда Шура не вытерпел и кинулся к ним – поймать, удержать! – ветер внезапно стих.

Лиза осела в сугроб. Ваня плюхнулся рядом и принялся оттирать ее губы от крови, другой рукой поправляя юбку. Все было кончено. Солидные мужчины осторожно подошли к ворожее, и даже издали видно было, что они весьма и весьма поражены. Один из них протянул Ванечке пухлый конверт, а другой осторожно поднял Лизу на руки и понес в машину. Ваня поплелся за ними, вытаскивая из конверта тысячные купюры – по всей вероятности, свою долю.

Шура подошел к ним только после того, как джип уехал. Лиза была устроена на пассажирском сиденье, и Воробей пытался пристегнуть ее ремнем безопасности.

– Это и есть ваша работа? – спросил Шура. Ваня бросил на него свирепый взгляд из-под пушистых ресниц (Шура почему-то заметил что у Вани совсем девичьи ресницы, да и щетина еще не начала расти) и кивнул.

– У тебя валидола случайно нет?

– Нет, – ответил Шура и склонился к Лизе, которая заметно осунулась и побледнела до синевы. – Что с ней?

– Отдача, – буркнул Ваня и занял место водителя, не собираясь ничего больше объяснять. – Садись уж, раз ты здесь.

Лиза пришла в себя только после того, как они въехали в город. Она глубоко вздохнула и провела ладонью по лбу, потом обернулась, посмотрела на Шуру и понимающе кивнула, словно была уверена в том, что он окажется на заднем сиденье машины.

– Ты как? – спросил Ванечка с тихой заботой в голосе. Шура едва рот не открыл от удивления: Воробей ни разу не был замечен в заботе о ком-то, кроме себя любимого. Лиза мягко усмехнулась.

– Терпимо. Деньги взял?

– Как договаривались. Я пересчитал.

Она протянула руку и вынула из бардачка пластинку каких-то таблеток. Не глядя, выдавила на ладонь белый кругляш, отправила в рот.

– Сколько времени?

Ваня посмотрел на часы.

– Полвторого только. Домой?

Откуда-то снизу Лиза извлекла сумочку, вынула пудреницу и стала прихорашиваться. Шура смотрел на нее и тихо кипятился: сколько можно вести себя так, словно его тут в помине нет.

– Не хочу.

– В клуб? – предложил Воробушек. Лиза отрицательно покачала головой и резко закрыла пудреницу.

– Хотя ладно, давай домой. На четвертую пару еще успеешь.

– На фиг она мне вперлась, – проворчал Ваня. – Кстати, мне новые ботинки надо покупать...

– Сколько? – осведомилась Лиза равнодушно.

– Восемь, – нагло ответил Ванечка. Шура аж присвистнул: не иначе, с золотыми шнурками обувка. Лиза с неудовольствием покосилась в его сторону и, достав из бардачка заветный конверт, протянула Воробушку еще три тысячи.

– Танцуй, милый.

– Не называй меня милым, – буркнул Ваня. – Мне это не нравится.

– Милый-милый-милый-милый.

Если Воробушек и обиделся, то несильно. Шура поймал себя на том, что завидует ему: он Лизин друг и помощник, он важен... А то, что было вчера – только вчера! – в кабинете иглоукалывания – так, мелочи жизни, физиология, простое проведение времени.

Того, что конверт с деньгами, небрежно брошенный Лизой через плечо, плюхнется ему на колени, Шура совершенно не ожидал.

– Тебе ведь тоже нужны туфли, – промолвила Лиза. – И диски.

Теперь была очередь Ванечки изумляться – он натурально раскрыл рот, и Лиза с неудовольствием посоветовала ему не пялиться на Черникова, аки на белого медведя в пустыне, а смотреть на дорогу. Ваня отвернулся, но по всему видно было, что он поражен в самый центр своего птичьего сердца.

– Я не возьму, – сказал Шура, и Ванечка таки не выдержал: оглянулся и назвал его дураком.

– Возьмешь, – спокойно сказала Лиза. – Купишь нормальную одежду взамен того тряпья, что сейчас носишь.

На тренировку она опять пришла минута в минуту. Шура демонстративно не смотрел в ее сторону, разглядывая те диски, что принес из дома, и размышляя, чего Лизе стоит беззаботно болтать с девчонками из группы, шутить и хохотать над их шутками и быть душой компании после сегодняшней работы – ведь ей было не просто физически плохо, ей было ужасно, он же сам видел. Что взять сегодня: румбу или медленный вальс, чтобы ей было попроще?

Девчонки рассмеялись на очередную Лизину шутку. Шура видел ее в зеркале: Лиза была прекрасно одета, мило и со вкусом накрашена, и только бледность выдавала тот факт, что ей сегодня пришлось потрудиться. А если все списать на слишком яркое освещение, то она выглядит превосходно.

«Я не возьму», – произнес он и протянул ей конверт.

«Гусары с женщин денег не берут?» – криво усмехнулась Лиза.

Шура все-таки оставил конверт на заднем сиденье машины, тем не менее, он неким хитроумным образом проник в его рюкзак. В конверте оказалась дикая сумма в тридцать две тысячи. Шура был натурально шокирован – неудивительно, что Ванечка приоделся и держится таким паном, с подобными-то заработками немудрено задирать нос. Конечно, Шура принес конверт в студию – брать так много денег казалось ему морально недопустимым, впрочем, он не взял бы от Лизы даже червонца, даже в долг – не так был воспитан.

Что ж, пускай будет румба.

Где-то в середине занятия Шура заметил, что Лизе как-то не по себе. Пару раз она отходила проверить телефон на предмет сообщений, о чем-то шепталась с Мадриной, с которой крепко сдружилась за последнюю неделю – казалось, что Лиза крепко напугана, что уже случилось или вот-вот произойдет что-то страшное. Ее напряжение передалось сначала Мадриной, потом остальной группе: девчонки путались в простейших шагах, ребята спотыкались из-за этого и принимались материться. Шура не вытерпел и впервые за все занятия с этой группой объявил перерыв.

Ребята вышли покурить, девчонки разошлись по кучкам сплетничать, Мадрина выбежала в коридор – ответить на телефонный звонок, а Лиза села на скамеечку и уткнулась лицом в ладони. Шура вынул конверт и подошел к ней.

– Держи. Мне не надо.

Лиза подняла голову и посмотрела на него устало и измученно. В ее глазах сверкали влажные блески.

– Не надо, – повторил Шура. – Такое ощущение, что ты от меня откупаешься.

Она вздохнула. Взяла конверт, открыла и закрыла, даже не заглянув внутрь.

– Шур, какой ты глупенький.

– Возможно. Что с тобой?

Лиза шмыгнула носом и потерла глаза.

- Пока ничего. Слушай, ты в Бога... ах, да, я уже спрашивала.

- Да, спрашивала.

- Тогда, - вздохнула Лиза, - помолись за меня завтра.

А если ей больно?

А если у нее снова проблемы?

Ночной город тихо спал. Шура шел по задворкам спального района, темно было, хоть глаз выколи, и пару раз он едва не шлепнулся в лужу. Шура не знал, что за сила вытащила его из дома (поругался, снова поругался с мамой!) и поволокла через весь город к Лизе.

Она выглядела обреченной. Шура боялся одного: что не успеет. Что придет, а ему никто не откроет, и три окна во двор на втором этаже будут черными и незрячими. Что сегодня Лиза попрощалась с ним. И Шура спешил, срезая углы, выбирая короткий путь через подворотни и минуя редкие стайки пьяных подростков без страха.

Вся Лизина квартира была ярко освещена. Дом давно погрузился в сон, лишь ее окна горели в тревожной мартовской ночи золотыми маяками. Шура ускорил шаг, размышляя о том, что же он ей скажет, когда она откроет.

Дверь подъезда была заперта. Шура вынул мобильник и набрал Лизин номер. Гудки были томительно длинными и густыми; после пятого Шура стало казаться, что Лизы нет в квартире, и телефон надрывается один в совершенно пустых комнатах.

- Ты знаешь, сколько времени? - услышав ее недовольный голос, Шура вздохнул с облегчением.

- Знаю. Подойди к окну.

Спустя несколько минут в окне кухни появился Лизин силуэт. Шура помахал ему, и Лиза в трубке спросила:

- Что ты тут делаешь?

- Открой, - посоветовал Шура.

Лиза отошла от окна, чтобы вернуться и выбросить в форточку связку ключей. Самый большой и зубастый подошел к входной двери, второй, как догадался Шура, был от квартиры.

- Что ты тут делаешь? - повторила она, когда Шура вошел в коридор. Он положил ключ на подзеркальник и взял Лизу за плечи - так, как брал, когда показывал правильный виск в самбе.

- Я тебя одну не оставлю.

Лиза хмуро и недовольно посмотрела на него, а потом вдруг уткнулась ему в грудь и зарыдалась, словно несчастный измученный ребенок. Шура обнял ее так крепко, что потом не сразу сумел разжать руки. Она обливалась слезами, а он гладил ее по волосам и говорил, что... Впоследствии Шура так и не смог вспомнить, что же все-таки сказал ей: вроде бы что-то о том, что никому не позволит ее обидеть, что она может не притворяться сильной женщиной и принять помощь, что он любит ее... да-да, нечто в этом роде все мужчины говорят своим женщинам, и Шура еще не знал, что станет одним из немногих мужчин, выполнивших подобное обещание.

Наконец, Лиза успокоилась и достаточно сердито, словно ей было неловко за проявление слабости, произнесла:

- Шур, ты меня совсем зажал.

Освободившись, она отерла слезы и прошла в комнату. Шура послушно поплелся за ней и увидел, что в квартире царит полный разгром, словно после обыска: книги, ранее разложенные в аккуратные стопки, теперь громоздились кучами, и листы их были смяты, на столе поверх клавиатуры лежало темное, расшитое бисером платье, которое безжалостно приминали ботинки со шнуровкой, в самом центре ковра красовался чемоданчик нараспашку, и из него бессовестно высовывались кружевной комбидресс, журнал «Вопросы психологии» с лихо заломленной страницей и пакет венских вафель. Совершенно не к месту Шура

вспомнил, что однажды Ванечка объелся как раз такими вафлями, и его едва не стошнило прямо на декана.

- Что случилось? - спросил он. Лиза подпернула ногой крышку и захлопнула чемодан.

- Я уезжаю.

Раньше Шура считал выражение «обухом по голове» обычной метафорой, но теперь, после того, что сказала Лиза, понял: нет, это не метафора...

- Куда? - тихо спросил он.

- В Москву.

Шура опустил на диван. Вот и все. Надо бы, конечно, спросить, когда электричка, предложить проводить и попросить, чтобы она не забывала писать ему письма под Новый год. Вот и все... ну почему настолько быстро...

- Надолго? - осведомился он едва слышно, отчаянно боясь услышать ответ «Навсегда». Лиза дернула плечом.

- Не знаю. Если все нормально пройдет, то дня на два, не больше.

- А если не нормально?

Она улыбнулась ему грустно и мудро, и от этой улыбки у Шуры что-то сжалось в животе.

- Тогда не вернусь. Похороны за счет коллектива.

И видно было, что Лиза не шутит.

- Ты поэтому попросила за тебя помолиться?

- Поэтому.

Она подошла к нему и молча обняла - было в этом жесте что-то такое, от чего Шура едва не вскрикнул. Лиза пахла зеленым чаем, болью и страхом, она рассказывала свою историю быстро и четко, словно это был доклад военного старшему по званию, и после того, как Лиза замолчала, Шура смог произнести только одно:

- Я поеду с тобой.

Он ожидал, что Лиза станет отказываться, но она согласно качнула головой и отошла, нервно похрустывая пальцами. Часы на кухне пробили три.

- Мне нужно поспать пару часов, - сказала Лиза не ему, это была просто реплика в пустоту. - Разбуди меня в половине шестого.

Шура кивнул. Лиза вздохнула и вышла из комнаты. Вскоре Шура услышал, как в спальне зашуршала одежда и скрипнула кровать. В половине шестого... Он поставил будильник в мобильном телефоне на пять пятнадцать и свернулся калачиком на диване.

Сон не шел.

Елизавета Анатольевна Голицынская, ведьма первого посвящения. Насколько Шура понял из ее рассказа, это было что-то вроде степени кандидата наук: по мелочи ворожить могут многие, а вот иметь доступ к хорошей литературе по профессии, наставника и высокий личный уровень - это дано не каждому. Вчера Лиза получила предложение, от которого невозможно отказаться: ей объявили о возможности пройти второе посвящение, после которого Лиза стала бы уже знающим магом - аналогично доктору наук. Тут бы только радоваться, однако Лиза была напугана не на шутку.

«Это дико тяжелое дело, Шур. Я после первого-то думала, что не отойду. Год болела. После второго посвящения сорок процентов новичков умирает».

«Лиз, тебе страшно?»

Бред какой-то. Словно читаешь третьесортный триллер, написанный семиклассником с неторопливым развитием. Ведьмы, знающие маги - бабкины сказки. И, тем не менее, это правда: он имеет дело с настоящим реликтом человечества.

В соседней комнате Лиза вздохнула и что-то проговорила во сне. Завтра – нет, уже сегодня – ее ждет обряд, которому подвергали подобных ей уже тысячи лет и который не всякий может вытерпеть. Шура никогда не боялся признаваться себе в чем-то и сейчас не побоялся признать, что ему жутко. Не то, чтобы он испугался по-настоящему, нет: просто слегка подташнивает, как после долгого просмотра ужастиков – монстр видится в каждой тени. Неужели она действительно может погибнуть?

Выживает сильнейший, заметил внутренний голос. В среде таких, как она, естественный отбор, пожалуй, будет пожестче.

Что, если он потеряет Лизу?

С этой мыслью Шура и уснул, а проснувшись от мелодии будильника, не сразу понял, где находится, и почему у него так затекли ноги. При сером свете нового дня его ночные страхи показались нелепыми и наивными страхами ребенка.

– Потеряю, – проворчал он. – Еще чего.

И пошел будить Лизу.

В Москву они приехали в одиннадцать утра. Электричка выплеснула их на вокзале, и мегаполис тотчас же попытался закрутить приезжих и по возможности забросить куда-нибудь подальше. Лиза запрокинула голову к низкому серому небу, морозящему холодным дождем и некоторое время стояла неподвижно, словно прислушивалась к чему-то. Шура ждал, разглядывая идущих по перрону людей с баулами и узлами: некрасивые серые лица, усталость, привычная спешка. Наконец, Лиза опустила голову и печально призналась:

– Я их не слышу. Совсем.

– Тех, кто тебя ждет? – предположил Шура.

– Да. Мне надо быть на точке ровно в полдень, а я их не слышу. И не найду места.

Она едва не расплакалась, а Шура чуть было не выругался по матери.

– Они что, с ума сошли? Поди туда, не знаю, куда?

– Это еще одно испытание, – пояснила Лиза. – Я должна их услышать и понять, в каком направлении двигаться.

– Сдурели, – буркнул Шура. Додумались, как испытывать: Москва все-таки не деревня. Но тут Лиза еще раз вскинула голову и резко втянула воздух, как собака, берущая след, и Шура понял: теперь она знает, куда идти.

Следом за Лизой Шура втиснулся в вагон метро. Московская толчея в чем-то была и хороша: он почти перестал думать о том, что предстоит Лизе, точнее сказать, перестал нервничать по этому поводу. Все сразу стало как-то просто и бездумно – сейчас он, в общем-то, и не верил в то, что бывают на свете ведьмы и темные колдовские обряды. Это было выдумкой взбалмошной эксцентричной девчонки, а правда – правда была совершенно незатейлива: раздобыть немного денег, купить еды и заняться сексом с тем, кто наименее противен. У этой правды был привкус теплого сала, облепленного хлебными крошками.

Шуру замутило. К счастью, они вышли из метро и сели в маршрутное такси. Ветерок в приоткрытое окошко приятно обдувал покрасневшее лицо; Лиза молчала, доверчиво привалившись к плечу Шуры и завладев его правой рукой – так ребенок сжимает ладонь взрослого, ища в ней поддержки, и Шура думал, что мог бы вот так ехать хоть на край света. Однако вскоре они высадились возле университета дружбы народов, в пеструю и разноязыкую студенческую толпу и нырнули в подземный переход.

Их путь закончился в холле одного из многоэтажных корпусов общежития. Лиза молча посмотрела Шуру в глаза, словно хотела попрощаться и не могла, а потом отпустила его руку и шагнула к лифту. Шура подался за ней, но она остановила его коротким «нет», и двери сомкнулись, разъединив их. Мимо Шуры прошли две негритянки с экзотическими прическами, одна из них обернулась и послала Шуру белозубую улыбку, на которую он, впрочем, обратил мало внимания. Что же теперь, вот так стоять и ждать, чтобы дожждаться... чего?

Впоследствии Шура не смог объяснить, что произошло потом и как он понял, где именно находится Лиза. Странная тяжелая сила потянула его к себе сквозь стены и этажи. Шура

шагнул вперед и нажал кнопку вызова лифта.

Подъем казался бесконечным. Шура поймал себя на знакомой нервной внимательности к деталям: у маленькой китайки в руках была стопка тетрадей и свежий выпуск «Гламура», полноватый флегматичный араб сосредоточенно изучал незримый простому глазу заусенец, вьетнамец и парень с абсолютно славянской внешностью деловито обсуждали на английском перспективы Интернет-журналистики, и пальцы у парня были расцарапаны. Шура прислонился к стене и закрыл глаза. Властная сила тянула его вперед и вверх, безжалостно и почти грубо, Шура поддался этому напору и ощутил, как его буквально уносит куда-то.

Он не помнил, как выбрался на крышу. Москва была перед ним, как на протянутой ладони, открытая и незащищенная, внизу белел университет, недаром прозванный Крестом, и люди на улицах казались черными точками. Потом Шура увидел Лизу и сразу забыл обо всем.

Лиза стояла, уронив голову на грудь и раскинув руки – было в ее фигуре что-то хрупкое и ранимое, то, что можно смять, как фантик, как пластилинового человечка. Ее окружали пятеро, трое мужчин и две женщины, холеные, источающие дух огромных денег и огромной мощи. Они же ее раздавят, в ужасе подумал Шура и слепо шагнул вперед – должно быть, так шагнул на амбразуру его прадед: ни о чем не думая, движимый одним желанием – закрыть. Собой. Просто потому, что больше нечем.

Один из мужчин, лысеющий и горбоносый, небрежно махнул рукой, и Шуру отшвырнуло. С подобной легкостью стряхивают крошки со скатерти; на какое-то мгновение у Шуры потемнело в глазах, но усилием воли он отогнал беспамятство.

– Елизавета Голицынская, ведьма первого посвящения, мы позволяем вам пройти обряд допуска на новый уровень, – тихо сказала молодая женщина в сером пальто. – Да поможет вам тот, в кого вы верите, и пусть будет так, как решено судьбой.

Лиза кивнула в знак согласия. Обернись, просил Шура, но она еще ниже опустила голову, словно не хотела никого видеть. Вполне возможно, она и не видела того, что происходило дальше, но уж Шура-то смотрел во все глаза и вскрикнул от изумления, когда из ладоней пятерых вырвались светящиеся нестерпимо белым пламенем арканы и, упав на Лизу, опоясали ее. Она хрипло вздохнула, будто ей не хватало воздуха, а пятеро сделали несколько шагов назад, и десять огненных петель натянулись и зазвенели.

Лиза закричала. Так кричат раненные животные, когда борьба бесполезна, и им нет больше дела ни до чего, кроме своей смерти. Пятеро снова отступили, и Шура заметил, что петли темнеют, теряя белизну и будто наливаясь красным, как если бы вдруг стали сосудами, по которым побежала Лизина кровь. Лиза вскрикнула еще раз и содрогнулась от боли, а петли завибрировали и побагровели. Шура услышал знакомый низкий гул и свалился во мрак.

Шуру несло неведомо куда по холодным темным волнам, и перед его глазами появлялись картинки. Вот двое детей, мальчик лет пяти с совсем еще крошечной девочкой – это была старая черно-белая фотография с надрывами и заломами. Девочка держала в пухлом кулачке конфету в форме рыбы и собиралась засунуть ее в рот. Малышка была Шуре смутно знакома.

– Помоги ей, – сурово сказал мальчик. – Помоги, слышишь?

– Да, я помогу, – пролепетал Шура, и мальчик побледнел и истаял, превратившись в Ванечку на цветном потертom снимке – испуганного лопухого пацаненка в старом свитере, который напряженно смотрел в объектив и боялся моргать.

– Ты хорошо танцуешь, – сказал Ванечка.

– Ты тоже, – промолвил Шура, и Воробушек, которого подбодрила похвала, легко и красиво станцевал на черных волнах медленный вальс – так красиво, как никогда не танцевал наяву.

– Держи ее, – посоветовал Ванечка и рассыпался сигаретным пеплом. На следующей, полароидной фотографии была мама, усталая и суровая.

– Ты таки вляпался, – сказала она. – Я всегда знала, что ты вляпаешься в подобную историю. Шалавы до добра не доводят.

– Я ее люблю, мама, – произнес Шура, и от этих слов ему стало спокойно и светло, словно в темный мир проник одинокий осенний луч, широкий и ясный. Мама оскалилась на него и зашипела чуть ли не по-змеиному.

– Я ее люблю, – повторил Шура, и мать исчезла. Ее место заняла Ирина, однако совершенно не

та, которую знал Шура – администратор постарела, по меньшей мере, лет на сотню, превратившись в уродливое подобие красивой сильной женщины.

– Напрасно, – прошамкала она. – Все напрасно. Ты не смог ей помочь, а я так на тебя надеялась. Мы все на тебя надеялись.

– Но что я должен сделать? – спросил Шура, и темный поток вынес его на крышу общежития, где обряд достиг своей кульминации. Светящиеся канаты вскинули Лизу на два метра вверх, и она билась в воздухе, словно вынутая из воды ундина. Горбоносый мужчина, оттолкнувший Шуру, сидел сейчас на козырьке, прижав руки к груди так, будто пытался что-то извлечь из своего тела; его товарищи теперь стояли в круге. Лизу нещадно швыряло из стороны в сторону, ударяло о незримые стены – по ее лицу стекала кровь, капая на крышу. Шура подумал, что сейчас эти капли превратятся в клюкву из его сна.

«Игра в волейбол живым человеком вместо мяча», – подумал Шура и шагнул вперед – сейчас никто не подумал остановить его, и, сделав этот шаг, Шура услышал:

«Помоги».

Голос Лизы звучал, казалось, ниоткуда – или, может быть, это город, распятый под ногами, воззвал к нему.

«Что я должен делать?» – спросил Шура, и город – или, может быть, это была Лиза, истерзанная и умирающая – потянул его к себе.

Шура шел, будто сквозь толщу воды. Воздух внезапно стал вязким и густым, он застревал, не проходя в легкие, и Шура подумал: «Каково же сейчас Лизе?» Мысль о ней заставила его двигаться, и, ведомый неизвестной властной силой, он подошел к пятерым в круге и крепко схватил за локти одну из женщин. Она вздрогнула, но не оттолкнула его. Шуру снова повело на внимание к деталям – он видел каждый каштановый волосок в ее замысловатой прическе, чувствовал сладковатый запах духов, и нервный трепет женщины передался и ему.

А потом вдруг все кончилось. Светящиеся канаты истаяли в весеннем воздухе, и Лизу швырнуло вниз, на крышу. Круг распался; мужчины полезли в карманы за сигаретами, сидящий на козырьке вынул пузырек с нитроглицерином, а женщина с каштановыми волосами дернула плечом, и Шура разжал руки. Лиза лежала неподвижно, подобно сломанной кукле, и Шура отчего-то не мог заставить себя подойти к ней – как если бы девушка, распростертая на крыше, не имела никакого отношения к той, которую он любил. Один из мужчин вытащил из внутреннего кармана пиджака шприц и ампулы и присел рядом с Лизой, не жалея дорогих брюк. Простые движения, простые реплики – собравшиеся на крыше совсем не были похожи на властных волшебников – так, менеджеры среднего звена, бизнесмены средней руки, которым пришла в голову блажь провести не самое важное заседание на крыше студенческого общежития.

На него никто не смотрел.

Мужчина со шприцем похлопал Лизу по щекам, и Шура увидел, что она стала дышать глубже. Тут временное оцепенение отпустило его, и Шура кинулся к девушке. Лицо в крови, все еще без сознания, но она жива, жива и будет жить.

Шура не сразу понял, что в руку ему вложили немаркированную коробку с ампулами. Слова «...обряд пройден... да будет милостива к вам судьба... в рядах знающих магов второго посвящения...» он слышал как через подушку. Ветер играл с Лизиными волосами, по ее лицу проплывали тени, а кровь под носом и на подбородке почти засохла. Лиза была жива, и это казалось важнее существования мира.

– Молодой человек.

Шура обернулся. Женщина с каштановыми волосами стояла рядом, сунув руки в карманы тонкой дубленки. В ее серых глазах плескалась усталость.

– Поднимайте ее, – сказала женщина, – будем выводить.

С крыши на последний этаж они спустились без свидетелей, зато в лифте и холле им не удалось избежать изумленных взглядов: забавная это была компания – молодой человек, судя по всему, бедный студент и холеная красавица в одежде из дорогих бутиков, которые полувели-полунесли девчонку с окровавленным лицом, что почти не подавала признаков жизни. Кто-то за спиной с акцентом предложил вызывать милицию; у Лизы снова потекла

кровь из носа, и женщина стала стирать ее дорогим шелковым платком. На улице Шура поднял Лизу на руки и сказал:

- Спасибо вам.

Женщина пожала плечами.

- Да не стоит. Лови такси, и уматывайте отсюда, тот парень ментов вызвал.

- Спасибо, - повторил Шура. Женщина улыбнулась и неторопливо пошла в противоположную сторону.

Таксист сразу сказал, что пьяных не берет, но Шура швырнул на переднее сиденье подаренный Лизой конверт с деньгами, и таксист резко изменил мнение, согласившись ехать даже в другой город. Шура аккуратно устроил Лизу в машине, сел рядом, и автомобиль поехал прочь.

Все было кончено. Они возвращались домой, и от осознания этого на сердце Шуры стало легче. За стеклами такси пролетала весенняя Москва, она сейчас была почти красивой, и Шура тихо улыбался. Все кончено, через пару часов они будут дома, а Лиза одержала победу. Все кончено.

С этой мыслью он уснул и вновь увидел сон. Вроде бы шел Шура по грязной улочке, с крыш ветхих маленьких домиков капало, и где-то в низком сером небе кричали невидимые птицы - тоскливо было, хоть топиться иди. Но Шура брел себе и брел по снегу и мелким лужицам, надеясь, что когда-нибудь да выйдет в центр города, ведь не может быть, чтобы весь город состоял из таких вот дряхлых домишек с заколоченными окнами, и уж конечно в городе есть и другие звуки, кроме далекого неопределенно-зловещего шелеста и пощелкивания.

- Это звугги, - донеслось откуда-то из-за плеча. - Контролеры этого места, насколько я понимаю. В принципе не опасны, но лучше все-таки не подпускать их близко.

Обернувшись, Шура увидел чуть поодаль того самого пятилетнего мальчика с черно-белой фотографии. Мальчик стоял прямо на вершине сугроба, но почему-то не проваливался.

- Ты старался, - сказал мальчик.

- Да, - сказал Шура. - Я старался. Почему ты не идешь домой?

Мальчик улыбнулся странной взрослой улыбкой, которая на удивление не шла его круглому добродушному лицу.

- Я уже дома, - сказал он. - А ты пока в гостях.

Шура пожал плечами. Было боязно стоять на пустынной улице в компании со странным ребенком, который не отбрасывал тени и не проваливался в сугроб.

- Не понимаю, кто ты, - нахмурился мальчик. - Ты похож на меня, но ты не можешь быть таким, как я. Кто ты?

- Я Александр Черников, - сказал Шура и увидел, что мальчика больше нет, а на сугробе вместо него стоит высокий и крепкий юноша с расцарапанным лицом, одетый в дырявый свитер и потертые джинсы. Его босые ноги казались неестественно белыми.

- Что говорит о тебе твое имя? - спросил юноша. - Что изменится, если назвать тебя иначе?

- Не знаю, - ответил Шура. - Зачем ты об этом спрашиваешь? Где мы?

Юноша усмехнулся и спустился с сугроба. Вдвоем они побрели вдоль по улице. Шура отчетливо видел свою тень, будто обведенную карандашом, но у его спутника тени не было. Ужас - самый настоящий, тошнотворный, помрачающий зрение - стал подниматься откуда-то из потаенных глубин его сути.

- Мы в стране мертвых, - произнес юноша. - Ты мог бы и сам догадаться, видишь, сколько тут домов?

Шура огляделся. Убогие домишки тянулись до самого горизонта, где в сиреновом дымном мареве что-то тяжело ворочалось и глухо всхрапывало.

- Я умер? - хрипло спросил он. Слова упали в снег, и их тотчас же затянуло пеплом. Юноша отрицательно покачал головой.

- Пока еще нет. Я - да, - в подтверждение своих слов он растянул дыру на свитере, и Шура увидел глубокую рану в его груди. Две капли крови вспухли из багровой щели и прокатились по ребрам, и юноша опустил руку. - Но ты похож на меня, и я не могу понять, что это значит.

- Похож? - спросил Шура. - Чем похож?

- Ты оторван от земли, - сказал юноша. - Но при этом отбрасываешь тень. Ты похож на меня, но я мертв, а ты живой. Поэтому я и спрашиваю, кто ты.

Шура редко видел сны и сейчас очень хотел проснуться - даже глаза потер, но это не помогло. Юноша раздвинул губы в тонкой улыбке.

- Это ад? - спросил Шура.

- Это страна мертвых.

Дома становились все старше и дряхлее, а под ногами исчез всякий намек на тропинку - теперь Шура и его спутник шагали по вязкому рыхлому снегу.

- Я Александр Черников, - сказал Шура. - Я студент и тренер в студии бальных танцев. Мне восемнадцать лет, я люблю одну девушку и не знаю, что еще сказать тебе.

- Это не ответ на мой вопрос, - покачал головой юноша и отступил на шаг. - Но мне было бы интересно узнать его... - и тут голос мертвого попутчика изменился, и он хрипло пророкотал: - Приехали, начальник!

Шура открыл глаза: такси стояло возле Лизино дома.

Дальше все пошло тихо и как-то аккуратно, что ли.

Пропустив два занятия, Лиза, похудевшая и очень смиренная, вернулась в студию танцев. Все движения она выполняла подчеркнуто четко, как автомат, не шутила и вообще говорила очень мало.

- Привет, - роняла она, входя в зал.

- До свиданья, - это в конце занятия. Всё. Два слова. С Мадриной она, конечно, общалась больше: девушки вместе приезжали и уезжали, а по слухам, нередко «зажигали» в одном из дорогих клубов. Но на занятиях - два слова. Конечно, Шура пробовал заговорить с ней, но Лиза отделялась кивками или вообще притворялась, что не замечает его. Так, бухтит что-то над ухом, мало ли. Ее телефон коварно находился вне зоны действия сети; после семнадцатого раза Шура перестал его набирать. Окна в квартире были по вечерам черны и мертвы, и после третьего вечера Шура перестал приходить.

В начале апреля Шура не вытерпел и зажучил Ванечку в мужском туалете, где пригрозил искупать его в писсуаре, если он не расскажет, что происходит с Лизой. Ванечка вырывался, матерился, а потом вдруг заплакал, как дитя, и рассказал, что Лиза по ходу дела с ума сошла, потому что разогнала его, Ванечку, на пинках - по той простой причине, что он (тут Воробушек заревел еще горше) нашел девушку для занятия интимом на нейтральной территории и таки смог развязаться со своей невинностью. А Лиза его пнула. Естественно. Вот что он такого сделал? Почему всем можно, а ему нельзя? Про можно и нельзя Ваня рассуждал бы еще долго, но тут Шура снова пригрозил ему малоприятным купанием, и тот вернулся к теме. Так вот, после поездки в Москву Лиза какое-то время лежала в больнице с подозрением на инсульт, а потом выписалась и дала Ване пинка, потому что он времени даром не терял. И теперь денег нет, работы нет, и счастья нет, и по его, Ваниному, мнению, во всем виноват лично Черников, который и возил Лизу в столицу нашей родины.

Шура понял, что здесь ему толку не добиться, подумал и решил не ходить кривыми дорожками и все узнать из первых рук - он отправился к Мадрине.

Мадрина была студенткой экономического факультета, красой и гордостью потока и уже лауреатом премии «Молодой экономист». Декан естественно уверял, что когда-нибудь эта зеленоглазая девчушка с каштановыми волосами и недюжинной хваткой будет возглавлять РАО «ЕЭС России» или что-то в этом роде - потенциал есть. Пока же Мадрина танцевала в паре с Лизой, стряпала на уровне президентского повара, писала стихи и спала четыре часа в сутки, черпая бодрость из неизвестных резервов. Она жила напротив парка, на последнем

этаже девятиэтажки в съемной квартире; стоя в лифте, Шура думал, как объяснит свой визит.

Он не надумал ничего. Ехавший с ним подчеркнuto опрятно одетый мужчина – Шура пару раз видел его фотографии в газетах, но фамилию с точностью припомнить не мог: не то Кашин, не то Каширин – смотрел на него почти с сочувствием. Вот у журналистов не бывает проблем с тем, чтобы что-то сказать, подумал Шура и решил действовать экспромтом.

Вместо звонка рядом с дверью красовался моток проволоки. Шура не сдержал усмешки и постучал. Ногой. Сначала никто не отзывался, потом из глубин квартиры смутно донеслось:

– Открой, а то я не... – и дверь отворилась. В первое мгновение Шура подумал, что это солнце брызнуло ему в лицо, окутав мягким золотым светом – где-то далеко пели птицы, и была весна.

– Привет, – промолвил Шура. – Лиза. Не прогоняй меня, пожалуйста. Давай поговорим.

В городе снег давным-давно растаял, но в парке зима еще держалась, не уступая позиций. Однако старая-престарая сцена на массовом поле, несколько лет как заброшенная и забытая, наполовину уже рассыпавшаяся, успела высохнуть. Добираться до нее пришлось по глубокой грязище; забираясь на сцену по проржавевшей лестнице, Шура едва не подвернул ногу. Лиза сняла заляпанные грязью ботинки и поставила их в стороне, оставшись в пижонских белых носках. Солнышко пригревало, Шура расстегнул куртку и сел на край расстеленного Лизой толстого пледа в сине-зеленую клетку.

– Иногда мы сюда приходили с братом, – сказала Лиза. Это была ее первая настоящая фраза за все эти дни, обращенная к нему, и Шура понял, что отвыв от ее голоса. – Это место почти все забыли.

Шура огляделся. Кругом были только деревья, кусты и бурая земля с зелеными щеточками молодой травы. Ни бутылок, ни пакетиков от чипсов – город остался где-то далеко, чуть ли не в другом измерении, мир стал первобытным, перворожденным, созданным только что и специально для них. Доски настила пахли легко и грустно, до Шуры доносилось журчание ручьев, и он чувствовал покой тихого одиночества, когда никуда не нужно спешить, и все уже решено.

– Не прогоняй меня, – устало повторил он. Лиза мягко улыбнулась.

– Не прогоню. Я поняла, что это безнадежно.

Ее пальцы были мягкими и горячими. Иероглифы на ладони Шура даже и не пробовал разобрать. Наверное, она хорошо ворожит и прекрасно видит будущее, наверное, она стала совсем другой, и он ее совершенно не знает, однако пока можно держать ее за руку, ничего не ждать и ни о чем не думать.

– Воробей сказал, ты в больнице лежала.

– Было.

– Как ты сейчас?

– Терпимо.

Отрывочный хэмингуэевский диалог. Короткие рубленые фразы. Лиза рядом, и ее рука пахнет зеленым чаем. Шура не мог понять, что же с ним происходит – разве это наваждение, эта горячка, это стечение всей Вселенной в одну точку – неужели это и есть любовь? Или просто их общее одиночество достигло своего верхнего предела, чтобы в итоге вырваться наружу? Что же это такое, в конце концов, есть ли имя у этого чувства, что сжало горло и не дает дышать?

– Послушай, – сказал Шура. Он понимал, что будет говорить не то и не так, как нужно, однако молчать было еще тяжелее. – Почему... Почему ты была такая?

– Какая?

– Чужая.

Несколько долгих минут Лиза молчала, и Шура боялся, что сейчас она встанет и навсегда уйдет из его жизни, даже не обернувшись. Синица, еще по-зимнему круглая и нахальная, смотрела на него с ветки черными блестящими бисеринками глупых глаз.

- Я думала, что смогу от тебя отвыкнуть, - вымолвила Лиза наконец. - Надеялась, что все это кончится, не начавшись, по большому счету.

Синица склонила головку набок. Шура представил их ее глазами: пара двуногих на странном сооружении из мертвого дерева, и у них совсем нет крошек. По лицу двуногой стекает вода, словно она тает, но вот крошек нет, и это самый большой недостаток. Глупая синица, глупые люди.

- Я думала, что это не любовь, - продолжала Лиза. - Оказалось, это именно она.

Синица покинула ветку и улетела к обитаемым аллеям парка, где можно подкормиться. Шура слушал и понимал, что не сможет ничего сказать - горло перехватило и стиснуло жесткой лапой. Их теперь двое. Двое. А мир такой огромный, и в этой непостижимой величине они сумели найти свою нишу - неужели?

- Я не хотела, - Лиза плакала. Без всхлипов - просто по щекам стекали слезы, капали на сцену и на Шурину руку. - Не хотела, чтоб ты тащился за мной, как... Помнишь, как Мадинка таскает шарф, что он по полу за ней плетется - я не хотела, чтобы так. Надеялась, что все обойдется, что я тебя отпугну всем этим.

- Не получилось, - промолвил Шура.

- Не получилось, - откликнулась Лиза. Южный ветер гнал по небу легкие белые облака с фиолетовыми разводами на брюшках, парк казался нарисованным - нарочито яркая картинка в детской книжке; кругом царила и правила ясная и чистая весна, и Шура самому себе казался чистым и открытым.

Он сел поудобнее и обнял Лизу. Она не сопротивлялась, словно решила смириться и принять все таким, какое оно есть. Бессмысленно бороться с судьбой, даже если ты ведьма второго посвящения, даже если...

Так они и сидели на заброшенной сцене в самом дальнем уголке парка, а кругом кипела весна, и природа, не ведавшая покоя, тянула их к новому лету.

Вызов на ковер к декану прямо с лекции застал Шуру врасплох. Декан матфака, толстый и меланхоличный Геворг Ашотович Гамрян, самый лучший из армян, как говорили о нем на факультете, практически на все смотрел сквозь пальцы. Открывая дверь деканата, Шура терялся в догадках по поводу этого вызова.

Гамрян говорил по телефону. Повинуясь его короткому жесту, Шура присел на краешек стула. Секретарь, веселая и разбитная Аня, озорно ему подмигнула: мол, не дрейфь, студент, где наша не пропадала.

- Ну что, Черников, - сказал Гамрян, закончив телефонный разговор, - будем вас исключать.

Шура просто сел. Хотя и так сидел.

- За что? - только и смог вымолвить он. Декан очень выразительно усмехнулся.

- За прогулы, Александр. Общим числом шестьдесят академических часов.

Шура посчитал. Действительно, набежало. Вроде бы и немного пропустил со всей этой историей с Лизой, а вот поди ж ты. Староста Наташка, толстомясая девчонка откуда-то с дальних хуторов области, невзлюбила его с первого сентября - за то, что Шура не обратил на нее внимания, как на девушку: это для чести сельской красавицы оказалось непереносимой обидой. Разумеется, в журнале посещаемости она недрогнувшей рукой выставляла ему все прогулы. Вот черт, что делать-то теперь?

- Блин, - тихо выдохнул Шура. - А варианты есть?

Декан поиграл изящной золотистой ручкой с кокетливым рубинчиком на зажиме.

- Не надо только мне врать про вашу больную маму. Рассказывайте ситуацию.

- Влюбился, - произнес Шура, решив, что обманывать декана дохлый номер - о пронизательности Гамряна ходили легенды. Была ли тут колоссальная интуиция или жизненный опыт - неизвестно, однако отливать пули в этом случае не стоило. - Влюбился я, Геворг Ашотович. Сам не свой хожу.

- И ходите, судя по всему, мимо института, - декан усмехнулся в пушистые усы. Шура сокрушенно кивнул.

- Мимо.

- А девушка что? - поинтересовался Гамрян, который, помимо репутации прозорливца, имел еще и репутацию дамского угодника. - Отвечает взаимностью?

Шура покраснел.

- Отвечает.

- Весна, - глубокомысленно прокомментировал Гамрян. - Гормоны бьют, и в основном по голове. Вы как думаете сессию сдавать при подобных раскладах?

Шура повел плечами.

- Я все пропущенные лекции переписал.

- Переписал, - скривился Гамрян. - А лабораторные? А практика? - он сделал паузу и спросил: - Девушка-то с нашего факультета?

- Н-нет, она ни с какого факультета, - промямлил Шура. А ведь и вправду, где же она учится, если вообще учится?

- Как зовут?

- Лиза Голицынская, - произнес Шура. И тут декан его здорово удивил, потому что странно улыбнулся и сказал:

- Что ж вы сразу не сказали, Саша? Вопрос снят, можете быть свободны.

Шура сел вторично. Хотя по-прежнему сидел.

- А... вы разве меня не исключаете?

Гамрян развел руками.

- Конечно, нет. Раз тут такие люди. Идите. Елизавете Анатольевне привет.

Шура встал и пошел к выходу. В дверях Гамрян его окликнул:

- Кстати, увидите этого Крамера, передайте, чтобы зашел. У него прогулов побольше вашего наберется.

Шура кивнул.

- Он с Лизой работал. Оттуда и прогулы.

Декан вопросительно заломил правую бровь.

- Кем работал, фамилиаром?

- Не знаю.

- Ладно, идите.

Шура вышел в коридор и начал спускаться по лестнице, задумчиво хлопая ладонью по перилам. Какой тесный город, все друг друга знают, оказывают важные услуги и имеют связи. Как связан Гамрян с Лизой? И ведь связан, иначе бы не отпустил Шуру вот так запросто, едва услышав ее имя. Какой тесный город.

Уже на улице Шура достал мобильник, автоматически заметил, что пора класть его на подзарядку и выбрал в телефонной книжке номер Лизы.

- Тебе привет от Геворга Ашотовича, - сказал он, когда услышал ее голос. - Большой и горячий.

Лиза усмехнулась.

- Ему тоже. Если тебя не затруднит.

Двое студентов-индусов, учившихся на химико-биологическом, остановились рядом с Шурой покурить. «Вот смешно получится, если они тоже знакомы с Лизой», – подумал Шура и спросил:

– Откуда вы друг друга знаете? Если не секрет.

– Не секрет, – беззаботно ответила Лиза. – Гамрян – знающий маг второго посвящения. Самый крутой в области. А ты что подумал?

Что ты была его любовницей, подумал Шура и ответил:

– Да так, грешным делом.

– Головой надо думать, – иронично, однако беззлобно посоветовала Лиза. – А не грешным делом. Ладно, в студии увидимся.

И в трубке раздалась гудки. Некоторое время Шура рассматривал мобильник с одной только мыслью в голове: декан их факультета знающий маг. Вот откуда его прозорливость. Все всегда оказывается так просто. А вздумай Шура рассказать об этом хоть кому-нибудь? Быстро ли его повезут в дурдом?

В институтские ворота вошел Ваня. Прежде самоуверенный и нахальный, теперь он стал каким-то тусклым и пришибленным; Шура вспомнил Воробушка, привидевшегося ему во время посвящения Лизы и ощутил внезапную острую жалость.

– Тебя Гамрян вызывает, – сказал он, когда Ваня подошел поближе. – Исключать за прогулы будет.

Воробушек тоскливо посмотрел на Шуру и вздохнул:

– Ну и пусть. Мне все равно.

Шура обалдел в третий раз за последние полчаса.

– С ума сошел? – поинтересовался он.

– Тебе-то что? – бесцветным голосом осведомился Ваня. – Иди давай к своей ведьме, удачи вам.

Шура вспомнил: детская фотография, бедно одетый мальчик напряженно смотрит в объектив. Весь гонор и вся великолепная наглость Воробья исчезли в неизвестном направлении – сейчас перед Шурой стоял совершенно несчастный второклассник, которого не любили учителя и били старшие школьники. «Я его тоже лупил», – подумал Шура, и его жалость сменил стыд.

– Вань, ты что? – ошарашенно спросил Шура. – Какое «все равно», в армию улетишь ведь.

Ваня шмыгнул носом и отвернулся.

– Вот когда она тебя использует и выкинет, тебе тоже будет все равно, армия или что, – дрожащим голосом ответил он, и Шуру накрыло: депрессия, мрак, искушение бритвы на венах – такое сильное, что не дает дышать. – Валяй, думай, что ты ей нужен. А на самом деле...

Он провел ладонью по глазам и пошел к дверям университета. А ведь вполне возможно, подумал Шура, и перед глазами вспыхнуло: раковина в кровавых потеках, неумело искромсанная рука, нож для резки бумаг на кафеле. Она ведьма, и любить ее опасно. Что же получается, Воробей любил? И получил от ворот поворот?

В лужах прыгали солнечные зайчики. Точно такие же, как и на лезвии.

На занятие Лиза не пришла. Сбросила сообщение о том, что будет весь вечер в клубе и пожелала успехов – Шура мысленно матернулся и с досады выбрал для занятия ча-ча-ча, танец, который стойко не любила вся группа. Пусть будет плохо всем, не только ему.

«Валяй, думай, что ты ей нужен. А на самом деле...»

Что? Шура стоял у станка, смотрел на танцующих – основной ход, раскрытие, поворот, бегущая дорожка тасовались, как карты в колоде – что, Ваня? Слишком много странных загадок, слишком много тьмы и боли, все это слишком, но без Лизы он уже не сможет. Любовь? Разве мы любим воду, которую пьем?

«Удачи вам», – откликнулся Ваня из его памяти. А ведь он общался с Лизой больше Шуры,

значит, ему сейчас больнее. Каково это – потерять ее? Понимать, что не нужен ей? Шура вдруг стало холодно, хотя в зале царила тропическая жара. Возможно ли: бросить все, уйти первым, не вернуться – почувствует ли она хоть что-то? Студийцы танцевали где-то вне его понимания, удивляясь тому, что тренер постоянно смотрит куда-то мимо них; Ирина проскользнула в дверь, наградив Шуру изумленным взглядом – он не думал ни о ком.

После занятия Шура подумал и пошел в «Город», благо идти было всего два квартала, а апрельский вечер выдался на редкость теплым и ласковым. Шура брел по дороге, закинув за спину новый рюкзак, и размышлял, о том, что скоро увидит Лизу.

В «Городе» Шура ни разу не был (если не считать тогдашней встречи с Лизой в предбаннике), и клуб ему понравился, хотя он не слишком любил ранний накал танцевальных сессий. Сейчас же вечер только начался, на танцполе крутились самые заядливые клубберы, и ди-джей не спешил заводить публику, включая что-то очень незатейливое – под такое танцевать и не особо хочется. Шура узнал у охранника, где можно найти госпожу Голицынскую и прошел на второй уровень, в VIP-зал. Здесь было очень уютно, за столиками уже расположились посетители, и снова бесшумная и ненавязчивая обслуга. Лиза сидела на диванчике в углу. В полумраке Шура не увидел ее, но понял каким-то шестым чувством, что она там.

На мгновение его захлестнуло. VIP-зал стал широким и светлым – бальным, откуда-то издали донеслось пение птиц и удивительная музыка.

«Эйфория, – подумал Шура. – словно умирал от жажды в жаркий день, а тебе дали холодной воды».

Он пошел через зал по прямой, словно его вели на тонкой металлической нити, понимая, что скучал – банально и просто.

Лиза ела виноград, отрывая крупные ягоды от кисти. На диване рядом лежал Ваня, пристроив голову на ее коленях. Шура увидел, что его левая рука забинтована до локтя. Неужели Лиза боялась этого – Шуру, который будет плестись за ней и кромсать непослушные скользкие вены тупым ножом в вонючем сортире?

– А, Дылда заявился, – протянул Ванечка, и Шура понял, что тот пьян, а возможно, и под кайфом. – Давай, присоединяйся. К нашей. Милой. Компании. Ведьма Лиза и ее мужчины.

– Заткнись, – равнодушно посоветовала Лиза. – Мужчина.

Шура сел напротив. Ванечка недовольно зыркнул на него странно блестящими глазами, но ничего больше не сказал.

– Воробей-то наш хотел с собой покончить, – сообщила Лиза с такими интонациями, словно речь шла о том, что Воробей собрался купить пачку чая. – Хорошо еще охраннику по нужде приспичило, а то бы... Не дай Бог, конечно.

«На его месте мог бы быть ты, – ожил внутренний голос. – Пришел бы в клуб пораньше, когда еще никого там нет, зашел бы в сортир и стал препарировать солнечных зайчиков от запястья до локтя. И думал бы о том, что она обязательно увидит, когда санитары будут выносить тебя вперед ногами, и, может быть, пожалеет... Ванечка трус по большому счету, а ты бы успел, успел. Составил бы потом компанию тому парню – страна мертвых не самое плохое место, если вдуматься».

Шура зажмурился.

– Как прошло занятие? – поинтересовалась Лиза. Шура вдруг почувствовал, что дико устал, будто весь день разгружал уголь, причем без лопаты, а прямо горстями.

– Ча-ча-ча, – ответил он. – Ты не любишь.

И понял, что последняя его реплика почти не имеет отношения к танцу.

– Это ты учишь чаче? – подал голос Ваня. – Бли-ин, Лиза, это цирк. Он же тормоз, куда ему.

– Зато ты, как я поняла, не в меру шустрый, – нахмурилась Лиза. – Рука болит?

– Немножко.

– По голове бы тебе надавать за такие дела, да руку жалко отбить.

Ди-джей наконец поставил музыку поживее. Шура взглянул Лизе в глаза и подумал, что ей тяжело. Невыносимо тяжело. Она как будто волокла на себе весь сегодняшний день, всю его боль и радость. Шура не удивился бы появлению на ее руке стигматов, похожих на Ванины порезы – связь со всем миром обязывает, знаете ли.

– Как ты? – спросил Шура. На несколько секунд Лиза закрыла глаза.

– Не очень, Шура. Еще этот вот... птенец. Удумал.

– Я не птенец, – сразу же откликнулся Ванечка, и Шуре почему-то захотелось как следует дать ему по заднице.

– Ты зачем вены резал, дурик? – осведомился он. Ваня фыркнул.

– Шел бы ты знаешь, куда? Тормоз, блин. Два метра против ветра.

Лиза вынула из кармана пачку тонких сигарет и закурила. Шура почему-то знал, что будет дальше: они посидят так еще минут десять, а потом Лиза отвезет Воробушка домой и сдаст на руки родителям, которые будут ругать ее ведьмой и шлюхой, доводящей приличных мальчиков до суицида. А приличный мальчик Ваня будет держать ее за руку и радоваться тому, что она рядом, думая: ну и ладно, ну и пусть, зато она не прогоняет.

Лиза смотрела на него в упор. Шура не мог понять ее взгляда.

– Знаешь, у тебя не читается судьба, – промолвила она. – Никогда такого не видела.

– В каком смысле? – не понял Шура.

– Я же говорил, он тормоз, – сонно отозвался Ванечка. Лиза таки шлепнула его по сидячему месту.

– Нет четкой картины, – ответила она. – Мешанина образов, которые я не могу истолковать. Некоторые просто по логике вещей не могут принадлежать тебе.

– Это опасно? – озадаченно спросил Шура.

Лиза вздохнула и задавила сигарету в пепельнице.

– Это незнакомо.

Решение расстаться с Лизой далось Шуре нелегко.

Сначала он просто боялся. Боялся всего, что крутилось вокруг нее, боялся самой Лизы, боялся... Шура никак не мог объяснить свой страх, однако при ее появлении его охватывала настоящая паника. К тому же Ваня, который ходил на лекции подчеркнуто аккуратно, предупредил его в записке на сигаретной пачке:

«Бежал бы ты, Дылда, подальше. По-хорошему рекомендую».

Шура спрятал пачку на дно рюкзака.

В середине апреля он уволился из дворца спорта. Официальным обоснованием было наступление сессии и травма колена, справку о которой за сотню ему выписал вечно пьяный институтский врач. Студийцы устроили Шуру торжественные проводы, притащив на последнее занятие положенное количество бутербродов, вина и пластиковых стаканчиков. Лиза не пришла, и Шура невольно этому обрадовался. Ему не хотелось с ней видеться – чувствовать одновременно страх и желание, которые терзали его на тряпки. Девчонки печально улыбались, говорили много хороших слов о том, какой он, Шура, замечательный человек и тренер. Напоследок он станцевал с каждой медленный вальс, бутылки, огрызки и стаканчики были убраны в пакет, и Шура покинул дворец спорта.

Он надеялся, что дальше будет проще, и не знал, насколько ошибался. Он думал, что, удалив Лизин номер из записной книжки телефона, избавляется от причудливо нереального прошлого, и не знал, что самое интересное и страшное ждет его впереди. Шура вернулся к учебе, сосредоточенно посещал лекции и лабораторки, усиленно конспектировал пропущенное и даже умудрился поучаствовать в студенческой научной конференции, чем заслужил легкое недоумение окружающих.

Сразу после майских праздников его снова вызвали к декану. Сейчас Шура не знал за собой

никаких грехов, тетради с лекциями спокойно лежали в рюкзаке, а статью про логарифмы Бенгаузена взяли в университетский сборник, однако Гамрян посмотрел на незадачливого студента по меньшей мере так, будто Шура замышлял взорвать детский сад. Секретарша и доцент Будилин, которые собирались послушать, в чем дело, были безжалостно выставлены за дверь.

- Что случилось? - спросил Шура, не понимая уже совершенно ничего. Гамрян откинулся в кресле и гневно фыркнул в усы.

- Почти ничего, - сказал он. - Кроме того, что Голицынскую вчера хотели убить.

Шура почувствовал, как под ним дрогнул пол. Голицынскую хотели убить. Хоровод мыслей закружился в голове: убить Лизу... он вовремя ушел... Лизу хотели убить... Лизу... его Лизу...

- Кто? - спросил он и сам удивился тому, как жалко прозвучал его голос. Гамрян смотрел сквозь него.

- Я хотел спросить об этом у вас, Черников.

Бах! - услышал Шура, перед глазами мелькнул знакомый серый занавес, и Шура провалился во тьму. Впрочем, его беспамятство было недолгим: декан вылил ему в лицо стакан воды, и Шура встрепенулся.

- Вы думаете... - начал он, - что это сделал... я?

Гамрян с неудовольствием поморщился.

- И что она с вами возилась? - процедил он. - Не мужчина, а нервическая барышня. Ничего подобного я не думаю. Вы, судя по всему, и хлеб порезать не можете, не то что...

Шура вытер лицо ладонью и взглянул на декана. Хитрый и пронырливый управленец с замашками опытного ловеласа исчез неведомо куда - перед Шурой был матерый маг, от одного взгляда которого стекла схватывало инеем. Шура ощутил, что его внутренности превращаются в кусочки льда.

- Я знаю, кто вы, - прошептал он. Слова вырывались помимо его воли. - Кто вы на самом деле. Она сказала.

Гамрян на это не отреагировал никак, словно Шура вообще молчал.

- Сейчас вы расскажете мне все, что узнали о Лизиных делах. Абсолютно все. Поведение, привычки, способ бросания иглы, знакомые во всех возможных кругах. С Крамером я уже беседовал, но он, по-моему, не совсем адекватен. Итак, я слушаю.

- Кто это сделал? - спросил Шура. - Где Лиза?

Гамрян вздохнул и вынул из малахитового портсигара тонкую дорогую сигарету.

- В больнице Лиза, - ответил он устало. - С микроинсультом. Если тебя интересуют подробности, то вчера вечером в нее бросили иголку, которая должна была ее убить.

На какое-то время Шура перестал быть собой. Такое с ним бывало и раньше в минуты кризисов, например, когда отец ушел от них с мамой. Сейчас же он настолько перепугался за Лизу, что воздух был колким и хрустящим - Шура поперхнулся и всхлипнул, чувствуя, как из носа потекла теплая струйка крови. Окружающий его мир был далеким и зыбким, Шура видел все будто бы со стороны, с невероятной брезгливостью понимая, что это тело, сгусток плоти, костлявый и уродливый, имеет к нему какое-то отношение. И откуда-то издали надвигался иной мир, где абсолютно все было настолько чуждым привычной человеческой логике, что Шура испугался еще больше, понимая: он может не выбраться.

Он не понял, как пришел в себя. Гамрян смотрел на него, как рыбак на акулу, клюнувшую на ничтожного червячка в загнивающем пруду.

- Что это было? - поинтересовался декан.

- Что такое иголка? - спросил Шура и не услышал себя. Он слепо нашарил в кармане платок и начал стирать подсыхающую кровь.

- Плотный сгусток особой энергии, который используется такими, как мы, для нанесения

особо чувствительных ударов, – голос декана прозвучал будто бы из-за стены, и Шура испугался, что проваливается снова, однако обошлось. – Выглядит как обыкновенная сосулька. Лизу вчера пробили именно такой иголочкой, и теперь я хочу выяснить, кто именно это сделал.

– Я не знаю... – прошептал Шура. Гамрян посмотрел на него уже с явной неприязнью и сказал:

– Это «я не знаю» Крамер повторил мне сегодня сорок пять раз. Саша, – промолвил Гамрян, снова переходя на «вы». – Неужели она вам настолько безразлична, что вы способны только мямлить, словно недоразвитый идиот?

– Она мне далеко не безразлична, – произнес Шура, чувствуя, как в нем поднимается злость, – но я не могу вам ничего рассказать. Лиза никогда не посвящала меня в свои дела.

– Но, тем не менее, вы сопровождали ее в Москву на второе посвящение и даже вмешались в ход обряда, – сказал декан. – Или это была коллективная галлюцинация особо одаренных людей? В протоколе указано, что некий молодой человек неопределяемой эмотивной матрицы присутствовал при обряде посвящения, едва не сорвав его, а потом молниеносно исчез, прихватив с собой знающего мага Голицынскую. И вы говорите, что не в курсе?

Шура закрыл глаза, физически ощущая тяжесть свалившейся на него информации. Слишком, все это слишком; интересно, если бы он не убежал от Лизы, не оставил ее почти месяц назад, не вычеркнул из своей жизни, удалось бы ему защитить ее хоть как-то?

– Позвольте мне предположить то, что предположила госпожа Самсонова – та, которую вы схватили во время обряда, – начал Гамрян. – Вы – доверенное лицо Елизаветы Анатольевны, она держит вас в курсе своих дел и связей и именно с вами нужно общаться тому, кто хочет выяснить правду о госпоже Голицынской. Вполне возможно, что вы знаете того, у кого появился мотив для расправы. Теперь скажите, прав я или нет.

– Ничего я вам не скажу, – рассердился Шура. – Потому что на самом деле ничего не знаю. Потому что мне страшно, черт бы вас побрал. А если вам так надо меня пытать, берите и читайте мои мысли! Умеете, наверное.

Выпалив все это декану в лицо, Шура вдруг обмяк, словно из него выпустили воздух, и силы его полностью ушли в никуда – в возможность исключения, потому что говорить с деканом факультета в таком тоне довольно-таки опасно. Однако Гамрян, вопреки Шуриным ожиданиям, не стал раздувать конфликт по типу «на кого гавкаешь, салага?!» Он просто вынул новую сигарету и спокойно произнес:

– Ваши мысли, Александр, невозможно прочесть. Чьи угодно, только не ваши – уж не знаю, почему. Никто не собирается вас пытать и мучить... А если я стараюсь вывести на чистую воду того, кто попробовал убить одного из нас, моего хорошего товарища и вашу любимую, кстати, женщину, то это все-таки повод мне помочь. – Он сделал длинную паузу и добавил: – Вы не находите?

– Я не знаю, – выдохнул Шура, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Лиза лежала где-то при смерти, а он не успел, не захотел, струсил. Предал ее, если говорить до конца точно и откровенно – потому что она надеялась на него и, возможно, звала на помощь, когда серо-голубая ледяная игла входила в ее грудь на два пальца ниже левой ключицы. Гамрян молчал и виделся Шуре размытым сквозь влажную пелену. – Я... испугался ее, понимаете? Она была чересчур...

– Опасная? – подсказал Гамрян. – Необычная?

– Кажется... – предательская слеза выкатилась через нижнее веко и потекла по щеке. – Если она умрет, я... – Шура всхлипнул. Сухая когтистая лапа перехватила его горло, но он все же сумел выговорить: – Я тоже не смогу жить.

– Думаете, вы один? – грустно произнес Гамрян.

– Ничего я не думаю, – выдохнул Шура. – Ничего я не знаю.

Гамрян уселся в кресле поудобнее.

– Тогда вот вам еще одна теория – лично моя. Вы были доверенным лицом Голицынской, ее фамилиаром и любовником – уже, как говорится, до кучи. Потому что постороннему человеку она не стала бы рассказывать правды о себе, это совершенно точно. Потом – как я предполагаю – произошло нечто, из-за чего ваши отношения завершились. И вы решили

отомстить ей, но не своими руками, а с помощью, опять же, постороннего человека. Чтобы оказаться не при делах, вы расстались с ней за месяц до запланированной акции, причем ушли сами, а не она прогнала вас. Скажите мне, Александр, кем был человек, бросивший иголку – пока можно что-то исправить.

И тут Шура перестал осознавать себя, перестал понимать, что вообще происходит – разум его заволокло кровавым туманом, потому что мудрый Гамрян был прав, и все могло выйти именно так, как он говорит, потому что Шура ушел слишком вовремя... И он просто выпрямился, так резко, что уронил стул, сказал, что видел в гробу все и всех, добавил абсолютную нецензурщину – такую, что у Гамряна натурально отвисла челюсть – и вышел в коридор, с грохотом захлопнув за собой дверь. Анюта, пытавшаяся подслушивать, шарахнулась от него, словно от зачумленного. Шура сбежал по лестнице, выскочил в вестибюль и, оттолкнув какого-то заморыша, вырвался из института, абсолютно не зная, что делать и куда идти. Туман в голове не рассеивался, Шура шел, не разбирая дороги, ведомый тем первобытным чувством, которое не позволяет падать, а в висках стучало только: Лиза. Лиза. Лиза.

Он не помнил, да и не понял, как оказался в зачуханной медсанчасти на окраине города, не знал, как подошел к стеклянным дверям палаты на восемь человек... Лиза лежала на койке возле окна, и Шура не сразу узнал ее в бледной исхудавшей женщине, не имевшей ничего общего с Лизой из его памяти. Он вообще опознал ее по Ване Воробушку, который сидел на соседней койке и в лицах читал «Вождя краснокожих». Соседки по палате, в основном тетки за сорок, дружно хохотали.

Шура привалился к стене. Стеклопакеты были той гранью, которую он не мог пересечь, пусть даже эта грань существовала только в его воображении. Он словно бы превратился в вампира, что не имеет права войти в комнату без приглашения – он сам отказался от этого права, испугавшись того, что привычная жизнь чересчур быстро слетела с накатанной колеи. И теперь Лиза лежит на койке под серым больничным одеялом, а он, Шура, не будет с нею, не прочитает ей книжку. Ваня вскинул голову и посмотрел, как показалось Шуру, чуть ли не ему в глаза, а потом, закрыв книжку, что-то тихо сказал Лизе и почти выбежал в коридор.

– Дылда, сукин сын, – прошипел Воробушек, схватив Шуру за рукав и натурально оттащив от палаты метра на три по коридору. – Ты какого черта приперся? Тебе чего надо, паскудина ты долговязая?

– Не ори, – мрачно посоветовал Шура. – Как она?

Ваня выпустил его рукав, а потом нашарил в кармане смятую сигаретную пачку и буркнул:

– Пошли выйдем.

На больничном крыльце он закурил и сказал:

– Плохо она. Совсем плохо, – Воробушек затягивался нервно и глубоко, по-женски; Шура заметил, что его пальцы дрожат. – Гамрян меня спрашивал, кто бы это мог быть, а что я знаю?

– Он и меня спрашивал, – вздохнул Шура.

– Вот ты, кстати, можешь быть в курсе, – Ваня сломал-таки сигарету и полез за новой. – Она с тобой ближе общалась.

– А с тобой она работала, – вставил Шура.

Ваня кивнул, не собираясь отрицать очевидное.

– Однако меня она не любила.

Шуру во всем этом что-то настораживало. Ваня слишком изменился – оставаясь прежним, слегка диким и вспыльчивым пареньком в вечном подростковом возрасте, он приобрел какую-то внутреннюю уверенность и жесткость, которая не лезла в глаза, но которую Шура ощущал очень четко.

– Расскажи, что вообще произошло, – попросил Шура. – А то Гамрян что-то нес про какие-то иголки. Ничего не понимаю.

Ваня презрительно фыркнул: мол, чего от тебя ждать, однако же снизошел до объяснения.

– Иголка – это такая мерзость для дистанционного убийства. Ее бросают, и человек в течение нескольких дней умирает. От естественных причин.

- Ну и вытащить ее, - предложил Шура. Ваня приподнялся на цыпочках и постучал ему кулаком по лбу.

- О ты, блин, умный. Надо думать, Гамрян уже все вытащил. Но последствия-то остаются, неважно вообще, есть иголка в теле или нет. И поэтому у Лизы на самом деле проблемы. У тебя, кстати, тоже.

- Ты чего несешь, Воробей? - нахмурился Шура.

- А чем докажешь, что это сделал не ты? - съязвил Ваня. - На иголке не написано, кто ее автор. А ты как-то очень вовремя от всего отстранился.

- Сейчас в зубы дам, - не вытерпел Шура. Подозрения какого-то Вани Крамера были для него совершенно невыносимы.

- Вот-вот, - хмыкнул Ваня. - Это тоже чего-то подтверждает.

- Сам же мне записку написал, чтобы я уходил.

Ваня индифферентно дернул плечом.

- Ну и что? Я же не знал, что такое случится.

- Гады вы, - сказал Шура. - Что врач говорит?

Ваня выкинул окурок в урну и сплюнул на траву, свесившись через перила.

- Такая молодая, а уже insult, чего он еще скажет?

- Я к ней зайду, - сказал Шура, на что Ваня скрутил ему шиш и сунул под нос.

- А вот это хрен тебе. Ей волноваться нельзя.

- То есть не пустишь?

- Не пущу.

Шура удивился вторично: истеричный подросток исчез бесследно, сейчас перед ним стоял хмурый молодой человек, прямая иллюстрация к выражению «только через мой труп» - и было ясно, что он действительно костями ляжет, но Шуру к Лизе не пустит. Рыцарь, защищающий слабых и несчастных от дракона.

- Ладно, - сказал Шура. - Привет передавай.

- Непременно, - ухмыльнулся Ваня. - Иди давай... дылда.

Шура взглянул на него: маленький, тощий и неприметный, с торчащими ушами и неправильным прикусом, в старенькой футболке и тертых джинсах. Что же в нем такое было, что Лиза доверяла ему и вернула к себе, прогнав однажды? Ведь не глупый же шантаж с попыткой самоубийства. Шура вздохнул.

- Пока.

Ваня хмыкнул и показал ему исцарапанный кулак.

- Даже не суйся, понял?

- Понял, - ответил Шура и побрел по дорожке к выходу с больничной территории. Ему очень хотелось обернуться, более того - вернуться, войти в палату на первом этаже и, оттолкнув Ваню, обнять Лизу, словно все осталось по-прежнему.

Он не обернулся.

Шура знал, где Лиза хранит запасные ключи - в ее подъезде были горшки с цветами, в том числе с роскошным фикусом, и, если разворошить землю, то можно было добыть искомое - ключ от входной двери. Вечером Шура решил-таки совершить то, что на официальном языке именуется незаконным проникновением в жилище: честно говоря, он и сам не знал, зачем это ему нужно, и что он собирается найти.

В подъезд он вошел вечером, пристроившись следом за девчужкой, возвращавшейся с

прогулки с пекинесом. Девчушка вошла в квартиру на первом этаже, Шура поднялся выше. С легким ужасом он сунул пальцы в цветочный горшок, боясь, что ключа там не обнаружится, однако он был там. «Это взлом», – не преминул встрять внутренний голос, однако Шура не обратил на него внимания и вставил ключ в замочную скважину.

Дверь открылась легко.

Шура вошел в темный коридор, и на какое-то мгновение его накрыло: весенняя ночь, рыдающая девушка, я никогда и никому не дам тебя в обиду. Он постоял, не двигаясь, словно привыкал к жилищу, а затем прошел в комнату.

Здесь был полный беспорядок – такой, какой остается после того, как человека забирают в больницу. Вещи собирали второпях, отбрасывая ненужное прямо на пол, какие-то бумаги валялись на диване – видимо, кто-то искал среди них паспорт и полис, а вот эту табуретку свалили просто впопыхах и не стали поднимать. В сумерках вещи были расплывчатыми и, казалось, двигались, пытаясь занять новые места. Шура протянул руку и включил свет. Полный и абсолютный раздрай, словно в этой квартире никогда не делали уборку. Вздохнув, Шура отправился в спальню Лизы.

Он был там лишь однажды, в предраассветной мгле, когда зашел разбудить Лизу, отправляющуюся на второе посвящение. Стоя на пороге спальни, Шура вдруг отчетливо увидел спящую девушку, что лежала на постели поверх покрывала, свернувшись калачиком и уткнувшись лицом в сгиб руки, будто отворачиваясь от окружающего мира. Шура тогда склонился над ней и коснулся влажного теплого плеча, и Лиза, даже не шевельнувшись, спросила совершенно бодрым голосом: «пора?» В то утро Шура не успел рассмотреть спальню как следует и сейчас видел, что это маленькая, чуть ли не тесная комнатка, скромная и уютная. Он подошел к столу – наверное, именно за ним и сидела Лиза в тот момент, когда ее настигла иголка: книги и листы бумаги были сдвинуты и чуть не падали на пол. Шура увидел снова: Лиза хватается за пробитую грудь, судорожным движением отталкивая от себя книгу и этот толстый журнал, будто пытаясь дать доступ воздуху, потом соскальзывает со стула и буквально растекается на ковре. Именно в таком состоянии и обнаружил ее Ваня, пришедший в гости буквально через десять минут, он ее и спас, вызвав скорую и довезя до больницы, а она пыталась что-то сказать ему и врачам, но мысли и слова ее путались.

Шура поправил книги и положил белые листки, исписанные красивым ровным почерком, аккуратнее. Она готовилась к экзамену? Журнал «Вопросы психологии», потертый талмуд с истрепанными закладками – Шура раскрыл его в том месте, где лежала тонкая деревянная пластинка с иероглифами и прочел:

Даэраной называют человека, склонного к повышенной внушаемости и психологической восприимчивости. Название происходит от арабского daeranah – пустое зеркало: некоторые суры Корана называют подобное существо человеком без свойств, который якобы не способен физически испытывать чувства и эмоции. Он отражает чувства и эмоции окружающих людей, считая их своими собственными.

Абзац был жирно отчеркнут оранжевым маркером.

Шура перевернул страницу. Не то чтобы тема заинтересовала его сама по себе – он просто хотел узнать, чем занималась Лиза, прежде чем упала от удара.

Как правило, это хорошо воспитанный, интеллигентный человек. Отсутствие личных чувств и эмоций окружающие принимают за умение владеть собой в любых обстоятельствах.

Три восклицательных знака на полях.

Антуан Мерсье предлагает несколько остроумных способов распознавания даэраны. К примеру, у него надо спросить о любимой мелодии, и даэрана затруднится с ответом, поскольку не имеет собственных пристрастий.

Рядом с текстом почерком Лизы было написано:

Не любит музыку. Музыка только обеспечение танца.

Тут Шуру, что называется, пробрало. Он вспомнил разговор с Лизой о музыке. «Какая мелодия у тебя на мобильнике?» – не он смог ответить, не помнил, ему было безразлично. Шура вытащил телефон и надавил кнопку с изображением ноты. Мелодия называлась Raindrop Sonata и была загружена в качестве звонка еще на фабрике – простенький легкий би-боп,

который Шура даже не задумался сменить на что-то другое.

Наука не может объяснить реальное существование подобного человека, тем не менее, в психологии есть такой термин, как «синдром даэраны», то есть некритическая и абсолютная подверженность внешним влияниям: моде, политической и религиозной пропаганде и т. д.

На этом параграф заканчивался. Шура отложил книгу и придвинул к себе «Вопросы психологии», открытые посередине. Статья, которую читала Лиза, называлась «Синдром даэраны в сфере влияния масс-медиа».

...мнение представителей PR-групп путем умного внушения принимается потребителем за свое собственное. Стоит популярной телеведущей заявить, что марка Garbage это модно и стильно, то вещи с таким лейблом сразу же начинают расходиться, как горячие пирожки, хотя в вопросе качества они с большим отрывом уступают самой дешевой китайской продукции. Мы можем назвать синдром даэраны побочным продуктом рекламы, однако...

Шура не стал читать дальше. Захлопнул журнал, оттолкнул от себя, словно омерзительное насекомое. Совершенно незачем вникать в то, что не имеет к нему никакого отношения, мало ли что там напридумывали теоретики для оправдания своих теорий. Ну да, он равнодушен к музыке, и что?

Шура вскинул голову и обнаружил, что за окнами уже ночь – темная бархатная ночь поздней весны, вызревающей в лето. Среди кустов казавшейся призрачной цветущей сирени заходилась трелью соловей. Шура видел свое отражение в оконном стекле: хмурый юноша отчего-то сбит с толку, однако пытается взять себя в руки. Разве он не чувствует? Разве он не ощущает всем сердцем томную прелесть этой ночи? Разве у него не шевелятся волосы на затылке, когда он вспоминает, как занимался любовью с Лизой? Или все его чувства и ощущения, все его эмоции – только отражение движений чужих душ?

Ему показалось, что он задыхается, погружаясь в невидимую зловонную и давящую пучину. Опустив взгляд к исписанным листам бумаги на столе, Шура прочел:

Александр Александрович Черников. Родился 4 января 1988 года в Ярославле. Студент факультета механики, математики и информатики Турьевского Государственного Института Педагогике и Психологии им. Л. С. Выготского, гр. 1-в. Адрес: город Турьевск, ул. Капитана Громова, дом 118 квартира 29. Серия и номер паспорта: 70 97 009106. Группа крови А+.

Шура услышал, как его сердце стукнуло и на пару секунд остановилось. Читать дальше он смог только через несколько минут – когда сумел-таки взять себя в руки и принять идею того, что Лиза собирала на него досье.

Сфера интересов: математика и информатика, балльные танцы (бывший руководитель балльно-спортивного направления в студии «Стиль»). Семья: мать, Черникова Ольга Дмитриевна, 1956 г.р.; отец, Черников Александр Максимович, 1959 г.р. – разведены с 1997 года.

Дальше пошла совершенная галиматъя, место которой было скорее в фантастическом романе, чем в документах подобного рода.

Натальная карта: составление затруднительно по неизвестным причинам. Анализ родословной по методу Курмангалиева: способностей-В у родственников до седьмого колена не зарегистрировано даже в латентном состоянии. Прочтение судьбы: не читается, отражается большей частью персональная судьба гадателя и факты, которые принадлежат иным людям.

Он хотел сказать банальное: «Лиза, как ты могла», но не сумел вымолвить ни слова. Некоторое время Шура сидел неподвижно, глядя на свое отражение в оконном стекле и слушая соловья, а потом раскрыл книгу с закладками в самом начале, разложил перед собой листы бумаги и принялся за чтение.

Шура проснулся ранним утром и в первую блаженную минуту бодрствования думал: как же хорошо. Потом реальность навалилась на него тяжелой пуховой подушкой, и Шура вспомнил, что уснул прямо за столом в квартире Лизы, что она собирала на него досье, выкопав такие детали, каких Шура и сам о себе не знал, и что, возможно, он не просто человек, а реликт и мутант без чувств – даэрана.

Потом Шура понял, что чуть ниже затылка в его голову упирается пистолет, и проснулся окончательно.

- Так-так-так, - вразяжку проговорил мужской голос. - И кого же это мы видим?

От банальной сериальности происходящего Шура едва не рассмеялся. «Так-так-так, и кого же это мы видим? Один из этих придурков братьев Санчес вскрыл кабинет Босса и додумался уснуть прямо там». Но на самом деле ему было страшно. Очень страшно. «Хрен вам, а не даэрана, - подумал Шура, - этот страх - мой. Я обычный человек».

Дуло пистолета опустилось чуть ниже.

- Ну надо же, сам Александр Черников, - вальяжно произнес голос. - Просто изумительно! Вставайте, дорогой мой, утро на дворе.

Пистолет убрали, и Шура обернулся. Позади стоял высокий сухощавый блондин хорошо за тридцать, одетый в выдавшую виды мятую рубаху, тертые джинсы и новенькие щегольские ботинки. В руке он держал пистолет, рассматривая его с таким озадаченным видом, словно не мог понять, как эта штука к нему попала.

- Так-так-так, - насмешливо повторил мужчина. - И что же это вы тут делали? Искали цацки и заснули?

«Придурок», - подумал Шура и спросил:

- Вы кто?

- Я? - переспросил мужчина и поднял глаза к потолку. - Я - Эльдар. Сосед. Поливаю цветы в отсутствие хозяйки.

- Что же табуретку не подняли? - хмуро поинтересовался Шура.

Эльдар ухмыльнулся, и Шура стало еще страшнее.

- Договора не было, мой милый. Только цветочки. И вот я захожу и вижу еще один цветок, который был настолько беззаботен, что включил свет почти во всех комнатах, да и дверь входную не закрыл. Как поступим?

Он вскинул руку так, что дуло пистолета стало смотреть Шура в переносицу. Он почувствовал, как по спине стекает капля пота; а ведь этот Эльдар спустит курок.

Однако чокнутый сосед, выдержав зловещую паузу, лучезарно улыбнулся и убрал оружие - Шура не сдержал выдох облегчения.

- Идите на кухню, мой хороший, - пригласил Эльдар. - Обсудим нынешнее течение дел.

Шура подчинился.

На кухне царил образцовый порядок, чему Шура отчего-то не удивился. Эльдар поставил чайник, снял с полки кружки с нарисованными потешными животными и бросил туда заварочные пакетики и пилюли сахарозаменителя, все время мурлыкая что-то джазовое себе под нос. Шура следил за его манипуляциями, прикидывая, как бы удрать - общение с вооруженным психопатом не доставляло ему радости. Наконец Эльдар разлил кипяток по кружкам и спросил:

- Что хочет в данной ситуации Гамрян?

- Узнать, кто организовал покушение, - коротко ответил Шура. Тому, что полоумный сосед знает про Гамряна и вообще в курсе всей ситуации, он даже удивляться не захотел.

Эльдар кивнул, словно прекрасно знал об этом раньше, и широким жестом указал на табурет.

- Вы присаживайтесь, Саша. Нам предстоит долгая беседа. - Когда Шура сел за стол, Эльдар продолжал: - Что хотите в этой ситуации вы и ваш товарищ, Крамер?

- Узнать, кто организовал покушение, - повторил Шура.

Эльдар удивленно вскинул белесые брови.

- А вам это зачем?

Шура нахмурился.

- Послушайте, если вы намекаете...

- Я никогда и ни на что не намекаю, - перебил его Эльдар. - Я всегда говорю в открытую. Вот вам правда Эльдара Поплавского: вы ушли от Лизы, не желая больше иметь с ней никаких дел. Значит, вас ни с какой стороны не касается то, что с ней происходит. Так?

Шура молчал, разглядывая васильки на клеенчатой скатерти.

- Так? - спросил Эльдар, и в его голосе звякнул металл.

- Так, - кивнул Шура.

- Тем не менее, вы ходили к ней в больницу и сейчас вы находитесь в ее квартире, в которую проникли совершенно незаконно. Значит, с какой-то стороны вас все-таки касается происходящее. Я прав?

Шура не ответил, и Эльдар сказал:

- Я прав. Как всегда. И то, с какой стороны вас касается вся эта история, мы сейчас и выясним.

- Со мной в последнее время все что-то выясняют, - пробормотал Шура.

Эльдар криво улыбнулся.

- Интересный вы человек, Саша, вот и выясняют. Необычный человек. Не совсем человек. Совсем не человек.

- Вы псих, - мрачно промолвил Шура.

Эльдар скривился.

- Я это уже слышал. Много раз, - он позвякал ложечкой в кружке, сделал глоток чая и довольно улыбнулся. - Начнем с того, что у вас неопределяемая эмоциональная матрица и не поддающийся опознанию психотип. Вероятно, из этого следует нечитаемость судьбы - так предположила Лиза с самого начала. Случай, разумеется, не самый распространенный, однако же и не редкость. Лично меня во всей этой ситуации насторожило вот что. Вспомните, пожалуйста, что вы почувствовали, когда разговаривали с Крамером - перед тем, как он порезал вены.

- Мрак, - коротко ответил Шура. - Депрессию. Безысходность.

- Правильно, - кивнул Эльдар. - Вены вам покромсать не захотелось, с ним-то на пару? Малыш ведь тогда неделю сидел на антидепрессантах, типичный, кстати скажем, суицидник... Но мало ли таких, как он, на свете, правда?

Шура кивнул.

- А потом Лиза рассказала мне, как подобрала вас после скандала с мамой и привезла в этот пафосный кабак, «Двери в небо». Сначала, у подъезда, вы были почти невменяемы, в истерике, слезах и соплях. Но вот что интересно: чем дальше вы отъезжали от дома, тем спокойнее становились. Буквально за пять минут ваше состояние изменилось на диаметрально противоположное. Интересно, правда?

- Вы хотите сказать, что я - даэрана? - поинтересовался Шура.

Эльдар всплеснул руками.

- Господи, как приятно иметь дело с умными людьми с почти высшим образованием! Сами читают, сами делают выводы. Конечно, Сашенька, вы типичный даэрана, насколько я могу судить: пустое зеркало, чистый разум, человек без чувств. Отражаете чужие эмоции, живете по социальным установкам, нормам и правилам, а также схемам, которые берете в наблюдениях за людьми.

Шура закрыл глаза.

- Когда вы хотели меня застрелить, я чуть в штаны не навалил, - открыто признался он. - А вы в тот момент были абсолютно спокойны. Не укладывается в вашу теорию, - он сделал паузу и

язвительно добавил: – Правда?

– А вы не путайте эмоции и инстинкты, – невозмутимо откликнулся Эльдар. – Жить хотят все. Трахаться хотят все. Кушать хотят все. Даэраны в том числе. Так что поздравляю – вы даэрана.

Шура сжал виски так, что в глазах потемнело. Не испытывать чувств. Не понимать истинного значения эмоций. Быть логичным и правильным, быть живым компьютером, анализируя варианты поведения и отбирая среди них лучший – безошибочный. Любить, дорожить, ненавидеть – не самому, просто отражая чужую любовь, тоску, ненависть.

– Нет уж, – уверенно произнес Шура. – Она мне предсказала, что меня гопники побьют. И где же нечитаемая судьба, по-вашему?

Эльдар усмехнулся. Шуру кольнуло легким морозцем.

– А она смотрела не вас, а одного из тех малолеток. Сын ее товарища, она приглядывала за ним.

Шуре хотелось закричать. Однако он промолчал, преувеличенно внимательно рассматривая чашку с чаем. Эльдар ждал, невозмутимо уставившись на Шуру.

– Кто бросил иголку в Лизу? – наконец спросил Шура. – Вы в курсе?

– Я в курсе всего, – хладнокровно проронил Эльдар. – Такой уж я человек. Иголку бросил наш коллега, который узнал о существовании такого реликта, как вы, и поспешил затеять передел собственности.

«Все из-за меня, – подумал Шура. – Если бы не я, Лиза была бы сейчас здорова. Всегда все всем порчу».

Он вздохнул и спросил:

– Кто он?

Эльдар усмехнулся.

– А уже никто, – и выложил на стол пистолет.

Шура похолодел снова.

– Крайние меры? – выдавил он.

Эльдар презрительно дернул плечом.

– Вы слишком мелодраматичны, мой дорогой. Ну, крайние меры, и что такое? Теперь, во всяком случае, никто не знает о том, кто вы такой, и что искала Лиза в библиотеках. Кроме меня, разумеется.

Сказать, что Шура было не по себе – значит, сказать слишком мало. Он с трудом сдерживал желание сорваться с места и убежать, куда глаза глядят. Опасался Шура только одного: что выстрел в спину прервет его побег в самом начале.

– Зачем я был ему нужен? – выдавил Шура.

Эльдар посмотрел на него, словно на полного идиота – наверное, так же сам Шура смотрел на Эльдара.

– Но вы же читали ее книги. Разве непонятно, зачем нужен магу даэрана?

«Огромный аккумулятор энергии, – вспомнил Шура одну из записей Лизы. – Проводник силы, возможность сделать колоссальный объем работы без отдачи».

– Батарейка, – прошептал он.

Эльдар пожал плечами.

– Ну... почти. Если упрощать.

– Я не даэрана, – тихо и твердо сказал Шура. – Я самый обычный человек. Я чувствую, что бы вы ни говорили по этому поводу. – Он вдруг понял, что его губы дрожат. – Я человек, хотите вы

того или нет.

Эльдар посмотрел на него с усталой печалью.

- Поразительно, Саша, - вымолвил он. - Поразительно, как вы цепляетесь за то, о чем не имеете ни малейшего представления. Чувствуете? Что вы чувствуете? Вам плохо потому, что ситуация того требует. И хорошо по той же самой причине. Вы чистый разум, Саша, эмоции вам не нужны. Вы прекрасно обошлись без них, уходя от Лизы.

- Неправда, - тихо вымолвил Шура. - Это не вам решать.

Эльдар презрительно фыркнул.

- Ну конечно, вам-то оно виднее. Только вспомните, пожалуйста, еще одно имя.

Шура поднял голову и посмотрел на Эльдара в упор, заметив, что глаза у него, вопреки стереотипу блондинистой внешности, темно-карие.

- Какое имя? - проронил Шура.

- Лариса Воробьева, - устало промолвил Эльдар.

Парк был пуст, там по понедельникам проводили санитарный день, и по дорожкам не ходили гуляющие, на спортплощадке не играли в теннис и в баскетбол, а уж здесь, у пруда, среди зарослей, тем более никого не было: ни влюбленных, ни собак, выгуливающих владельцев.

Шура упал в траву, как подрубленный, и долго лежал неподвижно. словно поваленное дерево, как сломанная кукла, как марионетка, у которой безжалостным ударом острых ножниц отстригли ниточки.

«Почему компьютеры иногда выходят из строя без ясной причины? Понимает ли ноутбук, чем отличается от владельца? Снятся ли андроидом механические овцы?»

У внутреннего голоса были слегка сумасшедшие интонации Эльдара.

Конечно, Шура помнил Ларису. Она училась на три класса младше, и они были влюблены друг в друга просто по уши. У них, разумеется, до интима не дошло: Ларисины родители узнали о «взрослом» ухажере дочери и встали на дыбы. Срочно найдена была столичная дальняя родня, и Ларису перевели от греха подальше в дорогой московский лицей с углубленным изучением естественных наук.

«Что самое интересное: на другой день после расставания вы к ней остыли. Даже не написали, хотя и обещали. Она уехала, и вы не смогли отражать ее чувства. Разве не так?»

«Почему? - спросил Шура. - За что? Почему я должен страдать так? Что я сделал плохого, чтобы так мучиться?»

«Страдать не совсем по твоей части. Ты думаешь, что страдаешь - оцени разницу».

«Мне действительно больно. Очень больно».

«Это просто вирус, - усмехнулся внутренний голос. - Сбой, который позволяет понять разницу между daeganah и homo. Не больше».

Шура открыл глаза.

День склонялся к вечеру - изумительному, уже совсем летнему вечеру, тихому и теплому. Ветер играл с жучками в догонялки среди высоких травяных стеблей, ласточки танцевали венский вальс на синем паркете неба, и в пруду весело плескалась рыба. В незатейливом и простом мире все было согласовано и идеально подогнано друг к другу, всему нашлось место - и людям, и магам. Шура был абсолютно один в этом вечере и в этом мире, совершенно один на земле - и именно от этого воистину космического одиночества ему захотелось плакать.

«Почему, - устало подумал он. - Почему я. Разве это честно...»

«А с чего ты взял, что в этом мире вообще существует такая вещь, как честность? Тем более, для тебя?»

Где-то далеко были люди. Лариса, уже старшеклассница, наверняка забывшая свою провинциальную любовь. Многомудрый Гамрян, ломавший голову над мотивом расправы с

Лизой. Лиза, лежащая на больничной койке, выздоравливающая после удара. Ваня, ее верный порученец, сохранивший расположение и дружбу. Все они были связаны множеством невидимых нитей, всех их держали узы – родства, товарищества, сути. А он, Шура, был одинок – потому что на всем белом свете не нашлось существа, подобного ему.

– Я последний, – выговорил он вслух. – Я последний даэрана, реликт природы и вывих мироздания.

Примерно то же самое сказал ему на прощание Эльдар. Реликт. Очень дорогой реликт. А что обычно случается из-за подобных действительно бесценных диковинок?

Шура сел.

За два года до кончины Пророка семеро могущественных магов Каира начали междоусобицу из-за существа, называемого даэрана. Это существо суть могучий талисман, дающий знающему магу необыкновенную силу и власть. Но любому искушенному в магическом ремесле надлежит помнить: даэрана приносит в сообщество магов раздор и хаос. Даэрана есть великий соблазн, противостоять коему почти невозможно, поскольку это создание увеличивает силы мага, преломляя естественные токи энергий на пользу своего владыки. Однако следует помнить, что из каирских магов не уцелел ни один: мудрецы погубили друг друга...

Этот текст был написан на клочке бумаги, который Шура взял в руки перед тем, как уснуть. Он прочел его с трудом: дореволюционная орфография под утро казалась натуральной китайской грамотой. Ровные строчки, набросанные изящным мелким почерком, словно бы вспыхнули перед глазами Шуры, и он почувствовал, как его пробирает холод.

Война.

Собирая информацию, Лиза перелопатила множество источников, и интерес к теме наверняка был замечен кем-то, кто сумел сложить два и три и понять, что даэрана – отнюдь не психологический термин, не миф, а реальность. Пусть Эльдар успел «применить крайние меры» (Шура поежился), так это вовсе не значит, что покушавшийся на Лизу – одиночка, вполне возможно, что придут и другие. Кстати, неизвестен интерес самого Эльдара в этом деле.

Шура съежился, обхватил плечи ладонями. Захотелось вдруг стать маленьким и хрупким, спрятаться куда-нибудь под одеяло, в темноту, тепло и тишь, как в детстве, когда он болел ангиной, лежал в кровати, а мама готовила ему чай с малиновым вареньем и читала сказки, сидя рядом. Нет уж, дорогой мой, хмыкнул наступающий вечер – война на носу, и прятать голову в песок не самая лучшая идея.

«Что же делать, – подумал Шура устало и опустошенно. – Что же мне теперь делать?»

Потом он почувствовал, что больше не один, и обернулся. Под деревом неподалеку стоял немолодой уже мужчина с артистическим холеным лицом и в очень дорогом костюме, рассматривая Шуру с нескрываемым интересом. Было в нем что-то такое, что напомнило Шуру Гамряна. Он отвернулся и стал смотреть на пруд. Через некоторое время холеный подошел и сел в траву рядом, не жалея брюк.

– Здравствуйте, Саша, – его голос был гулким и хорошо поставленным. «Точно, он актер», – подумал Шура.

– Здравствуйте.

Помолчали.

– Прекрасное место, – сказал мужчина. – Курю, знаете ли, по две пачки в день, а тут даже курить не хочется. Вам уже все рассказали, не так ли?

– О чем? – выдавил Шура.

– О вашей сути.

Шура кивнул. Холеный вынул-таки из кармана пиджака портсигар и вытащил темно-коричневую сигару.

– Вы курите? Угощайтесь.

Шура отрицательно покачал головой, и холеный захлопнул портсигар и щелкнул зажигалкой. Сладковатый дым лизнул Шуру ноздри.

- Как вы? - спросил холеный.

Шура резко вскинул голову и обжегся о холодный взгляд льдисто-голубых глаз.

- О чем вы? - осведомился он.

- О том, что вам сейчас невероятно тяжело. Кстати, совсем забыл: Максим Пономарев, знающий маг. Вы в курсе нашей классификации?

Шура кивнул. Маги, ведьмы, классификации... как хорошо было бы никогда с этим не сталкиваться, быть обычным студентом, вести кружок танцев. Воспоминание о жизни до-Лизы кольнуло так, что он поморщился и машинально потер грудь слева.

- Больно? - заботливо спросил Пономарев, и было в этом что-то такое, отчего Шура вдруг понял: вот оно, то ощущение, которое он пытался найти. Сидишь рядом с отцом и можешь поговорить с ним обо всем. Почему я такой, папа?

- Мой сын погиб два года назад, - тускло откликнулся Пономарев. - Покончил с собой. Он был вашим ровесником.

Отражение чувств того, кто находится рядом, мелькнуло в голове. Погасло. Он слишком устал, чтобы думать, чувствовать, бороться. Оставалось просто сидеть на берегу пруда и слушать, как неспешно бредет мимо лето.

- Вы знаете, что произошло с Голицынской?

Шура вздохнул.

- Ее пытались убить из-за меня.

Пономарев усмехнулся. Жестко. Нехорошо.

- Хотите ей помочь?

Потолок был очень высоко и постоянно кружился, плавал и исчезал в белой влажной пелене, чтобы вернуться и почти вдавить в себя.

Встать.

Тело не слушалось, тело было чужим и странно вялым, словно все мышцы вдруг превратились в растрепанные шерстяные нити. Встать.

Он смог только шевельнуть пальцами левой руки. Все. Боль пришла сразу же - спрыгнула с потолка, впилась ледяными иглами в грудь, принялась крутить и сжимать. Это была ласка, но невыносимо тяжелая и злая.

Лиза...

- Он умирает, - донеслось из белой пелены. Это я, со странным безразличием подумал Шура. Это я умираю.

- Где мы ошиблись?

- Да нигде, он слаб оказался.

Это обо мне...

- Да, это о тебе.

Женщина - высокая, черноволосая, ослепительно красивая - склонилась над ним, провела прохладной ладонью по лицу: боль заворчала и откатилась в сторону. Не ушла совсем, но отпустила.

- Ты умираешь, Шура. Запечатление прошло, но ты его не вынес.

Запечатление? Что это?

Он вспомнил.

Небо темнеет. Солнце по-прежнему в зените, но само небо становится темно-фиолетовым и беззвездным. Солнце пылает белым раскаленным шаром, брызжет в глаза острыми злыми лучами. Шура поднимает руку, пытаюсь заслониться от разъедающего света, и тогда Пономарев ударяет его наотмашь нестерпимо сияющей серебряной плетью.

- Thor tumi niim cea loo foram.

Слова звучат низко и гулко. Шура падает на колени в грязно-рыжий песок, чувствуя, как его вытягивает из тела. Обугленными тряпочками слетают на землю стрижи, вода в пруду чернеет, и обваренные рыбы всплывают белыми брюшками вверх: в их выкатившихся глазах – ужас.

- Naarme nihor smi dharana cea loo foram...

Шуру поднимает в воздух и швыряет вниз. Он видит себя со стороны: скорчившееся тело, опутанное сияющими нитями; он видит Пономарева, который сжимает в руке плеть и лупцует его, Шуру. Грохочет гром...

- Nieh tshur naere nihor thin ngalame cea loo foram...

Больно. Невыразимо.

Женщина мягко гладит его по щеке.

- Потерпи. Еще немного.

Я окажусь в стране мертвых? Там, с братом Лизы? Лиза...

- Ты хотел ей помочь?

Боль встрепенулась, стиснула горло. Помочь... помочь Лизе...

- Он обманул тебя, Шура. Запечатленный даэрана никому не может помочь, кроме своего ведущего. А ты не знал и купился на это. Когда стало ясно, что ты даэрана...

Нет, молчи. Пожалуйста.

- Он просто сыграл на том, что было для тебя важно. Крайне важно.

У боли были хрусткие ледяные пальцы – она проникла в грудь, сжала сердце. Шура завыл, изогнулся, рухнул в белое. Ладонь женщины легла на его лоб.

- Еще немного, Шура. Скоро.

- Все, отходит.

- Жаль, конечно. Таких больше не будет. Упустили парня.

- Не судьба. Говорят, он танцевал хорошо.

Это меня упустили. Это я танцевал хорошо.

Тьма.

Шура окончательно пришел в себя сразу после того, как непоседливый солнечный зайчик прыгнул на его щеку. Открыв глаза, Шура обнаружил, что лежит в постели в незнакомой комнате, которая показалась ему чем-то средним между гостиничным номером и больничной палатой – чисто, аккуратно и необитаемо, что ли.

Комната была пуста.

Шура попробовал поднять руку, и у него это почти получилось – во всяком случае, пальцы дрогнули, сжались и разжались. Тотчас же руку от запястья до кисти пронизало болью – как ударом тока.

«Что со мной?» – подумал Шура и вспомнил: белая боль, темноволосая женщина, ты умираешь... Небо темнеет...

«Я все-таки не умер», – подумал Шура. Мысль была вялой и неприятной, словно позавчерашняя вареная макаронина – будто бы принадлежала не ему. Шура попытался повернуть голову к окну – и повернул: за окном была осень, солнечный – октябрьский? – день: золото берез плавилось в голубом.

«Эк меня хватило», – так же лениво подумал Шура. Мелькнуло: запечатление, упустили парня, танцевал хорошо. Думать не хотелось. Шура закрыл глаза.

– Для начала: вы обладаете потрясающими возможностями. Лиза сможет забыть обо всех своих бедах, и ни одна живая душа не посмеет ее тронуть – если вы примете себя таким, какой вы есть и начнете развиваться.

Пономарев докуривал уже третью сигарету. Шура казалось, что время застыло.

– Почему вы все это делаете? – спросил он. – Почему хотите ей помочь?

Пономарев усмехнулся – печально, горько.

– Потому что она Голицынская – только по матери.

Шура аж икнул. Помолчали.

– Вы подарили ей хорошую машину, – выдавил наконец Шура.

Пономарев задавил окурочек о подошву ботинка и полез в карман за портсигаром.

– И он тебя обманул, – отозвалась темноволосая красавица. – Настоящие родители Лизы – деревенская пьянь. Она ездила к ним пару лет назад, и они ее не узнали.

Шура почувствовал прикосновение к руке. Рядом обнаружилась немолодая дородная женщина в белом халате. Увидев, что Шура смотрит на нее, она улыбнулась и спросила:

– Проснулся? Как себя чувствуешь?

– Не знаю, – проговорил Шура. Голос будто бы слежался в горле и казался чужим.

– Сожми мои пальцы, – предложила женщина. – Так сильно, как только сможешь.

Шура не смог – рука чуть-чуть оторвалась от простыни и безвольно упала. Женщина понимающе качнула головой.

– Ну, отдыхай, – сказала она. – Спи.

– Где я? – спросил Шура.

Женщина улыбнулась, и в ее взгляде мелькнула тень, которой Шура не понял.

– В больнице, – просто ответила она. – В больнице для своих.

Шура поморщился.

– Какой... Какой сегодня день?

– Четвертое октября, – промолвила женщина. – Ну спи, спи.

И она вышла.

Тебя обманули, продолжала темноволосая. Он получил твое согласие – потому что любовь тоже сила, которую нельзя игнорировать.

Лиза.

Он вспомнил: девушка в восточном наряде, девушка перед зеркалом в танцзале, девушка в его руках... Лиза.

Я изменился? Я стал другим, сгорел на берегу, умер во время запечатления? Я уже не я?

Лиза.

Он звал ее из темноты.

Она не откликнулась.

Шуру выписали из больницы только в начале марта. Пономарев принес ему одежду – от белья до пальто, все дорогое и качественное. Одевшись, Шура посмотрел в зеркало и не узнал себя – девятнадцатилетнего пацана – в суровом молодом мужчине, в потемневших кудрях которого завивалась ранняя седина. Он постарел: по углам губ залегли глубокие складки, изменился взгляд и глаза изменили цвет с голубого на карий – бывалый битый волк глядел на Шуру из зеркальной глубины. «Это не я, – подумал он. – Это не могу быть я».

Это ты, ответило отражение, слегка ему кивнув.

Все считали его мертвым.

По официальным данным Шура теплым летним днем наткнулся в парке на компанию наркоманов. Они долго и жестоко его били, и жирную и окончательную точку в истории Александра Черникова поставил удар заточкой в печень. На Заключьевском кладбище всякий желающий мог увидеть его могилу и памятник – впрочем, желающих вряд ли нашлось бы очень много.

«Лиза меня уже оплакала», – подумал Шура и удивился безразличности тона своей мысли. Александр Черников был мертв; сидящего молодого мужчину звали Артур Ключевский, он был 1980 года рождения, образование имел высшее филологическое, был кандидат филологических наук, холостым, не судимым, танцором класса А (стандарт+латина). Выслушав все это от Пономарева, Шура изумленно вскинул брови: не сказать, чтобы он был против подобной биографии, просто не ожидал, особенно категорию А. Потом Пономарев сообщил, где живет господин Ключевский, и Шура изумился вторично: оказалось, что он жил в элитном доме на Советском проспекте у парка, и в квартире было три комнаты плюс кабинет.

«Мелочи, Саша... то есть Артур», – сказал Пономарев. – Совершенные мелочи».

Квартира ему понравилась. Пару дней Шура привыкал и осматривался. Отличный ремонт, качественная бытовая техника, домашний кинотеатр – глядя на огромный экран телевизора, Шура вспоминал: комната Лизы, такой же телевизор, множество книг, запах зеленого чая, Лиза. Он стоял у окна, прижавшись лбом к стеклу: внизу плавилась ранняя весна, вскипали ручьи, дробилось солнце в лужах, танцевало. Лиза была где-то в этом городе и в этой весне, Лиза давно забыла о нем, Лиза больше не принадлежала его жизни. Шура стоял у окна и сам не понимал, что плачет. Социальная модель, по которой надо испытывать подобные ощущения, ясна до невероятности, думал Шура, но неужели модель настолько велика и серьзна, что ее невозможно ощутить, и кажется, будто плачешь, скучаешь, тоскуешь – сам.

Потом он понял, что обязательно должен увидеть Лизу.

Хотя бы для того, чтобы понять, насколько изменился.

«Город» закрылся – на его месте строили торговый центр. Шура вздохнул и побрел вниз по проспекту, вспоминая, как однажды, таким же солнечным днем шел к Лизе, и в нем пела весна. Сколько времени прошло с того дня – год, век? Прохожие оглядывались на статного высокого мужчину в дорогом пальто; Шура ловил обрывки их мыслей, и складка меж его бровей становилась глубже, хотя мысли были очень даже позитивными. Он казался самому себе инородным телом в этой весне и в этом городе. Все – вместе, потому что очень многое соединяет казалось бы самых разных людей, и он – один: идеальный компьютер с набором лучших программ, и никто даже не заметит разницы, наоборот, его будут любить – он найдет и отразит в каждом нечто нужное и важное, он зеркало, в которое так приятно заглянуть. И если бы даже...

Они столкнулись возле роскошного супермаркета. Шура задумался настолько, что не заметил, как почти сбил с ног девушку в легкой дубленке. И он не сразу понял, почему румянец с ее щек стекает, уступая место полуобморочной бледности.

– Шура...

Из порвавшегося пакета разбежались апельсины – словно планеты, утратившие орбиты. Банка кофе разбилась об асфальт.

– Шура, ты?..

Он придержал Лизу под руку, иначе она бы точно сползла вниз без сознания. Она изменилась.

Шура не мог сказать, в чем именно, но изменилась, она осталась прежней, и даже запах зеленого чая никуда не улетучился.

- Нет, - улыбнулся он. - Нет, вы ошиблись.

Прямо на его глазах, среди проспекта, в толчее машин и людей, в объятиях весны Лиза тонула в зловонном болоте, и он, Шура, не мог ее вытащить.

- Вы ошиблись, - повторил Шура. - Меня зовут Артур.

И сам удивился тому, как легко получилось назваться чужим именем. Или же Шура Черников действительно нелепо погиб летом, и Артур Ключевский, столкнувшийся с красивой девушкой у супермаркета, не имел к нему никакого отношения?

Ему захотелось закричать. Не в первый раз.

- Артур, - грустным эхом откликнулась Лиза. - Простите, пожалуйста, я обозналась.

Ты ошиблась, солдатка. Это бывает.

Шура отпустил ее руку, и та упала безвольной плетью. Лиза жадно вглядывалась в его лицо, понимая, что обозналась, обозналась, обозналась. Темно-зеленые глаза заволакивало влажным.

- Разрешите, я куплю вам кофе, - предложил Шура.

- Он погиб.

Лиза неторопливо размешивала сахар в чашке с дорогим хорошим чаем. Кафе, в которое Шура привел ее, было тихим и маленьким, а негромкая музыка - вполне приличной.

- Так по-дурачки... наткнулся в парке на каких-то урок. А закурить у него не было.

Шура понимающе кивнул. Лиза отложила ложку, отпила несколько глотков, промокнула салфеткой аккуратно накрашенные губы.

- Мне жаль, - выдавил Шура. - Вы его любили.

Лиза улыбнулась уголками губ.

- Да. Любила, - она грустно усмехнулась. - Знаете, когда я вас сегодня увидела, то подумала, что сплю.

- Я не хотел вас будить, - сказал Шура, и Лиза улыбнулась - уже по-настоящему.

- Спасибо вам, Артур. Мне кажется, вы очень... - Она замялась, подбирая подходящее слово. - надежный.

Шура покачал головой.

- Ну, это не про меня. Я немного раздолбай.

Лиза пожала плечами.

- А создаете впечатление солидного мужчины.

- Стараюсь, - сказал Шура, и они рассмеялись вдвоем.

Это оказалось очень легко - вернуться, не возвращаясь.

- Это нетрудно, - сказал Пономарев. - Ты не должен делать ничего особенного, просто стой и не шевелись.

Шура кивнул. Пономарев носком ботинка наметил для него точку в снегу, и Шура послушно встал туда, куда указано. Пономарев критически посмотрел на него и посоветовал:

- Пальто можешь снять - тут будет жарко.

Шура подчинился - пальто упало в ноздреватый снег. Пономарев отступил на несколько шагов, вскинул руки красивым непринужденным жестом.

- Сосредоточься. Вон та точка над холмом – бери два пальца влево от посадки. Передавать будем туда.

Лиза была мягкой и податливой, словно воск, и Шура думал, что может сейчас вылететь из нее все, что угодно. Он целовал ее, пытаясь не вспоминать, не размышлять, не ловить ее чувства.

Потом она вдруг отстранилась от него, даже оттолкнула.

- Ты очень на него похож, Артур, – прошептала она. – Я не могу. Это слишком... пока.

Шура придержал ее за плечи, спокойно и властно. Лиза смотрела на него так, что Шура понимал: она вот-вот расплачется.

- Неважно, – произнес он внезапно севшим голосом. – Неважно. Давай просто будем.

И нашел ее губы.

- Артур, ты уснул там?

Шура встрепенулся и посмотрел в указанную точку. Там уже клубился бледно-сиреневый туман – собиралась энергия, чтобы, пройдя через нервные узлы даэраны, увеличиться во много раз и приобрести направленность: обрушиться на человека, которого сегодня заказали Пономареву.

Стало действительно жарко. Шура опустил голову и увидел, как тает снег, разбегаясь из-под его ног быстрыми мутными ручейками. Пономарев запел; Шура разбирал слова и понимал, что заказанному будет худо. Очень худо.

В затылке закололо. Шура знал, что если обернется, то увидит, как от пальцев Пономарева струятся алые нити, входящие в голову. Но Шура не обернулся. Здесь все делается без его участия, надо только не упускать точку.

Из носа потекла кровь, сорвалась в талый снег.

Ее чувства были истинным фейерверком – страсть, горечь, желание, боль и снова желание. Шура качался в них как на волнах бурного моря, то вверх, то вниз. Лиза была невероятно послушна и тиха, она подчинилась его ритму, и, скользя губами по ее коже, Шура думал: дурак. Дурак и трус, вот кто я.

- Артур, не спать! – рявкнул Пономарев из-за спины. – Держи точку, сейчас поток пойдет!

И поток действительно пошел.

Поначалу это было похоже на опьянение. Шуру качнуло; он устоял, а головокружение усилилось, и в носу закололо. Кровь полилась сильнее.

- Молодец, – услышал Шура. – Только взгляд не отводи.

И тогда Шуру ударило, да так, что он свалился в снег, однако точку не упустил, держа ее сквозь накативший серо-голубой туман, и поэтому увидел, как из его груди вырвался поток оранжевого света и устремился к холму.

- Держи-держи. Еще немного.

Шура не шевелился. Постепенно оранжевый свет, горячий и насыщенный, почти неземной, начал угасать, и Шура услышал низкое завораживающее гудение, в котором постепенно разобрал слова:

- Thin thor thalame relalf nuch diihor ngame...

Но постепенно гудение стихло, и мир приобрел знакомую четкость. Ощущение опьянения ушло; Шура выпрямился и обернулся. Пономарев, живой и здоровый, надевал пальто и выглядел абсолютно удовлетворенным. Шура машинально вытер нос и поднялся. Поначалу его повело, но он устоял, и Пономарев, кажется, ничего не заметил.

- Молодец, – довольно произнес Пономарев. – Деньги переведу тебе к вечеру. Сойдет?

- Сойдет, конечно, – кивнул Шура.

Мелькнула мысль позвонить Лизе и пригласить ее куда-нибудь, например, на концерт мажорной джазовой группы с вычурным названием. Или в гламурный суши-бар, раз уж он решил играть роль серьезного человека со средствами. Пономарев пристально посмотрел на него и поинтересовался:

- Нашел подругу?

Шура покраснел, разозлился из-за этого и побагровел еще сильнее.

- Нашел, - произнес он таким тоном, который ясно давал понять, что разговор окончен, однако от Пономарева нелегко было отделаться. Он пристально посмотрел на Шуру и внезапно побледнел.

- Поплавская?! - звенящим шепотом промолвил он.

Глава 3

Лиза узнала о смерти Шуры от заплаканной Мадины, которой эту новость сообщила Ирина, администратор студии танцев. Первым ощущением была пустота: ну умер и умер, Шура и Шура – этим Лиза неприятно удивила Мадину. Спустя два часа ее начало трясти. Лиза забилась в дешевый круглосуточный кабаk, где в полном одиночестве попыталась напиться до остекленения, чего за ней никогда не водилось, даже после гибели брата. Но паленая водка оставила голову удивительно ясной. Лиза смотрела в окно, на ночной проспект и с каждой минутой понимала все четче: Шуры больше нет, они никогда не увидятся даже случайно. Из кабака ее забрал мрачный и испуганный Ваня, и Лиза не могла идти – Воробушку пришлось ее тащить считай что волоком, а она молчала, молчала, молчала, и глаза были сухими и злыми. Потом что-то словно сдвинулось в ее голове, и у Лизы началась дикая истерика, которая закончилась тем, что Ваня едва не утопил свою подругу в ванной с холодной водой, потому что у него самого нервы были на пределе, и он слабо понимал, что делает. Наутро Мадина пошла на похороны, а Лизу Ваня не отпустил, хотя она собралась, выглядела вполне адекватно и говорила без слез и срывов. Воробушек проявил не виданный у него ранее ум и догадался, что истерика еще не закончена. Так оно и вышло; через пару дней Гамрян зашел в гости и предположил, что надо бы позвать доктора – Лиза пребывала в полном трансе, отвечая на вопросы только после пятого их повторения. А потом у Лизы был месяц на антидепрессантах, попытка самоубийства и внезапная драка с Воробьем, которая чуть было не переросла в такой же внезапный секс.

После была осень.

А затем Лиза поняла, что заболела.

Первым звоночком стала невозможность предсказывать отдаленное будущее, в чем Лиза раньше не знала затруднений. Она не верила в то, что такие вещи проходят сами по себе и обратилась за помощью к Гамрян, который и обнаружил у Лизы редчайшую магическую болезнь – утечку, во время которой начинают резко таять жизненные силы. Организм в таком случае напоминает сосуд, в котором образуется щель, и вода понемногу вытекает, пока сосуд не становится пустым. К удивлению Гамряна, Лиза восприняла новость о своей болезни достаточно спокойно, сказав, что уже устала переживать и мучиться.

К Рождеству она перестала быть магом – способности вытекли из нее, как вода из кувшина с трещинкой. Разумеется, старые связи остались, да и товарищи никуда не делись, однако Лизе было очень одиноко и тоскливо. Ваня предлагал танцевать – она вежливо отказывалась. Мадина пыталась вытаскивать на вечеринки и праздники, Гамрян предлагал работу на факультете – ответ был таким же, что и в случае с танцами. Никто не знал, чего ожидать, и состояние Лизы, в целом очень ровное и спокойное, не нравилось никому – слишком уж оно напоминало затишье перед бурей. И никто не мог ожидать того, что Лиза тихо и без лишней помпезности выйдет замуж за Эльдара Поплавского, своего старого знакомого знающего мага второго посвящения, имевшего малоприятную репутацию типа с сумасшедшинкой – это мягко говоря. В кругу магов Эльдар считался подлинным психом, чуть ли не оборотнем, который плохо себя контролирует и которого допустили до второго посвящения только после вмешательства влиятельной европейской группы магов. Некоторое время окружающие были в шоке от подобного союза, а Гамрян натурально рвал и метал, прекрасно понимая, что подобные союзы никого до добра не доводят – на Эльдара ему было, что называется, наплевать с высокого дерева, его беспокоила судьба Лизы. Но однажды его собственная жена, типичная женщина гор и совсем не ведьма, тихо сказала ему:

– Геворг, оставь их. Девочке сейчас очень нужна опора, пусть и такая странная.

Гамрян собирался открыть рот, чтобы сказать тривиальное: молчи, женщина, опираться надо на того, у кого хотя бы крыша не едет, но внезапно ощутил, что его Софья права, и промолчал. Необычную парочку оставили в покое, и все пошло почти по-прежнему. Лиза увлеклась живописью и японской каллиграфией, вместе с Мадinou ходила по клубам и дорогим кафе, а в компании Ванечки на каток, и бездельничала, благо накопленные ею за карьеру ведьмы деньги могли позволить не работать по меньшей мере лет сорок, и это еще если не продавать коллекцию бриллиантов восемнадцатого века. А Эльдар трудился. Брак с госпожой Голицынской, которая еще пока была на виду и на слуху, позволил ему подняться из фактического парии к вершинам магической деятельности. Ему наконец-то стали доверять, его авторитет рос, тем более, что информация о припадках, которым якобы был подвержен господин Поплавский с ранней юности, больше не подтверждалась, и имиджу сильного мага, уверенного бизнесмена и прекрасного мужа ничто не мешало. При этом никого не интересовало то, что Эльдар живет в семи километрах от супруги и видится с ней хорошо если

раз в неделю. Конечно, он был бы не против сделать свой брак настоящим, а не фиктивным, тем более, что некоторые из особо важных клиентов намекали, что пора бы обзаводиться наследником, однако свое мнение по данному вопросу Лиза высказала предельно жестко: если Эльдар попробует предъявить свои права на супругу, то она на следующий же день с ним разведется, причем скандал будет такой, что всем чертям в аду станет тошно. Эльдар в способностях жены не сомневался, нарываться не стал и домогательства прекратил.

- Молодец, - подытожил Пономарев свой долгий рассказ о Лизе. - Как ты умудрился-то?

- Как-как, - Шура не особо хотел распространяться. - Через пятак.

Пономарев нехорошо прищурился. Так смотрят перед тем, как нажать на курок, так смотрел Эльдар Поплавский далеким летним утром.

- Ты что-то сказал? - осведомился Пономарев.

Шура покачал головой. Пономарев поставил руки в боки, помолчал, потом полез за сигарами.

- Молодец, - повторил он. - Давно?

- Сами смотрите, - произнес Шура и развел руки, дескать, берите. Пономарев хмыкнул.

- Твои мысли хрен прочитаешь. Я предположил то, чего больше всего боялся. Давно?

- Две недели, - ответил Шура. Этот допрос начинал его утомлять - хотелось отдохнуть после обряда, уехать к Лизе и остаться у нее. - Всего две недели.

- Она тебя узнала? - Пономарев вытащил сигару из пачки, сломал, достал вторую.

- Я убедил ее в том, что она обозналась, - процедил Шура.

Пономарев скептически усмехнулся.

- Еще бы ты ее не убедил. Она теперь пустышка.

- Не надо так говорить, - хмуро посоветовал Шура. Пономарев сощурился, выпустил струйку дыма в низкое серое небо.

- Ладно, пошли.

В город они приехали через час. Всю дорогу Пономарев молчал, периодически хмурясь и кусая губы, а Шура с разговорами не навязывался, глядя на бегущие за окном поля и чахлые посадки и ни о чем не думая - или, может быть, о том, что между ним и остальными людьми теперь всегда, словно толстое стекло, будет стоять подлинное равнодушное спокойствие его истинной сути, которого он раньше не замечал или принимал за хорошую выдержку - последствие качественного воспитания.

Пономарев высадил Шуру в центре неподалеку от филармонии и уехал размышлять о том, чем может обернуться встреча запечатленного даэраны и опустошенной ведьмы. Шура постоял немного, разглядывая афишу группы ХЛЮП - Хорошим Людям Плохо - а потом побрел в сторону дома. Нет, пожалуй на Лизу у него сегодня сил не хватит - хотелось упасть в кровать и ни о чем не думать.

И, разумеется, Шура не заметил, как из стоявшей неподалеку машины представительского класса вышел мужчина в старом сером плаще и быстрым шагом двинулся за ним.

- Александр Александрович!

Шуре стоило значительного усилия не обернуться на зов. Я теперь Артур, подумал он, не замедляя шага, хотя голос показался ему знакомым. Вскоре его вежливо, но крепко ухватили за рукав.

- Александр Александрович, душенька моя, что же вы не отзываетесь?

Это был Эльдар собственной персоной. Выглядел он, конечно, не очень: впалые щеки, странно блестящие глаза и трехдневная щетина придавали ему известное сходство с больным или нищим. Впрочем, Шура понял, что вся эта внешняя шелуха не более чем камуфляж для выездной работы. Цепкий взгляд Эльдара впился в Шуру, и тот подумал, что разоблачен окончательно.

- Вы ошиблись, - промолвил Шура, тщетно пытаясь отгородиться. Ему чудилось, что мягкие пальцы ошупывают его, узнавая правду. «Не надо, - подумал Шура, - не надо: я Артур, а Шура убит, я Артур, Артур, Артур».

Чужое имя он повторял, словно заклинание, и взгляд Эльдара постепенно смягчился, пусть и самую малость.

- Что ж, это бывает, - улыбнулся Эльдар, и эта улыбка в сочетании с колким взглядом очень не понравилась Шуру. - Вы очень похожи на одного моего товарища.

- Да? - протянул Шура, решив косить под дурачка.

- Очень, - кивнул Эльдар и отпустил его рукав. - Знаете, случаются такие совпадения иногда.

- Да, бывает, - промолвил Шура.

Эльдар снова кивнул и отступил на шаг.

- Тогда извините, и до свидания. В следующий раз буду внимательнее, - он отсалютовал Шуру и пошел своей дорогой. Некоторое время Шура смотрел ему вслед, понимая, что попадает в неприятности, которые очень плохо кончатся либо для него, либо для Эльдара.

Хотелось закурить. Впервые после школы - он попробовал курить в выпускном классе, когда получил первую за школьную жизнь двойку по физике. Захотелось спрятаться от грядущих проблем, пересидеть где-нибудь спешащие к нему беды, захотелось повернуть все обратно, не купиться на предложение Пономарева и остаться самим собой - живым Шурой Черниковым - решив окончательно и бесповоротно, что все рассуждения о даэране только выдумка и бред.

Дома он упал на кровать прямо в пальто и ботинках, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать. Обряд не прошел даром: Шура ощущал, как гудят виски, и ему казалось, что сердце сейчас разорвется. Надо бы спросить Пономарева, как с этим справляться, должно ведь что-то быть. Шура вспомнил Лизу после обряда - тогда по ней ударила отдача, и она долго не могла прийти в себя. Куда девалась отдача у Пономарева? Пришла на него, Шуру?

Размышлять дальше он не стал. Не открывая глаз, протянул руку и взял со столика телефон - номер Лизы можно было набрать нажатием одной кнопки. Техника хорошая штука. В памяти всплыл телефон, который стоял у Шуры дома - совершенно дикий аппарат чуть ли не шестидесятых годов, и диск у него всегда заедало.

- Вы позвонили Елизавете Поплавской. Пожалуйста, оставьте сообщение после гудка...

«Я встретил твоего мужа, и он меня узнал», - подумал Шура, а вслух сказал:

- Лиза, это Артур. Если свободен вечер, то у меня есть билеты на ХЛюП.

Он хотел было добавить, что ни за что не отдаст Лизу ее придурочному супругу, но, разумеется, не добавил.

На концерт они чуть не опоздали, попавшись на закуску к одному борзому гаишнику, однако в целом вечер прошел хорошо. И, неторопливо бредя по залитой неоновым светом реклам улице после расставания с Лизой, Шура уже не думал о встрече с Эльдаром. Мало ли... у него полно знакомых в этом городе, и наткаться на них можно постоянно. К примеру, можно наткнуться на маму - а ведь он почти не вспоминал о ней с самого лета, да и теперь мысли о маме отдаются запыленным равнодушием, словно она была для него чужим человеком, соседом, с которым только здоровались и о котором никогда не хотели узнавать подробностей.

Шура почувствовал легкий дискомфорт - будто бы облачко закрыло солнце среди ясного дня.

Ну и что?

«Ты стал другим, - сказала ему улица, перемигиваясь огнями светофоров. - Запечатление не привязало тебя к Пономареву, оно всего лишь пробудило твою подлинную суть - равнодушие и спокойствие. В твоём случае это самый крепкий концентрат, Essence Absolue, никто на свете не может быть настолько спокойным и настолько равнодушным».

«Это неправда, - подумал Шура и сам себе же и ответил: - Правда».

Он остановился у перекрестка и долго смотрел вверх, туда, где наливалась золотом полная луна. Подумал, что раньше испытывал бы настоящий водоворот эмоций при виде полной луны

- зрелище действительно было впечатляющим. Сейчас Шура был невозмутим и безмятежен, и не было рядом тех, чьи чувства он мог бы отразить. Он стоял и смотрел. Деревья, фонари, дома застыли перед ним неподвижно, словно симфонический оркестр в ожидании первого движения дирижера, и Шура не знал, что теперь делать.

Лиза не принадлежала Шуру. Конечно, их роман был в самом разгаре, они встречались чуть ли не каждый день и прекрасно проводили время, однако Шура не мог не воспринимать тонкую пленку отчуждения, отделявшую его от Лизы - пленка была не толще волоса, но Шура чувствовал ее и понимал: не мое. Она не со мной. Не сказать, чтобы его это обижало или задевало, но он все-таки ощущал легкий дискомфорт. И дело было даже не в пухлом обручальном кольце из белого золота с россыпью бриллиантов - Шура и сам не знал, что ему мешает.

И это внутреннее неудобство, некая заноза, что ли, изрядно поранило Шуру в чудесный апрельский день, когда он увидел из окна автобуса Лизу, неспешно идущую по улице под руку с неизвестным худеньким юношей, почти мальчиком. Автобус медленно двигался в пробке, и Шура получил прекрасную возможность рассмотреть парочку - Лиза выглядела безмятежной и довольной, а ее спутник - влюбленным на всю голову. Он что-то ей рассказывал, энергично жестикулируя свободной рукой, а Лиза улыбалась, периодически вставляя некие комментарии, после которых юноша просто заливался смехом. Он был хорош собой и очень мил; Лиза казалась счастливой, а Шура вдруг захотел выскочить на ближайшей остановке и приложить этого хлюпика физиономией об асфальт, да посильнее, до кровавых соплей. Желание было настолько сильным, что Шура едва сумел его подавить.

Однако на остановке он все-таки вышел и почти побежал вниз по улице - по Кировской шли сотни людей, гуляющих и веселых, весенних, но Шура видел только одну пару, бредущую навстречу. Теперь говорила Лиза, в ее глазах плясали хорошо знакомые Шуру лукавые бесенята, а молодой человек улыбался. Это социальная матрица, говорил внутренний голос, на самом деле ты не ревнуешь, на самом деле ты не чувствуешь ничего - Шура не слушал, и вот Лиза увидела его и что-то сказала своему спутнику.

- Привет, Лиза, - произнес Шура, когда пара подошла к нему.

- Привет, - улыбнулась Лиза. - Знакомься, это Данила, мой товарищ.

Данила расплылся в улыбке и протянул Шуру руку, которую тот без всякого удовольствия пожал.

- Артур Ключевский, - представился Шура, отметив про себя, что называться чужим именем с каждым разом становится все легче. - Гуляете?

- Гуляем, - ответил Данила. - Отличный день, правда?

- Отличный, отличный... - пробормотал Шура. Было в этом Даниле что-то такое, отчего ему расхотелось ругаться. - Лиза, наш вечер в силе?

Лиза вопросительно изогнула бровь, а Данила посмотрел на нее так, словно увидел впервые, и от этого его миловидное лицо стало совсем детским.

- А разве мы куда-то собирались? - невинно осведомилась Лиза.

- А ты забыла? - вопросом на вопрос ответил Шура. - Сегодня открытие выставки Саблина, мы собирались пойти.

Лиза нахмурилась, припоминая, а Данила вдруг изумленно и испуганно уставился на Шуру - так можно было бы смотреть на ожившего мертвеца или оборотня. Шура уже собирался спросить у него, в чем дело, как вдруг у Лизы зазвонил сотовый, и, когда она приняла звонок, мужской голос нервно заорал на всю улицу:

- Елизавета Анатольевна! Приедьте скорее, у хозяина приступ!

Лиза побледнела. Ух, как она побледнела - Шура видел ее такой всего один раз - в тот весенний день, когда они столкнулись на улице, и она его узнала.

- Он полдома разнес, мы с Игорянычем в подсобке сидим! - судя по голосу, у говорившего был натуральный истерический припадок. - Приедьте быстрее, ему ж наверно опять...

- Еду, - сурово проронила Лиза и отключила телефон. Посмотрела на Шуру, помолчала с минуту, а потом сказала: - Знаешь, Артур, прости. На выставку лучше завтра.

Шура только собрался ответить, а она уже садилась в такси, оставив на тротуаре обоих своих спутников. Данила помахал ей, а когда такси скрылось в потоке других машин, повернулся к Шуре и произнес:

- А вас ведь зовут не Артур. Вы, - он закусил губу и выпалил: - Саша?

- На самом деле это совсем не трудно, - Данила скосил глаза к переносице, а потом развел их в разные стороны. - Не трудно для меня, а остальным не по себе от этого. А вас очень хорошо прикрывают. Совсем почти не видно, что вы Саша, а не Артур.

Они сидели в той самой кофейне, куда Шура привел Лизу после встречи у супермаркета. Данила пил кофе, Шура к своему чаю даже не притронулся.

Данила был природным целителем; не так давно, восполняя пробелы в Шуриной эрудиции, Пономарев довольно подробно рассказал и о целителях тоже - людях колоссального магического потенциала, рядом с которыми гаснут и физические хвори, и душевные страдания. Такой вот Данила - молоденький, ясноглазый, с какими-то детскими завитками светлых волос возле ушей - был для истощенной Лизы истинным подарком судьбы. Разумеется, Шура сразу же перестал ревновать, задвинув матрицу куда подальше. Целитель оказался его ровесником. Сам же Шура чувствовал себя старше, и даже не потому, что старше был Артур Ключевский.

Хотя Данила не прошел даже первого посвящения, это не мешало ему с необыкновенной легкостью разбираться во множестве ходов, схем и интриг турьевских магов. Как бы между прочим он посоветовал Шуре не попадаться на глаза Гамряну, который вполне может увидеть, что его студент жив-здоров, да и Эльдар Поплавский тоже не поверил в то, что обозначился. Услышав это, Шура с трудом подавил желание убежать подальше от этого хлипкого провидца, но Данила вдруг посмотрел на него так, что Шура понял: все в порядке, дергаться не надо, и очень хорошо, что есть такой человек, который знает о нем правду и будет при этом держать язык за зубами.

- Как Лиза? - спросил он.

Данила нахмурился.

- Как маг - ноль. Вытекла. Я, конечно, делаю, что могу, но из нее сейчас даже знахарки не восстановить. Как человек тоже не очень, но все-таки лучше.

- Как это случилось-то? - спросил Шура.

Крупный заказ поступил к Лизе от анонимного заказчика, и она недолго раздумывала, братья или не братья за дело. Мадина отговаривала ее, считая, что секретность к добру не приводит, но Лиза хотела как-то отвлечься от тягостных мыслей о погибшем Шуре и согласилась.

Она выехала на точку в пять часов утра. В то же время Данила вскочил как ошпаренный, кое-как оделся и тоже помчался за город. Он не знал, что происходит и куда его тянет чья-то незримая воля, но торопился, боясь опоздать. Когда на обочине Данила увидел припаркованный красный спорткар, то понял, что именно здесь надо остановиться и бежать в лес по узенькой, еле заметной тропочке.

А Лиза тем временем стояла на небольшой светлой полянке, сплетая сеть заговоров. И, разумеется, она не поняла, как и почему твердая минуту назад земля стала превращаться в трясину. Лизу утягивало в болото; она бросала к деревьям светящиеся петли, пытаясь выкарабкаться, но стволы отступали от нее, и петли обреченно рассыпались мутными каплями. Но за минуту до того, как в легкие Лизы ворвалась тухлая, пахнущая ржавчиной вода, Данила ухватил ее за руку и вырвал к воздуху и свету.

Она приняла его за другого. Некоторое время Лиза, перепуганная и не совсем понимающая, что происходит, говорила: «Шура, слава Богу, я знала, что ты жив, Шура». Потом пришла в себя, всмотрелась в своего спасителя, и ее лицо стало бледным и опустошенным, словно она видела на редкость реальный хороший сон, который внезапно прервался, выбросив ее в серую тоскливую явь. Данила помог ей встать и повел к машине. С этого дня началась и утечка Лизы, и ее дружба с Данилой.

- Я никогда так не бегал. Боялся, что опоздаю. Теперь-то, конечно, понимаю, что не опоздал бы: им нужна была только утечка, а не смерть.

- Им? - спросил Шура. - Каким еще «им»?

Данила помолчал, потом заговорил, очень старательно подбирая слова:

- Я думаю, что это твой ведущий. Он мог просчитать возможность вашей эмоциональной связи после запечатления. При желании Лиза вполне способна оборвать пуповину. А перестав быть ведьмой, она утратила эту возможность. Даже если бы вы встретились, то ничего особенного не произошло.

- Понятно, - кивнул Шура. - Но Пономарев один, это все-таки не «они».

Данила сделал паузу и добавил:

- Пономарев не один. У него есть ты.

- Ты это!.. - вспыхнул Шура. - Ты думай, вообще, что говоришь! Я ее пальцем не тронул, понял?! Калхант, блин, недоделанный.

- Ты-то не тронул, - проронил Данила. - Ты в это время в больнице был, чуть ли не в коме. А Пономарев этим воспользовался. Будь ты в разуме, стал бы ему в этом помогать?

- Не стал бы, - выдохнул Шура. - Да я... как бы я мог... - он вскинул голову и посмотрел Даниле в глаза: - Что делать-то будем со всем этим?

Данила допил кофе и перевернул чашку на блюдечко. Темная жидкость растеклась по фарфору.

- Я знаю, как спасти ее, - произнес Данила и отодвинул чашку.

Спустя несколько дней после разговора с Данилой Шуру остановили на улице два лощеных типа в штатском, которых он сразу мысленно назвал Толстым и Тонким. Шура спешил на встречу с Пономаревым и остановился с явным неудовольствием.

- Господин Ключевский? - спросил Толстый и, получив от Шуры утвердительное «Ну», продолжал: - Господин Поплавский приглашает вас в гости, прямо сейчас.

- Простите, но я тороплюсь, - ответил Шура, и тут Тонкий сделал неуловимое движение левой рукой, и Шура задохнулся от невыразимой острой боли в боку.

- Вам плохо, господин Ключевский? - деланно удивился Толстый, поддержав Шуру под локоть. - Давайте проедем к господину Поплавскому, он вам обязательно поможет. Пойдемте, осторожней здесь...

Шуру аккуратно загрузили в неприметную темно-зеленую «девятку», и машина быстро покатила по проспекту. Боль никуда не девалась, периодически наплывая еще сильнее, Шура тихо поскуливал, пытаясь сообразить, что же теперь делать. Разумеется, Эльдар узнал его, разумеется, он хочет узнать все детали и подробности, разумеется...

Толстый улыбнулся, щелкнул пальцами, и Шура провалился во тьму.

Сознание возвращалось постепенно. Сперва Шура услышал чьи-то голоса, потом стал различать слова:

- Да, дорогая, все в порядке. Нет, если не хочешь, я не приеду. Хорошо, - и затем тот же голос жестко произнес: - Незачем было так его давить. Время уходит.

- Пришлось, Эльдар Сергеевич, - извиняясь, пробасили откуда-то сбоку.

Эльдар, значит. Шура окончательно пришел в себя, но глаза открывать не спешил. Судя по всему, он в загородном доме, о котором как-то раз рассказывала Лиза - до Шуры долетал запах цветущих абрикосов, а Лиза говорила, что дом в целом ужасный, но за абрикосовый сад она согласна терпеть даже присутствие супруга.

- Ладно, идите, - властно проронил Эльдар. - Позову.

Шаги, хлопнула дверь. Снова шаги. Это Эльдар подошел ближе. Шура почувствовал запах дорогого одеколona и элитных сигарет.

- Сашенька, - позвал Эльдар и несильно шлепнул Шуру по щеке. - Сашенька, просыпайтесь...

Еще шлепок. Шура приоткрыл глаза: Эльдар, в оранжевой футболке и зеленых слаксах, склонился над ним.

- Просыпайтесь, - повторил Эльдар и улыбнулся. - Надо поговорить по душам, душенька моя.

- Я не Саша, - промолвил Шура. - Артур Ключевский, приятно познакомиться.

- Да-да, конечно, - Эльдар кивнул и отошел чуть в сторону. - Если вам угодно, можете назваться хоть Карамзиным, хоть Костомаровым. Да хоть царем-батюшкой! - воскликнул он. - Кем пожелаете. Но на мои вопросы вы так или иначе, но ответите правдиво.

- Какие вопросы? - спросил Шура, провел ладонью по лицу. - Где я вообще?

Он увидел, что сидит в мягком кресле в огромной, богато обставленной гостиной - напротив на стене висел большой портрет: Лиза в дорогом платье, с замысловатой прической и в бриллиантах на высокой шее и Эльдар в роскошном костюме, покровительственно положивший руку на ее обнаженное плечо. Эльдар заметил, что Шура рассматривает портрет, и неприятно ухмыльнулся.

- Вы у меня в гостях, Сашенька, здесь нам никто не помешает. А разговор нам предстоит долгий, подробный... Сразу оговорюсь: если вы будете говорить правду, то покинете мой дом в добром здравии, ну а если нет, - он выразительно посмотрел на Шуру, и тот понял: Эльдар действительно сумасшедший и шутить не собирается. - По частям, я так думаю, все-таки хуже. Хотя - это дело вкуса.

- По частям? - переспросил Шура. Руки не связаны - если бы еще не так кружилась голова, то можно было бы сосредоточиться и нанести удар. Для начала просто оглушить, а там видно будет.

- Целиком лучше, - серьезно произнес Эльдар, - впрочем, мне это безразлично. Итак, первый вопрос: где ты был все это время и почему решил вернуться именно сейчас?

- Нигде я не был, - ответил Шура. - Я всю жизнь в Турьевске прожил.

- Да-да, - Эльдар отошел к бару, плеснул в низенький стакан минералки. - Советский проспект, пять, двести десять. Квартира записана на Ключевскую Анну Константиновну. Она вам - кто?

- Сестра, - коротко ответил Шура. Заболтать его, отвлечь, сосредоточиться - и ударить. Если бы еще не так болела голова...

- Ну пусть сестра, - Эльдар отпил воды, покрутил стакан в ладонях. - Впрочем, она вас вряд ли узнает. Так я повторяю свой вопрос, Саша: где ты был, мой хороший, и зачем вернулся сейчас?

Зазвонил телефон на низеньком столике. Эльдар виновато улыбнулся: мол, вот такая незадача, извини - и поднял трубку.

- Да, дорогая.

Лиза. Шура закусил губу, пытаясь сфокусировать зрение на ауру Эльдара. Лиза.

- Я всегда рад тебя слышать. И видеть, - Эльдар улыбнулся - тепло, по-семейному: ему очень не хватало Лизы, понял Шура. Очень. Да, она приезжает к нему, когда у него случается один из припадков, но вот вне их - знать не желает.

- Да, я ему говорил, что дело безнадежное. Даже соваться не хочется. Что, очень просит?

Это была не аура - броня. Сверкающий монолит окружал Эльдара, переливаясь голубым и зеленым: пробить такой нечего и пытаться. Но вот если отыскать ту точку, которая есть в любой, даже самой крепкой броне - тогда можно будет что-то предпринять.

- Хорошо. Ты придешь? - Эльдар закрыл глаза, выслушивая ответ. - Тогда до вечера. Да. Пока. Хорошо.

Он опустил трубку на рычаг и некоторое время стоял молча, не открывая глаз. Шура увидел в его ауре оранжевые искры - тоска. Тяжелая и давящая.

- Это моя жена, - наконец произнес Эльдар. - Вы ведь с ней знакомы, не правда ли?

- Не знаю, - пожал плечами Шура, вспомнив совет из давно прочитанного шпионского детектива: на допросе либо рассказывать все, либо все отрицать. - Откуда мне знать?

- И тем не менее, вчера вы ходили с ней на выставку этого бумагомарателя Саблина, а утром вышли из ее квартиры в самом чудесном расположении духа, - Эльдар повернулся к Шура и улыбнулся. Очень нехорошо улыбнулся. Шура поежился. - Видите, я в курсе.

- Я не знал, что она ваша жена, - промолвил Шура. - Я не знал, что она вообще замужем. Она не говорила.

Эльдар скривился, будто увидел таракана в тарелке с фондю.

- Да ерунда все это, Саша. Мелочи жизни. Ты бы лучше все мне рассказал по-честному и пошел домой.

- Не называйте меня Сашей, - нахмурился Шура. - Я Артур. И вы явно принимаете меня за кого-то другого.

- Сашенька, эту ерунду вы можете впаривать моей супруге, - сказал Эльдар, и в его голосе появились некрасивые нотки безумия. - Как ведьма она кончилась и не отличает фон знающего мага от фона столба. Но вот мне врать не надо. Я очень не люблю, когда мне врут.

- Вы о чем? - воскликнул Шура. - Какие ведьмы, какие маги? Что за бред?

И тогда Эльдар его ударил. Жест его руки был изящен и красив, а Шуру отбросило вместе с креслом и ударило о стену. Головная боль накатила с новой силой. Выбираясь из-под кресла, Шура думал только о том, как бы сумасшедший маг не швырнул в него иголку - очень заковыристой может быть такая дрянь.

- Ревность мучает? - предположил Шура насмешливо и с долей сочувствия. Комната крутанулась перед его глазами, и он едва не свалился на ковер. Эльдар криво усмехнулся.

- Мне безразлично, Саша, спит она с тобой или нет, - сияние вокруг брони помутнело: нет, ему не безразлично. Ему вовсе не безразлично. - А то, что ты вдруг выпрыгнул киндер-сюрпризом из ниоткуда, мне далеко не безразлично. И эти странные нити в твоей ауре мне совсем не нравятся.

- Вы псих, - сообщил Шура. Эльдар согласно кивнул.

- Ты мне это уже говорил, мой хороший. Я бы все-таки с большим интересом послушал ответы на мои вопросы. А что я псих, так то не новость. У меня и справка есть.

- Ревнуете, - улыбнулся Шура. Он чувствовал безумный азарт Эльдара заставлявший кровь вскипать пузырьками жуткого восторга, а волосы - подниматься на голове жесткими иглами. Это было потресающее ощущение, истинный водоворот, неотвратимый и безжалостный, в котором хотелось утонуть. Шуру просто распирало от возбуждения, он понимал, что его джинсы вот-вот лопнут - а потом все внезапно закончилось, стекло мутной болотной водой, оставив только покалывание в кончиках пальцев.

- Ну и ревную, - спокойно согласился Эльдар. - Я же все-таки муж ее, мужчина. А у нее, видите ли, старая любовь не ржавеет. Вроде в феврале дело сдвинулось с мертвой точки-то. Но тут господин Черников решил вернуться! В ее жизнь, душу и постель, - Эльдар сделал паузу, подошел к окну и несколько минут разглядывал линялую синицу, деловито копошившуюся на ветке. - Но дело даже не в этом, - продолжал он, не оборачиваясь к Шура. - Меня очень тревожат неожиданные возвращения сами по себе... Тем более, когда возвращается даэрана с весьма необычными изменениями в ауре. Итак, начнем сначала: ты не Артур Ключевский, ты Шура Черников. Верно?

- Верно, - кивнул Шура. Он вроде бы нащупал что-то в броне Эльдара. Вроде бы. Ошибиться было очень страшно. - Все верно.

- Умница, - одобрил Эльдар. - Рад видеть тебя воскресшим. Действительно рад. Но умер ты летом, а сейчас весна. Где ты был?

- Болел, - коротко ответил Шура.

Эльдар покачал головой.

- Да, это бывает. Но вот что еще меня волнует - ты был объявлен мертвым и вернулся под другой фамилией и с другой внешностью. Повзрослел и постарел, даже скорее постарел, чем повзрослел. Расскажи мне, пожалуйста, хорошо и честно: кто тебе помогал и был с тобой все это время. Как так вышло, что ты уходил обычным человеком - ну, не совсем обычным, но все

же - а вернулся вполне определенным магом? Посвящение можно присваивать автоматически.

Шура зажмурился. Потер лицо ладонями, пытаюсь сосредоточиться. В броне Эльдара все-таки была щель, не точка, а именно щель - маленькая, с волосок, практически не заметная. Заставить его слушать, неотрывно...

- Я не помню, - признался Шура. - Ничего не помню. Врача, который меня лечил. Медсестер, которые ставили капельницы. Не помню, понимаю, что должен бы, но не помню, - добавил он виновато.

- Это бывает, - кивнул Эльдар и снова направился к бару. - Пить хочешь?

Вода была умопомрачительно холодной, даже зубы заломило. Шура пил и думал, что, похоже, сейчас расскажет Эльдару все. А после этого убьет.

От таких мыслей ему становилось легче.

- И когда ты начал помнить? - спросил Эльдар, опустившись на низенькую банкетку. - Ты садись, в ногах правды нет.

Шура послушно сел на белый кожаный пуфик.

- Итак?

- Помню день выписки, как посмотрел на себя в зеркало и не узнал, - сказал Шура. - Из больницы меня забрал Максим Пономарев.

Эльдар вопросительно изогнул бровь - он и в самом деле удивился.

- Пономарев? Точно?

- Он вел себя так, как будто я ничего не помню, - продолжал Шура. - Сразу стал называть меня Артуром и отвез на квартиру. Я притворился, что и правда ничего не соображаю.

- Зачем? - поинтересовался Эльдар.

Щель в броне стала шире - еще немного и можно бить. Шура начал дышать глубже, собирая энергию.

- Если честно, то не знаю. Правда, не знаю - решил, что так будет лучше.

- Ну да, ну да, - рассеянно проговорил Эльдар, погруженный уже в свои мысли. - Что говорил тебе Пономарев?

- Много. В основном, о том, что я могу быть его помощником, денег поднять побольше. Я узнал, что произошло с Лизой, что она вышла за вас замуж, что она больше не ведьма, - Шура шмыгнул носом, но тут же подумал, что переигрывает. - Ну... Максим говорил еще, что будет меня тренировать, но попозже, по его словам, я еще сил не набрал.

Эльдар слушал, периодически вскидывая взгляд на Шуру, а щель, на которую смотрел Шура, теперь вполне подходила для нанесения удара. Он вспомнил, как в таких случаях вел себя Пономарев, сконцентрировался на щели, ощутив ее как часть себя, и вбросил в нее на выдохе сгусток энергии.

Эльдар охнул и схватился за грудь. Его взгляд был непонимающим и несчастным - он действительно не допускал мысли, что кто-то сможет найти в нем слабое место.

- Что... - прошептал маг, и Шура ударил снова. Теперь он видел, как обнажились энергетические узлы в груди и на лбу - Эльдар был совершенно открыт, беззащитен, и все понял.

- Больно? - спросил Шура. Он видел свое отражение в глазах умирающего Эльдара и не узнавал себя в строгой суровой фигуре, которой частичка чужого безумия придавала какое-то странное, мучительное очарование.

- Лиза, - прошептал Эльдар. - Не трогай Лизу.

- Клянусь, что не трону, - ответил Шура и одним ударом невероятной силы разорвал узлы Эльдара - маг захрипел и свалился на пол. На мгновение пришла тьма, но Шура устоял - его

только слегка качнуло. Когда темное облако развеялось, он посмотрел на окружающий мир по-другому. Шура не смог объяснить, что именно изменилось, но перемена была, и он ее ощущал. Шура вздохнул и подошел к Эльдару.

Это было совершенно не интересное мертвое тело. Пневма улетает, сома умирает, только сарк остается, вспомнил Шура Стивена Кинга, которого однажды процитировала Лиза, и направился к выходу, осознавая, что смерть Эльдара сделала его на шаг дальше от Лизы и себя прежнего.

Почему-то ему не было грустно, хотя Шура ожидал именно грусти.

Он вышел во двор и глубоко вдохнул запах цветущих абрикосов. Двор был пуст, только у ворот на пульте охраны сидел молодой человек крупного телосложения. Шура немного постоял, щурясь на весеннем солнце, а потом побрел к воротам, лениво размышляя о том, что первое убийство должно бы все-таки заставить его сердце биться быстрее. А так – не более чем раздавить таракана. Хлоп – и дело сделано.

Охранник посмотрел на него исподлобья, видимо, все-таки не ожидал, что Шура выйдет из дома на своих ногах. Шура широко ему улыбнулся и мысленно дотронулся до висков – взгляд молодого человека сразу стал влажным и немного глуповатым, как у фанатика на религиозном молении. Он нажал на кнопку, и створки ворот расползли в разные стороны.

– До свидания, – сказал Шура. – Кстати, вам скоро придется искать другую работу.

– Э-э? – бездумно промычал охранник. Казалось, еще немного, и по его подбородку потечет слюна.

– Совершенно точно. Елизавета Анатольевна вряд ли будет здесь жить, – с улыбкой предположил Шура. Охранник радостно закивал. Шура вдруг подумал, что надо бы вернуться в дом и разобраться с Толстым и Тонким.

– Да, надо, – сказал он вслух и бросил охраннику: – Закрой ворота.

Створки послушно поползли назад. Шура развернулся и пошел к дому.

Вернувшись домой, Шура первым делом принялся сооружать зеркало.

На кухне он взял глубокую миску, налил в нее три пузырька чернил (продавщица в канцелярском отделе торгового центра, помнится, взглянула на него с удивлением – чернила редко кто покупает: студенты давно рисуют чертежи на компьютере, а на инженера, предпочитающего работать по старинке, Шура не был похож) и устался в миску, пытаясь сосредоточиться на образе мертвого Эльдара.

Постепенно он вошел в транс, и блестящая чернильная поверхность расширилась, превратившись в экран, на котором Шура увидел зал в морге, три стола с телами Эльдара, Толстого и Тонкого. Вскрытие было закончено, лысый старичок-патологоанатом заполнял документы, и выражение его лица было испуганным.

– ...иаль...юче... – донеслось из зеркала. Официальное заключение, догадался Шура и нагнулся ниже.

– Официальное заключение – обширный инсульт, – говорил старичок. – А неофициальное – смерть в результате раздробления энергетических каналов. Представляешь?

Шура увидел Гамряна. Декан постарел, стал полнее и угрюмей; сейчас он выглядел, мягко говоря, ошарашенным, и сигарета, которую он крутил в пальцах, уже рассыпала на пол табак – но, похоже, это заметил только Шура.

– Я это представляю только по книгам, – промолвил Гамрян. – Сорок третий год, поединок Соловьевой и Краузе.

– Тевтон, – кивнул патологоанатом. – Но тогда она выдавила ему только один узел, – старик постучал себя по переносице. – А тут раздавлены все узлы и у всех. Я даже не представляю, кто сделал это и смог самостоятельно уйти. Потеря сил просто колоссальная.

Сигарета таки разорвалась: Гамрян посмотрел на ее остатки с искренним изумлением и полез в карман за пачкой.

– Чисто теоретически, – сказал Гамрян, – если бы я попробовал выдавить хотя бы один узел, то

неделю провалился бы мешком. А этот, – он покосился в сторону тел на столах, – убил троих магов, в том числе Оборотня, знаменитого не меньше Тевтона, и ушел, не оставив следов.

– Им можно гордиться в какой-то степени, – произнес старичок.

Гамрян взглянул на него исподлобья.

– Еще бы узнать, кто это! – воскликнул он. – Системы видеонаблюдения вышли из строя, охранник на воротах стал форменным идиотом, и его невозможно просмотреть. Честно тебе скажу: мне страшно.

Шура ощутил что-то вроде насмешливой гордости и поймал себя на мысли о том, что обязательно пойдет в библиотеку Пономарева и узнает подробности о поединке Соловьевой и Тевтона. Впрочем, понятно уже, что для отважной женщины такое сражение вряд ли могло закончиться чем-то хорошим.

– Я даже не представляю, как объявлять об этом, – продолжал Гамрян. – Оборотень убит! Сам Поплавский! Сразу такая паника начнется.

– Да уж, – кивнул старичок. – Если он сумел убить Эльдара, то для него нет ничего невозможного. В принципе.

– И даже воскрешать мертвых, если они хорошие люди, – произнес Гамрян и наконец-таки закурил. – Вот что делать с такой силой?

Шура усмехнулся. Интересно. А говорят, что подслушивать нехорошо; Пономарев не рассказывал о том, что для даэраны нет ничего невозможного. Наверно, боялся, что Шура тогда попытается разорвать путы.

То, что Эльдар окрестил странными вплетениями в ауре, было тем, что французский философ и маг Антуан Мерсье назвал путами – энергетическими нитями, которые пронизывают даэрану, прикрепляя его к ведущему неразрывно и навсегда. В принципе, кто запретит попробовать их разо...

Вспышка головной боли была настолько сильной, что Шура отшатнулся от стола и едва не перевернул зеркало. Вот оно что, нельзя даже помыслить о неподчинении ведущему. Шура зашипел, уткнулся лбом в стену и какое-то время стоял неподвижно, глубоко дыша и пытаясь успокоить горячее биение в висках. Все хорошо, все в порядке, Пономарев его самый близкий друг и наставник, он будет слушаться и повиноваться.

Постепенно дышать стало легче. Шура смог оторваться от стены, обнаружил, что весь покрыт отвратительным липким потом и поковылял к столу. Снова отлаживать зеркало... а руки дрожат, и пол как-то крутится... Шура уперся ладонями в стол: надо успокоиться. Взять себя в руки, ничего страшного не произошло, все в порядке. А зеркало хорошо бы отладить на Гамряна – Эльдар плыл по течению и выплыл на стол в морге, взять с него больше нечего. А вот послушать декана не помешает.

Зеркало обнаружило Гамряна в кабинете старичка-патологоанатома; декан курил, сидя на низеньком табурете. Чуть поодаль, на стуле, расположилась заплаканная Лиза – у Шуры сжалось сердце: ей было больно, она горевала, и, видя ее скорбь, Шура ощущал себя натуральной сволочью.

– Не убивайся так, – донесся до Шуры голос Гамряна. – Тут все свои.

Лиза вскинула голову и словно хлестнула Гамряна взглядом покрасневших глаз.

– Геворг, у меня мужа убили, – сказала она, – если ты еще не заметил.

Гамрян осекся.

– Прости.

– Прощаю.

В поле зрения Шуры возник патологоанатом – он вошел в кабинет с электрическим чайником и пачкой печенья. Словно повинуясь незримому приказу, декан встал с табурета и отошел в сторону.

– На пол не стряхивать, – произнес патологоанатом. – У меня тут прислуги нету.

Лиза вынула из кармана упаковку каких-то таблеток, вытряхнула пластинку с лекарствами и протянула пустую коробку Гамряну.

- Кто мог это сделать? - каким-то надтреснутым голосом осведомилась она.

Патологоанатом пожал плечами и извлек из ящика стола чайные чашки самого затрапезного вида. Шура подумал, что использовать как пепельницу можно было бы любую из них, однако же в чашки отправились сперва чайные пакетики, потом кипяток из чайника, а уже затем - пилюли сахарозаменителя.

- Давай прикинем с нами, - сказал старичок, передавая чашки Лизе и Гамряну. - Самый сильный и опытный маг в области - это Геворг. Однако, раз уж на то пошло, у него есть алиби.

- Был в институте на лекции, - доложил Гамрян, отпил чаю и поморщился. - Слушай, Валентин Сергеевич, ты в этих чашках отраву крысиную разводишь, что ли?

Лиза усмехнулась.

- Судя по тому, что я увидела, Эльдара попросту размазали по стенке, - сказала она и, выдавив из пластинки таблетку, отправила ее в рот.

- Мне нравятся твои метафоры, - сказал Валентин Сергеевич. - Можно и так сказать. Он даже не успел ничего предпринять; если быть точным, то убийца все проделал за полторы секунды.

Полторы секунды? - чуть было не вскрикнул Шура. Ему казалось, что все заняло не менее трех минут! Вот оно, личностное время и субъективное восприятие событий.

- Гастролеры? - предположила Лиза. - У Эльдара были какие-то трудности с московскими. Он рассказывал, что...

По ее щекам снова покатались слезы. «Неужели при всем своем букете добродетелей он был ей все-таки дорог?» - подумал Шура, и ему стало грустно. Некоторое время Гамрян и патологоанатом смущенно молчали.

- Деньги не поделили, - предположил Гамрян, когда Лиза успокоилась. - Он это и мне говорил. Но, во-первых, даже если это московские, то их тут должно быть минимум четверо. А во-вторых, нет никакой информации о том, что группа знающих магов приехала в Турьевск.

«Ну да, - подумал Шура мрачно, - регистрация у них должна быть по любому, даже если они на полчаса заехали. Даже если проездом были. Все фиксируется».

- Местный? - спросила Лиза. - Но кто? Если это не ты, не Борис, не Аннушка, то кто тогда?

«Вернувшийся мертвец», - мрачно подумал Шура. Гамрян пожал плечами.

- Возможно, это был спонтанный прорыв поля. Он ничего не говорил тебе об эксперименте? По типу того, который проводил Пономарев.

Теперь Шура весь обратился в слух и даже дышал чуть ли не через раз. Валентин Сергеевич налил еще кипятка в свою чашку и промолвил:

- Это ты о том, как он пробовал выйти в Параллель?

Гамрян кивнул.

- Пробовал... Изобретатель х... Прости, Лиз. Лиз. Что тогда было - резкий скачок псионики и раскрепощение подсознания у всех в радиусе трех километров...

Лицо Лизы словно окаменело. Она сидела, напряженная, словно натянутая струна; даже через зеркало Шура чувствовал ее как туго скрученную золотую пружину.

- Четыре изнасилования. Восемь случаев хулиганства. Твой парень погиб, - перечислил Гамрян. - Выброс негатива колоссальный. Вдруг Эльдар решил прокрутить что-то такое в личном порядке?

«Ее погибший парень - это я», - подумал Шура, а Лиза сказала:

- Мне он об этом не рассказывал. Возможно, да, хотел что-то такое устроить, но это теперь не выяснишь. Хотя для выхода в Параллель даже он был недостаточным психом, - Лиза вздохнула и добавила: - Но знаете, в принципе, то, что я знаю о Параллели, вполне вписывается в

произошедшее.

Гамрян вытащил новую сигарету.

- Тогда мое предварительное заключение будет таким: смерть Эльдара Поплавского, он же Оборотень, наступила в результате несанкционированных и опасных экспериментов по проверке работы земных заклинаний в параллельной реальности. Предположительно, во время эксперимента не справился с ходом энергетических полей. Его помощники, Дмитрий «Кубар» Тунков и Альберт «Аля» Кашенцев, ведьмаки первого посвящения, погибли, пытаются закрыть прорыв реальности. Знахарь Михаил Гулайтис, сотрудник службы охраны, находится в критическом состоянии. Все?

Шура хмыкнул. Знахарь на воротах – серьезно Эльдар обустроил свой быт.

- Вроде бы все, – сказала Лиза. – Пономарев нам в принципе помог. Наши отвлекутся на этот эксперимент с Параллелью, а мы спокойно попробуем найти того, кто это сделал, – она вдруг нахмурилась и сжала пальцами виски. – Черт возьми... Такое чувство, словно за мной кто-то наблюдает.

Тут Шура моргнул, и кабинет патологоанатома исчез. Перед ним снова была обычная миска с чернилами. Шура мельком подумал, что это, должно быть, со стороны выглядит очень забавно: сидит молодой угрюмый мужик у стола и пялится в чернила, словно там показывают порнуху. Он посидел еще немного, ни о чем не думая, а потом поднялся и пошел выливать чернила и мыть миску.

Чернила затягивало в сливное отверстие. Шура зачарованно смотрел на темно-синее водяное облако; в висках еще пульсировала боль наказания за ненужные мысли, но уже привычно – так, легкий дискомфорт, не боль. А многоумный Гамрян будет искать убийцу Оборотня и рано или поздно, хотя бы методом исключения, перебирая всех турьевских магов и их окружение, доберется и до него. Шура выключил воду, поставил миску на полку и снова сел за стол.

Эльдар вел дневник, и сейчас Шура явственно видел перед собой толстую тетрадь в твердой обложке, раскрытую почти в самом конце, и страницу, исписанную угловатым почерком с наклоном влево. Вполне можно читать: «Я ощущаю резкие изменения магического поля Турьевска. На моей памяти такое было только один раз: когда Лиза потеряла способности. Сейчас это говорит об одном: в городе появился очень сильный маг».

Зазвонил мобильник в кармане.

- Артур, это я, – сказала Лиза. Вопреки ожиданиям Шуры, ее голос не дрожал.

- Привет, – произнес Шура. – Как ты?

- У меня несколько часов назад убили мужа, – промолвила Лиза. – Артур... Можно мне приехать?

Ночь тихо скользила по квартире. Луна со стыдливой кокетливостью заглядывала в окно сквозь легкую французскую штору, словно боялась, что ее не хотят видеть, на кухне едва слышно цокали часы, и было ясно: весна бродит по дому на цыпочках. Лежавшая рядом с Шурой Лиза дышала глубоко и размеренно, а сам Шура висел в блаженном состоянии полуяви-полудремы, когда ни о чем не думается, вроде бы и спать не хочется, но и не засыпать нельзя, и словно качаешься на тихих теплых волнах – то вверх, то вниз.

Шура настолько расслабился, что когда Лиза вдруг позвала его:

- Саша... – он негромко откликнулся:

- Да, родная?

И тут же все очарование весенней ночи испарилось: Шура понял, что Лиза не спит, что она позвала его по имени, и что он, Артур Ключевский, отозвался на абсолютно чужое имя, а это уже настоящий провал.

Шура сел. Надо было что-то сказать, что-то сделать, но он и понятия не имел, что и как. Тонкая прохладная рука легла на его плечо.

- Саша, – повторила Лиза.

- Ты все знаешь, – выдавил Шура. – Ты все знаешь.

- Да, - вздохнула Лиза. - Ты запечатлен?

Она знала все, и это тоже. Она наверняка уже давно обо всем догадалась, а значит можно только предполагать, с какими ощущениями она пришла сегодня к человеку, который убил ее мужа.

- Ты все знаешь, - только и смог повторить Шура.

Лиза всхлипнула и уткнулась горячим лбом в его спину. Ей тоже хотелось многое сказать и о многом спросить, однако она молчала, и Шура чувствовал, как тот синий лед, который вырос между ними за все время их странных встреч, становится толще с каждой секундой, а тишина - гуще и плотнее, и когда на полу зазвякал Лизин мобильник, Шура ощутил невольное облегчение.

Рука соскользнула с плеча. Мне это снится, подумал Шура. Мне это всего лишь снится, и завтра утром все будет не так.

- Алло.

Гамрян говорил так громко, что Шура мог прекрасно его слышать. Вдобавок, в его речи звучал отчетливый кавказский акцент, прорывавшийся в минуты крайнего волнения.

- Ты знаешь, что Черников жив?

Лиза шевельнулась, усаживаясь удобнее. Шура боялся обернуться. Луна за окном остывала застенчивым кремовым цветком, запутавшимся в ветвях сухого дерева.

- Он не может быть жив, Геворг, - сказала Лиза совершенно спокойно, однако Шуру словно током дернуло от этого спокойствия. - Он погиб летом.

- Он не погиб летом, - произнес Гамрян. - Я все понял, Лиза! Черников жив, и именно благодаря ему так усилился в последнее время Пономарев.

- А я ничего не понимаю, - промолвила Лиза, и Шура явственно ощутил, как от нее повеяло холодом. - При чем здесь Пономарев?

Некоторое время Гамрян молчал, а потом заговорил:

- Послушай, Лиза, мне самому казалось, что я с ума сошел. Твои тогдашние догадки по поводу даэраны - ну ведь бред натуральный! А потом я подумал: ведь так вот вдруг мага может усилить только даэрана - и допустил, что Черников жив.

Шура встал с постели и подошел к окну - не мог больше сидеть рядом с Лизой, не мог и все. Голос Гамряна сразу же отдалился, превратившись в практически неразличимое взволнованное бормотание. Луна смущенно подмигнула Шуре; час назад уснул весь город, еще через час он начнет просыпаться, но пока в домах ни огонька, а весенние улицы тихи и пустыньны, и весь город кажется декорациями готического спектакля.

- Это невозможно, - услышал он Лизу. - Я видела его мертвым.

Город спал. Никто не видел дивной и звездной апрельской ночи, а Шура был настолько напряжен, что не мог оценить всю ее красоту. Зашелестело одеяло - Лиза села, вздохнула.

- Геворг, сейчас три часа ночи. Давай встретимся завтра часов в десять утра, я хоть что-то буду соображать. Ага?

Видимо, Гамрян согласился, потому что Шура услышал нежный электронный писк выключаемого телефона, а затем - шаги. Лиза приблизилась и встала рядом.

- Он догадался, - сказал Шура. Лиза кивнула.

- Не думал, что так быстро, - промолвил он. Лиза не сказала ничего. Так они и стояли рядом, и Шуре казалось, что апрельская ночь наполнена серебряным снегом и звоном невидимых фарфоровых колокольчиков.

Утром они уехали из города.

Шура запомнил это утро как очень долгий и нудный кошмар, из которого невозможно выбраться. Лиза собрала вещи буквально за полчаса, затем вызвонила Данилу, который

примчался, невероятно испуганный, но с видом человека, морально готового при надобности кинуться под танк с гранатой. У него на плече болтался рюкзак, в котором явно были паек и смена белья на три дня. Лиза легко подхватила свою сумку, бросила Шуру: «Мы уезжаем» – и быстрым шагом направилась к выходу. Через десять минут они втроем уже выезжали на проспект, а через час – на Южную трассу.

Когда Турьевск остался позади, Шуру стало нехорошо. Сначала это было похоже на легкое отравление: его начало мутить, а голова слегка поплыла. В зеркале он увидел свою посеревшую физиономию и успел подумать: эх, что-то не то... Потом Шуру словно охватило множество тугих нитей и стало тянуть назад, в сторону города.

– Стой, – велела Лиза, и, когда Данила послушно остановился у обочины, перебралась на заднее сиденье и взяла Шуру за руку. – Тебе плохо?

Шура попробовал улыбнуться, и еще одна нить перехлестнула горло и принялась затягиваться. Он захрипел и схватился за шею. Перед глазами поплыли алые круги, и сквозь шум в ушах Шура услышал встревоженный голос Лизы:

– Быстрее, Данька. Его тянет ведущий.

Машина сорвалась с места, и нити тотчас же натянулись сильнее. Шуру подумалось, что его либо задушит, либо выдернет из машины и поволочет по дороге обратно в Турьевск. Они с Пономаревым неразделимы, их обоих пронизывают тысячи нитей, и никакими силами невозможно эти нити разорвать... Шура корчился на сиденье, подвывая от боли, мир плавился, закручиваясь винтом и впиваясь в виски, и во рту почему-то был вкус крови, а челюсти стискивали что-то тугое и горячее...

– Дань, быстрее!

Машина свернула с шоссе и понеслась по проселочной дороге, подпрыгивая на ухабах. Лиза держала голову Шуры и прикосновение ее пальцев к затылку было единственным, что он мог воспринимать сквозь пульсирующий поток боли. Когда алая пелена перед глазами становилась тоньше, то Шура мог видеть, что едут они уже не среди полей, а по лесу, и дорога идет среди толстых темных деревьев, которые весна едва затронула зеленой плесенью свежей листвы.

Мир людей и страну мертвых здесь разделяла пленка реальности не толще волоса. Вдоль дороги тянулись ряды призрачных заколоченных домов, и от Шуры не утаились тени, которые мчались за автомобилем. Тени, тени, тени... они клубились и дрожали, то становясь гуще и зернистей, словно изображения на старой фотографии, то почти рассеиваясь в воздухе. К боли добавился ужас, а когда Шура услышал знакомое щелканье и угрожающий шелест хвостов звуггов, то его пробил отвратительный ледяной пот.

Но вскоре лес для Шуры исчез – его место занял залитый ярким солнцем летний луг, жаркий июльский полдень, разнотравье. Запах цветущих растений мягко дурманил голову. В травах играли двое детей, мальчик лет шести и совсем еще маленькая девочка, их русые макушки то исчезали среди пижмы и ромашек, то возникали снова – дети ловили жуков и играли с пчелами. Шуру хотелось остаться на этом лугу с этими детьми, но кругом снова был лес, и деревья склонялись над дорогой, будто рассматривали машину, что-то скреблось в крышу, словно пыталось вытащить пассажиров, и дышать становилось...

Нити затянулись еще туже, и под их тонкий звон Шура утонул во мраке. Что-то с легким хлопаньем лопалось в его голове, но он уже не слышал этих тихих призрачных звуков.

Но он не умер. Спустя несколько минут автомобиль таки смог прорвать незримую завесу, и Лиза увидела край леса, а за ним – зеленые холмы, маленькое и почти идеально круглое озеро: осколок неба, синее донышко изумрудной чашки, а чуть поодаль, на одном из холмов – маленький домик в окружении низеньких цветущих вишен, и весь этот кусочек весны был залит настолько ярким и беззаботным солнцем, что на мгновение Лиза зажмурилась. Машина выехала из-за деревьев, и что-то сомкнулось за ней плотной непроницаемой завесой, но в природе этой завесы Лиза не могла сейчас разобраться. Данила облегченно вздохнул и устало опустил на руль.

– Все живы? – спросил он едва слышно. Лиза кивнула, а тут и Шура шевельнулся и задышал глубже, чувствуя, как спеленавшие его пути растекаются серым туманом. Некоторое время он просто дышал свежим весенним воздухом с привкусом вишневого цвета, а затем открыл глаза и посмотрел на Лизу. Она была рядом, она пахла страхом, кровью и болью, и Шура невероятно отчетливо понимал, что любит ее – по матрице ли, по инстинктам или еще как – неважно:

просто любит, как умеет...

- Данил, там в бардачке пластырь, - промолвила Лиза. - Дай, пожалуйста.

Шура опустил глаза и увидел, что на правой руке Лизы наливаются черно-красные синяки от укусов и кое-где сочится кровь. Данила вынул пластырь, Лиза протянула ему руку, и он принялся обрабатывать раны.

- Человечий укус хуже собачьего, - проговорил он, настороженно косясь в сторону Шуры. - Тут, по-хорошему, надо бы пару швов наложить...

- Я не бешеный, - буркнул Шура и осторожно коснулся колена Лизы. - Прости.

- Ничего, - ответила она, стараясь не смотреть в его сторону. Данила открыл дверь и выбрался из машины, постоял немного и сел прямо в траву.

- Приехали, - вздохнул он. - Конечная.

Мобильники здесь не работали, даже хваленый Шурин «Апфилл», который, по заверениям Пономарева, никогда не бывает вне зоны доступа. Ключи от дома обнаружили у Данилы - по тому, как уверенно он открыл дверь и вошел внутрь, Шура понял, что целитель бывал здесь раньше, и не раз.

- Прощу в гости, - позвал он, и Лиза прошла в дом, а Шура поплелся за ней. Ему все еще было нехорошо - казалось, что каждая мышца в теле нашпигована иголками. А в доме было светло и тихо, и, вопреки ожиданиям, не пахло той гниловатой сыростью, которая есть во всех необитаемых домах. Впрочем, этот дом не создавал впечатления необитаемого - здесь почти не было пыли, дорожки на полу оказались выметенными, а изящные занавески на окнах - чистыми, и даже ходики на стене весело стучали, показывая точное время. Лиза прошла в одну из комнат и сказала оттуда:

- Я буду здесь, а вы соседнюю занимайте.

- Хорошо, - послушно отозвался Данила и пошел по коридору, волоча прямо по полу свою немудреную поклажу. Шура чувствовал, что целителю очень плохо физически, но не знал, как и чем ему можно помочь.

В отведенной им комнате помимо очень хорошей мебели оказался даже телевизор - «Горизонт» 1985 года выпуска. Пока Данила пытался открыть окно, Шура нажал на кнопку включения - телевизор не работал, и это почему-то показалось Шуре забавным.

- Из развлечений только книги, - Данила кивнул в сторону стеллажа Ikea, под завязку забитого разноцветными томиками в мягких переплетах.

Шура подошел поближе - сплошная фантастика и ужасы - и не сдержал усмешки.

- Антон очень любил такие книжки, - сказал Данила. - Ну, тот маг, который жил здесь раньше. Читал и откровенно глумился. Знаешь, я был у него еще пацаном... Так вот, представь: сидит в кресле такой старенький-старенький дедушка, читает Головачева и в голос хохочет. Я тогда очень удивился.

- А где сейчас Антон? - спросил Шура.

Данила улыбнулся - светло, грустно и как-то беззащитно.

- Умер он. Зимой, два года назад. Ему тогда за девяносто было.

Шура промолчал. В открытое окно дул ветер, пропитанный ароматом вишен. Шуре подумалось: хорошо, что здесь нет абрикосов... и подумалось еще, что вчера, только вчера! - он убил человека. Почему ему не больно, не горько, не стыдно, в конце концов, почему ему никак - тускло и скучно, как в комнате с давно не мытыми окнами. Или он действительно перестал быть Шурой и превратился окончательно в Артура?

- Ребята...

Он обернулся. На пороге стояла Лиза и смотрела так... Шура не понял, как именно, но подумал, что примерно так смотрит тяжелораненый на врача, который должен сделать ему операцию.

- Что, Лиз? - спросил Данила. Она помолчала и выпалила:

- Пойдемте. Надо бы начинать.

Отец ушел, когда Шура было восемь. Он ушел не к кому-то - просто собрал вещи, потрепал Шуру по макушке и, сказав: «Держись, парень, а то она и тебя укатает», закрыл за собой дверь. Мама тогда не проронила ни слезинки, она вообще почему-то не плакала, а вот Шура лег на кровать, свернулся калачиком и зарыдал так, что у него случились судороги. Потом с ним работал психолог, и Шура практически забыл и уход отца, и его почти равнодушный жест, и свои слезы, а тут...

Они вышли из дома и устроились на холме. Данила начертил каким-то ржавым ножом круг и Лиза встала в центре. Шура хотел взять ее за руку, но не взял.

Мама говорила с соседкой на кухне, когда предполагалось, что Шура спит, и он услышал многое: и то, что обожаемый отец был полным ничтожеством и идиотом, и то, что он наплевал на жену и предал сына - а Шура обнимал потертого плюшевого медведя, которого отец подарил ему на день рождения и беззвучно плакал, пока спазм не пережимал горло, и он не начинал задыхаться.

Данила перекачивал энергию, конечно, не так чисто, как Пономарев, однако очень хорошо и технично для своего возраста и уровня. Лиза стояла абсолютно неподвижно и лишь один раз тихо сказала:

- Жжет...

Данила сразу же перестроил рамку, и Шура поморщился: на какое-то время темно-синий поток энергии стал колючим, оцарапал ладони и горло.

Почему ему было настолько плохо тогда? Чье поведение он послушно отражал - неужели одноклассницы Лерки, что сидела с ним за одной партой, которую тогда бросила мама, и у нее случались нервные припадки прямо на уроках - тогда за ней приходила бабушка и забирала ее домой, а Шура провожал зареванную, шмыгающую носом девочку до раздевалки и помогал ей надеть старенькое пальтишко, и бабушка смотрела на него внимательно и понимающе. Да, наверно, Лерка...

Шура стоял и смотрел, как Лизу опутывает золотистая пряжа, которую протягивал через него Данила. У них получится, должно получиться - Лиза снова станет собой, Лиза снова будет...

Данила не удержал рамку, и поток искривился. Шура смог кое-как его выправить, но на ногах не устоял, и упал на колени в молодую траву. Где-то вдали остался круг, Данила, Лиза, пребывавшая в чем-то вроде транса - Шура не видел и не слышал.

В стране мертвых тоже была весна. Шура обнаружил себя на лужайке в маленьком тихом березнячке. Все кругом было залито теплым и ласковым солнцем, и Шура вдруг подумал: не так уж это и плохо - быть здесь. Он огляделся и обнаружил чуть поодаль брата Лизы - тот сидел на поваленном стволе дерева в компании...

Шура нервно сглотнул. Рядом с братом Лизы расположился его двойник - кучерявый юноша в серой футболке с неразличимым от множества стирок рисунком, черных джинсах и стоптанных кроссовках. Шура узнал эту одежду - он всегда так ходил гулять с соседской собакой, когда еще учился в школе. Неужели у вещей тоже есть страна мертвых? Двойник вытянул ноги и запрокинул голову, подставив лицо солнечным лучам - на окаменевшего от изумления Шуру он даже не взглянул.

- Не обращайтесь внимания, Артур, - подал голос брат Лизы. - Это мой приятель, Черников. Хороший, в принципе, парень, но с ним случилась беда не так давно.

- Мелочи, - откликнулся двойник, и его голос оказался совершенно незнакомым, это не был голос Александра Черникова. - Наткнулся на наркоманов в парке.

- Нам обоим с этим повезло, - сказал брат Лизы. - Наткнулись на наркоманов, нас наткнули. Не обращайтесь внимания, Артур, я сам не знаю, с чего это он сегодня такой говорливый.

Шура молчал - онемевший и беспомощный, он просто не знал, что теперь делать и как быть. Его прошлое сидело неподалеку - все то, чего он лишился при запечатлении и чего еще не осознал до конца. Он мог бы подойти - к самому себе? - и постараться понять, что все-таки произошло, и кто именно остался жить, а кто погиб на берегу пруда однажды вечером. Он мог бы... но двойник вдруг встал и побрел своей дорогой - через несколько мгновений он скрылся

за деревьями.

- Он гуляет сам по себе, - прокомментировал брат Лизы. - Однажды его просто заберут звугги.

У Шуры по спине пробежал холодок. Брат Лизы смотрел на него пристально, однако равнодушно, словно его интересовал не Шура, а что-то другое.

- Что вы хотите делать с Лизой? - спросил он. - Этот мальчик... что он задумал?

Шура помотал головой, пытаясь сосредоточиться, и вдруг увидел, что брата Лизы зовут Кириллом, что он был самым настоящим некромантом - магом, способным управлять мертвыми - и что именно поэтому его и убили, подослав обколотого подростка, вооруженного заточкой, в больницу, когда Кирилл, врач-терапевт, был на дежурстве. Таково было решение группы магов, в которую, по счастью, не входил Гамрян - а вот Пономарев, похоже, входил. Точно, входил.

Кирилл едва заметно кивнул, словно соглашался с полученной Шурой информацией.

- Так что же задумал целитель? - продолжал он. - Нарастить новую ауру и укрепить каркас? Или запаять щель? Чем вы там сейчас занимаетесь?

- Все правильно, - кивнул Шура. - Нарращиваем и укрепляем.

- Хорошо, - Кирилл обернулся и некоторое время смотрел в ту сторону, куда удалился Шурин двойник, прислушиваясь к чему-то, что не слышал Шура. - Только будьте готовы к тому, что вас ищут, и времени вам отпущено очень мало.

- Понятно, - промолвил Шура. Кирилл встал и, сунув руки в карманы выдавших виды брюк, добавил:

- А Эльдара убивать не стоило, Артур. Он, конечно, был псих, и я от этого их брака тоже не в восторге, но убивать не стоило. Он не успел вам навредить. - Кирилл вынул из кармана большую серебряную монету на шнурке, покрутил в пальцах и спрятал обратно. - Если встретитесь с ним здесь, то попробуйте притвориться этим малахольным Черниковым. Хотя какой из вас, на фиг, Черников.

Он вздохнул и побрел туда, куда отправился двойник.

Вечер выдался теплым, но каким-то по-осеннему прозрачным. Шура ушел прогуляться, оставив спящую после ритуала Лизу на попечение Данилы, который мучился от головной боли и мечтал об анальгине. Говорить с ним не хотелось - вообще не хотелось говорить, делать что-то. Он ушел к озеру и сел на прогретые за день мостки. Запах воды, теплого дерева, растущей травы слегка кружил голову, словно хороший коктейль; Шура смотрел, как сползает за лес солнце, как среди темных стволов начинает клубиться туман - нехороший, неправильный какой-то туман, который, впрочем, не мог пробиться за черту, установленную когда-то старым колдуном. В доме зажегся свет. Отсюда, с мостков, Шура видел тихую золотую искру, и ему было легко и немного грустно.

«Чью грусть ты отражаешь?» - спросил внутренний голос и не получил ответа на свой вопрос. Шура смотрел на лес, на воду, слушал, как бродит вокруг весна, чувствовал, насколько одиноко - невероятно, космически одиноко. Где-то совсем рядом были люди, его женщина («Твоя ли?» - не замедлил встрять внутренний голос), его друг («Друг ли?») - а ему казалось, что вернулся в вечер в парке почти что год назад, когда принял решение, и все изменилось окончательно и бесповоротно. Где-то бесновался Пономарев, пытаясь отыскать свою драгоценную пропажу, где-то Ваня и Мадина искали Лизу по всем знакомым, где-то ждал похорон Эльдар - вчера, только вчера он был жив, а сегодня... Шура смотрел в воду, но видел только клубящийся водоворот чернил, черные паутинные нити, которые извивались перед ним, заслоняя зрение и сбивая дыхание. Тихий огонек дома, тепло идущей весны, спокойствие вечера - все это осталось позади, а в мире Шуры остались только чернильное облако и запах гари.

Впрочем, выход из этой ситуации как раз был, и Шура удивился, как не додумался до него раньше. Конечно, это было гадко, больно и мерзко, но это лучший вариант из всех возможных - снова стать собой, понимая, что Лиза и Данила справятся и без него. В конце концов, кем он стал? Стоит ли о нем жалеть вообще?

Он поднял голову, с усилием оторвав взгляд от воды, и увидел Эльдара. Тот стоял совсем рядом, и Шура, пожалуй, осекся бы, называя его мертвецом - абсолютно живой, со знакомым нервным блеском в глазах, наглый, красивый и энергичный, именно такой, каким Шура

увидел его впервые.

- Здравствуйте, Сашенька, - ласково промолвил Эльдар.

- Здравствуйте, - ответил Шура.

- Плохо вам? - осведомился Эльдар и на мгновение преобразился: Шура понял, что муж Лизы действительно мертв: коротенькая тень у его ног съежилась и исчезла.

- Плохо, - кивнул Шура.

Эльдар вздохнул и сел рядом - старое иссохшее дерево мостков даже не скрипнуло.

- Бедный мальчик, - сказал он. - Я не держу на вас зла, мой хороший.

- Спасибо, - сказал Шура.

Эльдар усмехнулся и похлопал его по руке - ладонь мертвеца оказалась сухой и прохладной.

- А все потому, что мама не научила вас одной простой вещи: никогда нельзя принимать решения сходу, тем более, такие важные решения. Например, убить трех магов и знахаря. Или вернуться из мертвых к женщине, которая вас узнала сразу же. Или пройти запечатление.

- Он сказал, - Шура закусил губу, пытаясь удержать слезы. - Он сказал, что я смогу помочь Лизе.

- Да знаю я, что он сказал, - ухмыльнулся Эльдар. - На что еще можно поймать такого прекраснородного мальчика - конечно, на рассказы о счастье для всех и практически даром и байки о чести и долге. Это, князь, голубчик, старые бредни, а нынче свет поумень, и все это вздор. Зачем надо было принимать скоропалительные решения по такому сложному и трудному вопросу? Не посоветовавшись, не узнав себя лучше, книг не почитав, в конце концов?

- Он сказал, что я смогу помочь Лизе, - повторил Шура.

Эльдар кивнул.

- Помог?

Шура повел плечом.

- Не знаю... Правда, не знаю.

Помолчали. Солнце окончательно уползло за зубчатую кромку леса, и туман среди деревьев приобрел нехороший зеленоватый оттенок. Эльдар проследил за взглядом Шуры и произнес:

- Здесь такое бывает, Саша. Не бойся.

- Я и не боюсь, - пробормотал Шура; казалось, туман ощупывает границу прохладными влажными лапками, и из леса доносятся разочарованные стоны его невидимых обитателей.

- Сейчас я все обдумал, - сказал Шура. Эльдар смотрел на него мягко и испытующе. - Мне понятно, что ситуацию можно изменить только одним способом, и это будет правильно. Лиза... Ну, она справится, Данила ей поможет, ей многие помогут - Гамрян, Ванька. И у нее больше не будет проблем из-за меня, никаких. - Он нахмурился, понимая, что незачем все же рассказывать об этом мертвецу, которого он сам и убил. - В общем, я принял решение, - отрезал Шура и уставился на воду - там уже отражался месяц и первые звезды.

- А ты уверен, что это решение не приняли за тебя? - поинтересовался Эльдар. - Что это именно твои мысли и выводы?

- Чьи же еще-то? - удивился Шура.

Эльдар усмехнулся и встал - мостки под его ногами не дрогнули.

- Тебе виднее, конечно, - сказал он. Сквозь его тело Шура теперь мог видеть озеро и холмы. - Но прежде, чем действовать, подумай еще об одной вещи: почему я решил простить тебя?

- Подумаю, - пообещал Шура.

Эльдар кивнул ему и спрыгнул с мостков на воду.

- Умничка, - проговорил он и пошел по воде на середину озера. Шура смотрел ему вслед: Эльдар становился тоньше и прозрачнее, пока не растворился окончательно. Над озерной гладью поднялась легкая струйка пара, и со стороны леса донесся вопль: так, должно быть, кричат души грешников в аду на сковородах.

Для меня ада не будет, устало подумал Шура. И рая тоже. *Corpus sine spiritum cadaver est*, так что надо просто вернуть все вещи в исходное положение.

Он устроился на мостках поудобнее, протянул руку и сорвал молодую зеленую травинку, росшую у самого берега. Она упоительно пахла жизнью, каждая ее клеточка призывала: жить, жить, жить! - и на какое-то мгновение Шура услышал этот гордый, сладостный зов. Потом он произнес несколько слов из выданного Пономаревым арсенала, и травинка умерла в его пальцах, но зато приобрела ледяную остроту и твердость лезвия. Шура помедлил и коротким резким взмахом располосовал правое запястье.

Кровь выступила неохотно, словно его тело не желало умирать и боролось за жизнь. Жизнь, жизнь! - пела мертвая травинка в пальцах; Шура поморщился и прочертил на запястье еще три полосы, а затем лег на мостки и опустил руку к воде.

Кровь падала лениво, как густой тягучий сироп.

Что такое спин? Ты показывал на прошлом занятии, а меня не было.

Шура смотрел в небо - звезды были крупными и лохматыми, будто белые осенние цветы. Они казались возбуждающе пряными на вкус и пахли зеленым чаем.

Шур, ну я же ведьма...

...и любить тебя опасно...

Но тем не менее...

...я попробую. Даже если ты против, я все равно попробую.

Он слышал эхо от падения капель в воду - тихое, печальное эхо.

Головой надо думать. А не грешным делом.

Лиза... Кого я отражаю сейчас? Ваню?

Головой надо думать...

- Бедный глупый мальчик, - на лоб Шуры легла рука мертвеца. - Ну подумай сам: ты не убийца. Ты орудие убийства. Тебе приказали убрать меня - и ты убрал. Тебе приказали замести следы - и ты замел. А теперь тебе велели умереть, потому что ты осмелился послушаться - и вот ты послушно умираешь...

И Шуру словно окатило ведром холодной воды - так, что он сразу вобрал в себя весь окружающий мир: и огражденный от внешних воздействий и проникновений уголок старого колдуна, и хищный туман в лесу, и Эльдара рядом, и ползающих неподалеку звуггов, и Лизу в доме, и себя, и боль в распоротой руке, и возможность на краткий миг, на доли секунды - всё? уже всё... - чувствовать и понимать самому.

Тогда Шура вскочил и заковылял прочь от озера. Пару раз он спотыкался и падал, когда боль становилась совсем уже невыносимой, но все равно поднимался и двигался дальше, и ночь кричала: жить, жить, жить! - и пахла травой и его кровью.

Данила сидел на крыльце; красивый фонарик освещал страницы книги, лежавшей у него на коленях. Шура вывалился из темноты, как партизан из леса, и от неожиданности Данила даже ойкнул.

- Саш, ты чего такой, ты где был, - начал он и тут увидел его разрезанную кровоточащую руку и осекся. Глаза Данилы стали большими и круглыми, словно у девчонки, увидевшей мышь.

- Пластырь дай, - сказал Шура, уставившись в землю и понимая, что не сможет сейчас посмотреть Даниле в лицо. - Я порезался.

Данила не шевелился, глядя на Шуру испуганно и непонимающе.

- Порезался я, - устало повторил он. - Порезался.

Проснувшись утром, Шура некоторое время не мог понять, где находится, и почему вместо уже привычного запаха дома старого колдуна он чувствует аромат своей мажорной квартиры. Потом он открыл глаза и вспомнил, что вчера вечером они вернулись в Турьевск, и что все закончилось хорошо.

- Смотри, - сказал Данила. - Смотри, что она делает.

Лиза сидела на траве, держа сложенную лодочкой ладонь перед собой - над ладонью парила пустая сигаретная пачка. Повинуясь взгляду Лизы, она то поднималась выше, то опускалась, и воздух вокруг нее сиял золотым.

- Получается! - прошептал Данила и сжал Шурину руку. - Сань, у нас получается!

Шура встал с кровати и отправился в душ. Стоя под тугими струйками горячей воды, он думал о том, что история почти завершена.

- Я не совсем та, кем была.

Лиза смотрела на озеро, и теплый ветер перебирал ее волосы, огненно-рыжие в свете заходящего солнца. Шура стоял рядом и понимал: он не может сейчас дотронуться до нее, он не может.

- Все будет хорошо, - только и сказал он.

Лиза обернулась к нему и сжала его правое запястье - мягко, по-дружески.

- Спасибо тебе.

Из еды в холодильнике обнаружилась пачка китайской лапши и банка зеленого горошка. Шура хмыкнул: первым делом сходить в магазин и купить чего-нибудь съестного. А потом... Что потом? Его миссия закончена, и что делать дальше - кто знает? Двигаться, дышать, как-то жить - с какой целью?

- Это возможно, Саша.

Они с Данилой сидели на кухне и вроде бы пили чай, хотя чашки стояли на столе нетронутыми. Лиза находилась в комнате с книгой из коллекции покойного хозяина дома и вряд ли слышала их разговор.

- У вас с Лизой очень глубокая эмоциональная связь, - продолжал между тем Данила. - Больше, чем любовь. Даже не знаю, как назвать. Такое сильное духовное родство.

- Ну? - Шура таки отпил чай и оставил чашку на подоконник.

- Она вполне может разорвать твоё запечатление с Пономаревым, - Данила тоже отодвинул чашку, освобождая на столе место для манипуляций. - Вас соединяет множество энергетических нитей, так вот, по-моему, она способна их разорвать. Все сразу. Я не говорю, что будет легко. Но ты сам подумай - это же лучше, чем жить так, как ты живешь.

Что ему теперь делать? Пойти погулять? Съездить к Лизе? Чем ему заниматься теперь, когда самое главное дело завершено? Несмотря на диплом, он неуч, а состряпанный Пономаревым класс А в танцах сейчас абсолютно не важен. Да, наверное, стоит признать: жизнь Александра Черникова закончилась прошлым летом, а жизнь Артура Ключевского не имеет смысла.

- Откуда такая хандра? - спросил Шура вслух, взвешивая на ладони банку с кукурузой. Банка, разумеется, не подала признаков жизни, зато внезапно разразился звонком сотовый. «Пономарев», - прочел Шура надпись на экране и нажал клавишу ответа.

- Как съездил? - осведомился Пономарев, не удосуживаясь поприветствовать своего даэрану.

- Нормально, - пробормотал Шура. Пономарев ухмыльнулся, и Шура вдруг увидел его так явственно, как если бы ведущий сидел прямо перед ним: спокойного, гладко выбритого, в дорогом костюме и с любимой сигарой в пальцах. - Нормально съездил.

- Молодец, - ответил Пономарев. - Завтракай и выезжай ко мне в двенадцать. Есть работа.

На точку они выехали в час дня. Шура смотрел в окно и молчал, Пономарев демонстративно не заговаривал с ним, слушая радио. Шура думал о том, что будет говорить, когда ведущий спросит у него напрямую, где тот был и чем занимался.

- Я его боюсь, - признался Шура. - Честно, боюсь.

- Это понятно, - кивнул Данила. - И вполне нормально, так что не стесняйся. Насколько я понял, он просто монстр гремучий. Самого Оборотня завалил.

- Моими руками, - напомнил Шура.

- Ну так ведь завалил, - сказал Данила.

Точка встречи располагалась на лугу в сорока километрах от Турьевска. Пономарев выбрался из машины и сладко потянулся. Полез в карман за портсигаром. Шура сидел, не решаясь пошевелиться - что-то подсказывало ему, что ничем хорошим этот заказ не кончится. Но что-то еще в нем, что было сильнее страха и возможной боли, мягко и настойчиво твердило: так надо, так надо.

- Шура...

Ее кожа пахла зеленым чаем - запах смешивался с ароматом свежей весенней травы, и Шура понимал, что земля уходит из-под ног. В вишневом саду исходил томными трелями соловей, и каждый вдох был как нота.

- Лиза...

- Что сидим, Артур? - услышал он голос Пономарева с незнакомыми доселе нотками. - Выходи, клиент идет.

Шура вышел из машины, встал рядом с Пономаревым и только потом обернулся в ту сторону, откуда шел клиент. Это была молодая женщина в длинном желтом платье с алыми цветами, ветер беззастенчиво трепал ее рыжие волосы. Она отпустила такси примерно в полукилометре отсюда и теперь брела, наслаждаясь теплом и солнцем, брела к своей смерти. На мгновение Шура перестал дышать.

- Всё, Артур, - услышал он голос Пономарева. - Когда я скажу, начнешь передавать энергию. Чем быстрее закончим, тем лучше.

Тем временем Лиза подошла совсем близко.

- Добрый день, - коротко кивнула она Пономареву. - О чем вы хотели поговорить?

Пономарев улыбнулся ей светло и широко - но почему-то Шуру обдало январским холодом от этой улыбки. Лиза, не верь ему, не слушай его, - хотел сказать Шура, но голос куда-то исчез, сгинул. Казалось, ясный день поздней весны заволакивает тучами, и воздух становится горьким.

- Все о том же, Елизавета Анатольевна, - ласково промолвил он. - Не кажется ли вам, что вы лезете немного не в свое дело?

Лиза пожала плечами.

- Это в чем же?

- Хотя бы в том, что забираете неизвестно куда моего помощника и компаньона, - ответил Пономарев.

Губы Лизы искривились в презрительной усмешке.

- Вашему помощнику и компаньону грозил европейский трибунал за убийство моего мужа, - проронила она холодно и впервые за время встречи посмотрела на Шуру - и он не понял ее взгляда. - Так что я вам оказала услугу, можно сказать.

- Мы скажем по-другому, - произнес Пономарев и взял Шуру за плечо. - Вы, Елизавета Поплавская, использовали сильнейший магический артефакт, не принадлежащий вам по праву, для восстановления своих способностей и не известили о том его непосредственного владельца («Он говорит обо мне? - подумал Шура. - Обо мне, и так, будто я вещь»), что приравнивается к прямому браконьерству на основании меморандума Кромвелля.

Соответственно, я, как владелец этого артефакта, имею право на...

- Нет, - выдохнула Лиза, и Шура понял: она не ожидала подобного развития событий. - Если вы хотите казнить меня, то ничего не получится. Максимум, что возможно - дуэль. Но без него, - и она указала на Шуру.

Рука Пономарева на плече сжалась.

«Неужели она не понимает, - подумал Шура, - что ей не выстоять?»

Пономарев не пойдет на дуэль, ему не нужен честный поединок за право владения «сильнейшим магическим артефактом» - ему нужна только ее гибель, потому что он давным-давно понял, какова может быть его потеря.

Лиза, уходи... Уходи, глупая, ты еще успеешь...

Голос Пономарева он услышал из такой непостижимой дали, что не сразу понял - что ведущий обращается к нему, и воля его парализована сиянием давно знакомого ему кнута.

- Давай, Артур. Точка на два пальца влево от ее виска.

Лиза не шевельнулась. Беги же! Беги! - заходился от крика внутренний голос - Лиза не двигалась, не строила защиты, вообще ничего не делала. Шура смотрел на нее и не мог, не мог...

Это все из-за нее, Артур, говорил Пономарев. Именно из-за нее ты стал тем, кто ты есть сейчас - убийцей, смертельным оружием, на тебя охотятся, и жизнь твоя висит на волоске из-за этой женщины. Если бы не она, ты был бы обычным студентом и ни с какой стороны не влез бы в эту магическую кашу, никогда. Это она.

Гнев, обида и ярость. Пономарев не мог ему врать, Пономарев говорил чистую правду, и Шура ему верил - а как было не верить? Лиза стояла перед ним, восстановленная ведьма, однажды ворвавшаяся в его тихую жизнь и разрушившая ее легко, походя. Это она сделала его таким, только она... вот только тот мальчишка, который однажды показывал Лизе, что такое спин, никак не мог признать очевидное.

- Ни волоска... - прошептал Шура и сам не понял, что сказал. Боль и горечь запечатленного даэраны стучали в его висках, срывая дыхание, вот только... Девушка в реперских портках танцует вальс, неумело, но старательно. Девушка в восточном наряде улыбается ему в приват-рум дорогого клуба. Эта самая девушка, из-за которой время сейчас остановилось.

- Артур, это она, - сказал Пономарев вслух. - Это она во всем виновата.

- Да, я знаю, - ответил Артур, - она... Именно она...

- Нет, - произнес Шура. - Ни за что. Не буду.

Пономарев ударил его по спине своим серебристым кнутом, и Шура едва удержал вскрик.

- Это ведь тоже из-за нее, - сочувствующе промолвил Пономарев. - Послушай, разве ты не устал от этого?

- Очень, - ответил Артур и шагнул к Лизе. Она не шевельнулась, хотя вполне могла бы сейчас выстроить защиту и не пропустить к себе даэрану, хотя, разумеется, защиты хватило бы ненадолго. Ненависть, ненависть, ненависть, он сейчас ненавидел ее. Эти длинные, растрепанные ветром волосы, эти спокойные зеленые глаза, эти острые игольчатые ресницы и родинку на левой ключице - нет!

Рамка, которую моделировал Пономарев сложными ломкими движениями, разрушилась, и Шуру не было нужды в том, чтобы обернуться и посмотреть. Он отлично знал - Пономарев в недоумении.

- Что? Что ты сказал, сопляк?

- Нет, - повторил Шура, и ему сразу стало как-то легче, хотя на плечи сразу же словно навалили огромный мешок камней - неподчинение ведущему по-прежнему каралось. - Нет, я не буду.

- Будешь, Артур, - почти ласково сказал Пономарев, и тут же посторонняя сила вскинула

Шурины руки и развела в стороны, формируя жест для нанесения удара. Кончики пальцев начало колоть – Пономарев аккумулировал энергию, чтобы швырнуть в Лизу. Ну почему же она сама ничего не делает, вот просто стоит и смотрит на него...

- Fngar niam haunnat sin methor... – проговорил Пономарев, и Шура тут же услышал голос Данилы:

- Отойдите от нее, оба!

Даэрана и ведущий обернулись. На обочине стоял битый Лизин спорткар, а в нескольких метрах от точки встречи – Данила и Ваня, причем у Вани в руках был пистолет – маленький, дамский, под стать владельцу. Ведь и не заметили, как они подобрались. А в машине еще и Магина, уже вызывает скорую помощь...

- Сказано вам – отойдите! – повторил Данила. – Оба, быстро!

Тут время дрогнуло и понеслось с невероятной быстротой, а Пономарев сделал свою главную ошибку.

- Пошел вон, – небрежно проронил он и махнул рукой. Данилу вскинуло в воздух и отбросило в сторону; он упал на землю и застыл в скрюченной, неестественной позе, не шевелясь. Лиза тихо вскрикнула, а Шура почувствовал, что чужая воля не так уж и сильно на него давит – Пономарев отвлекся на незваных гостей, и выстраиваемая им рамка развалилась окончательно.

Ваня посмотрел в сторону Данилы, и Шура увидел, как у Воробья затряслись губы. Он отчаянно трусил, он был смелым только в команде, но, несмотря на эту трусость, не отступал.

- Ну? – спросил Пономарев. – Тебе тоже не терпится?

- Ванька, беги, – прошептала Лиза, но Воробей не услышал ее шепота и тонким, срывающимся, каким-то совершенно детским голоском вскрикнул:

- Руки опусти, ты!

Пономарев на этом моменте малость оторопел. В его практике еще не бывало случая, чтобы на него орал какой-то сопляк-недоросток с полными штанами неприятных предчувствий.

- Давай вали отсюда, – почти ласково посоветовал Пономарев. Ваня покосился на Данилу – а Данила умирал, Шура явственно видел, как от лежащего в траве тела растекается серебристыми ручейками энергия жизни – и неожиданным тоном маршала Жукова на плацу рявкнул:

- Руки, кому говорю!

Пономарев усмехнулся и сказал Шуре:

- Видишь, это тоже по ее вине, – а затем замахнулся на Ваню своим кнутом.

И Ваня выстрелил. Не тратя слов на очередное предупреждение, он просто нажал на курок – точно и однозначно с перепугу.

Шура не понял, что происходит, и почему время застыло снова. Кнут вывалился из безвольно разжавшейся руки Пономарева, а сам он замер с натурально отпавшей от изумления челюстью. Ваня смотрел на пистолет с подлинным ужасом, словно не понимал, как эта штука попала к нему и что он только что сотворил. Где-то далеко-далеко вскрикнула Лиза, а Шура только и успел подумать, что сегодня явно не его день и рухнул в траву, чувствуя во рту кровь.

Боль была такой, что на мгновение весь мир исчез, затянутый алым, сжался в пульсирующую точку невыразимого словами мучения. Но потом багровая пелена разошлась, и Шура увидел легкомысленное летнее небо, распахнутый купол синего зонта с нарисованными кучеряшками облаков.

На него нахлынул покой, подобного которому Шура не испытывал раньше, и это чувство было настолько красивым, настолько завершенным, настолько его собственным, что ему захотелось плакать от облегчения. Артур Ключевский исчез, он снова был собой, спокойным и беззаботным пареньком, танцующим румбу на оттаявшем весеннем асфальте... Где-то Ваня трясся в истерике, содрогаясь от рыданий, где-то Пономарев выстраивал дрожащими руками новую рамку, сиюминутно спасая бесценное существо, умирающее перед ним – все это было

неважно, кроме...

- Лиза... - прохрипел Шура. Имя вздулось на его губах кровавым пузырьком, лопнуло, протекло алой лаковой струйкой по подбородку, но Шура не заметил этого, он не чувствовал теперь боли в простреленном легком, повторяя ее имя, словно молитву: - Лиза...

- Я здесь, Шура, - услышал он ее голос, и на его лоб и щеку, одна за другой, упали две теплые капли. - Я здесь.

Его накрыло снова: абсолютный и чистый покой, хотя Ваня, Пономарев, Лиза - все они испытывали подлинный водоворот эмоций, но теперь Шура мог отделить чужое от своего окончательно: он был озером, чью ровную гладь не тревожили волны, и это было так хорошо, что он заплакал снова, но не понял, что плачет.

Со стороны города донеслось завывание сирены. Ехала скорая.

Примечания

1

Псих, сумасшедший.

2

Недостойный.

3

Закрой рот.

4

Не морочь мне голову.

5

Спасибо.

6

Доброе утро! (*мур.*)

7

Тело без души есть труп.